

ISSN 2309-6667

Белорусский национальный
технический университет

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА СЕГОДНЯ

Сборник научных статей
Основан в 2013 году

Выпуск 14

Минск
БНТУ
2021

УДК 338.24
ББК 65.050.1
Э40

Адрес редакции:

Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, корп. 1, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

Решением ВАК Республики Беларусь сборник научных статей «Экономическая наука сегодня» включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований» (приказ от 22.04.2015 г. № 100).

© Белорусский национальный
технический университет, 2021

Редакционная коллегия:

Солодовников С. Ю., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, главный редактор, Республика Беларусь;

Байнев В. Ф., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой инноватики и предпринимательской деятельности Белорусского государственного университета, Республика Беларусь;

Богатырева В. В., доктор экономических наук, профессор, ректор Витебского государственного университета им. П. М. Машерова, Республика Беларусь;

Васюченко Л. П., кандидат экономических наук, доцент, Республика Беларусь;

Галоян Д. Р., доктор экономических наук, доцент, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Гурский В. Л., доктор экономических наук, доцент, директор Института экономики Национальной академии наук Беларуси, Республика Беларусь;

Давыденко Е. Л., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений Белорусского государственного университета, Республика Беларусь;

Дроздов Г. Д., доктор экономических наук, профессор, генеральный директор Санкт-Петербургского экономического института дистанционной формы обучения, Российская Федерация;

Дроздович Л. И., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, Республика Беларусь;

Елкина О. С., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры безопасности Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация;

Клименко В. А., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор, Советник Исполнительного комитета СНГ, Республика Беларусь;

Кологривко А. А., кандидат технических наук, доцент, декан факультета горного дела и инженерной экологии Белорусского национального технического университета, Республика Беларусь;

Курегян С. В., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, Республика Беларусь;

Лемещенко П. С., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международной политической экономии Белорусского государственного университета, Республика Беларусь;

Лепеш Г. В., доктор технических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой безопасности населения и территорий от чрезвычайных ситуаций Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Российская Федерация;

Лученок А. И., доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, Республика Беларусь;

Макарова И. В., доктор экономических наук, доцент, заместитель руководителя Администрации губернатора Пермского края, Российская Федерация;

Маргарян А. Ш., кандидат экономических наук, доцент, директор Научно-учебной лаборатории инновационных и институциональных исследований Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Медведев В. Ф., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, Республика Беларусь;

Морова А. П., доктор экономических наук, профессор, член Президиума Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, Республика Беларусь;

Наумович О. А., кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по международной научно-инновационной работе Белорусского института системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы, Республика Беларусь;

Никитенко П. Г., доктор экономических наук, профессор, академик Национальной академии наук Беларуси, советник Национальной академии наук Беларуси, Республика Беларусь;

Пастухов А. Л., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры безопасности Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация;

Симченко Н. А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского;

Тарасевич В. Н., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международной экономики, политической экономии и управления Национальной металлургической академии Украины, Украина;

Фаузер В. В., доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, руководитель отдела социально-экономических проблем, заведующий лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация;

Хайкин М. М., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая теория» Санкт-Петербургского горного университета, Российская Федерация;

Хацкевич Г. А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой бизнес-администрирования Института бизнеса Белорусского государственного университета, Республика Беларусь;

Цёхла С. Ю., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента предпринимательской деятельности Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского;

Шебеко К. К., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и бизнеса Полесского государственного университета, Республика Беларусь;

Чижович В., PhD., профессор, профессор кафедры административного и финансового права предприятий Варшавской школы экономики, Республика Польша.

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Арчаков В. Ю. Оценка состояния национальной безопасности Республики Беларусь на современном этапе: проблемные аспекты.....	7
Баньковский А. Л. О концептуализации в сфере национальной безопасности.....	11

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Курегян С. В. Вопросы методологии экономической теории.....	16
--	----

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Солодовников С. Ю., Сергиевич Т. В. Развитие электротранспорта в Республике Беларусь на основе государственно-частного партнерства в условиях новых геоэкономических вызовов и угроз.....	21
Борис О. А., Парахина В. Н. Молодежное предпринимательство как средство решения проблемы безработицы среди молодых людей.....	29
Байнев В. Ф. Электроэнергетика Беларуси: становление, эволюция, перспективы развития в условиях новой индустриализации.....	42
Клименко В. А., Дроздович Л. И., Казанцева В. А. Теоретико-методологические основы взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали в контексте современной технологической модернизации.....	50
Мелешко Ю. В. Риски современной промышленной политики Республики Беларусь в контексте неоиндустриализации.....	57
Matskevich A. V. A study on risk response to pandemic-caused service process disruption in higher education.....	65

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Гурский В. Л. Перспективы экономической интеграции стран – участниц СНГ в новых геоэкономических условиях.....	71
Стратан А. Н. Постприватизационная реструктуризация сельского хозяйства Республики Молдова.....	81

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гогоберидзе Г. Г., Левкевич В. Е., Румянцева Е. А., Сергиевич Т. В. Анализ социально-экономического состояния и тенденций развития арктических приморских регионов на основе индикаторного подхода.....	87
--	----

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

Сташевская М. П. Теоретические основы формирования организационно-экономического механизма применения больших данных.....	101
Салахова Ю. Ш. Социально-экономические факторы, определяющие эволюцию форм человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития цифровой экономики.....	110
Рунков Ю. Ю. Индустриализация как фактор технико-технологического прогресса.....	117
Бидзюра Е. А. Теоретические аспекты определения экономической безопасности как экономической категории.....	123

РЕЦЕНЗИИ

Лемщенко П. С. Наука экономика: между истиной и утопией.

Рецензия на книгу: Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука /

В. М. Ефимов. – М.: КУРС, 2021. – 296 с..... 133

Памятка авторам статей для подачи в редакцию сборника научных статей

«Экономическая наука сегодня»..... 141

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 342

JEL H56

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-7-10>**ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ****В. Ю. Арчаков**

iau@sssc.gov.by

кандидат юридических наук,

Заместитель Государственного секретаря

Совета Безопасности Республики Беларусь

Государственный секретариат Совета Безопасности Республики Беларусь

г. Минск, Республика Беларусь

В статье дана общая оценка состояния национальной безопасности Республики Беларусь на современном этапе. Выделен ряд ключевых угрозообразующих факторов, оказавших определяющее влияние на состояние защищенности интересов личности, общества и государства в различных сферах национальной безопасности, обозначены ключевые проблемные вопросы. В условиях высокой динамики геополитической обстановки, появления новых и трансформации существующих рисков и вызовов обосновывается необходимость актуализации и дальнейшего совершенствования Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.

Ключевые слова: национальная безопасность, концепция национальной безопасности, национальные интересы, приоритеты государственной политики, биологическая безопасность.

Цитирование: Арчаков, В. Ю. Оценка состояния национальной безопасности Республики Беларусь на современном этапе: проблемные аспекты / В. Ю. Арчаков // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 7 – 10. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-7-10>

Введение. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция) от 2010 г.¹ является базовой методологической основой обеспечения национальной безопасности в нашей стране. В результате комплексного подхода, привлечения ведущих ученых и практиков [1, с. 43–44] к концу первого десятилетия XXI в. был подготовлен фундаментальный документ, который учитывает принцип преемственности государственной политики в сфере национальной безопасности и содержит значительное число новаций с учетом складывающейся геополитической обстановки в тот период.

Безусловно, за прошедшее десятилетие было сделано немало: планомерно укрепляется законность и правопорядок, постоянно совершенствуется система противодействия коррупции. В Беларуси отсутствует дискриминация по религиозному признаку, своевременно пресекаются всевозможные проявления экстремизма и терроризма.

В социальной сфере Республика Беларусь достигла высокого уровня развития человеческого потенциала. В 2020 г. по данному показателю наша страна занимает 53-е место среди 189 стран и территорий мира (в 2011 г. – 65 место), входит в число 66 стран с очень высоким уровнем человеческого развития, опережая другие государства СНГ. Беларусь реализует модель социально ориентированной рыночной экономики, которая доказала свою жизнеспособность. В стране завершено формирование основ информационного общества, заложена правовая основа информатизации, принята Концепция информационной безопасности, одной из главных целей которой определено достижение информационного суверенитета. Оптимизирована организационная структура Вооруженных Сил. Продолжается последовательная реализация мероприятий военного строительства в соответствии с требованиями передовой военной науки [2].

¹ Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 276. – 1/12080.

Основная часть. Результаты проведенных в Государственном секретариате Совета Безопасности комплексных исследований различных аспектов национальной безопасности, анализ зарубежного опыта и оценки ведущих отечественных экспертов в различных областях знаний показывают, что базовые положения Концепции, прежде всего касающиеся архитектуры существующей системы обеспечения национальной безопасности, не исчерпали свой потенциал.

Несмотря на это, изложенные в Концепции подходы по всему спектру вопросов обеспечения национальной безопасности требуют постоянного творческого переосмысления и корректировки. Тем более, что страны-соседи уже приняли новые итерации своих документов стратегического планирования. Кроме того, обострение мировых проблем человечества и несовершенство существующей архитектуры безопасности объективно требуют дальнейшего развития концептуальных подходов по совершенствованию системы защиты от внутренних и внешних угроз. При этом важным является сохранить преемственность ключевых подходов и положений ныне действующего документа.

По своей форме и содержанию Концепция носит всеобъемлющий и комплексный характер, так как имеет элементы не только концепции, но и классической стратегии, что формирует основу для ее дальнейшего развития без изменения существующей формы, прежде всего с целью уточнения конкретных направлений ее дальнейшей реализации. В этой связи целесообразно актуализировать новые риски, вызовы и угрозы с учетом последних изменений обстановки в Беларуси и вокруг нее.

Применительно к сферам национальной безопасности система оценки ее состояния в целом позволяет адекватно оценивать уровень защиты национальных интересов Республики Беларусь и своевременно реагировать на риски, вызовы и угрозы. Вместе с тем, показатели отдельных сфер требуют корректировки, пересмотра и доработки (например, в демографической сфере), совершенствования системы индикаторов, а также введения новых оценочных показателей (например, в экономической сфере).

В частности, во внешнеполитической сфере необходимо скорректировать формулировки существующих индикаторов, расширить их перечень с учетом новых факторов и ввести показатели внешнеполитической безопасности, связанные с вопросами санкций, ограничений, критических резолюций международных организаций в отношении Беларуси и так далее.

Во внутриполитической сфере для повышения качества оценки ее состояния необходимо проведение регулярных социологических исследований по всему спектру вопросов, касающихся реализации внутренней политики государства. Это позволит изучать общественное мнение и формировать его, а также обеспечивать обратную связь государства и общества.

В научно-технологической сфере для повышения объективности оценки рисков целесообразно расширить общее количество индикаторов и установить новые критерии при оценке потенциала научно-технического и инновационного развития государства.

В социальной сфере необходимо усовершенствовать систему индикаторов национальной безопасности, установив показатели оценки достижения всех национальных интересов. Кроме этого, требуется выработка новых (дополнительных) показателей, характеризующих состояние здравоохранения и образования.

В демографической сфере актуальным является пересмотр государственного органа, отвечающего за указанные вопросы (в настоящее время – Минтруда и соцзащиты). Кроме этого, целесообразно вернуться к разработке Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь, т. к. госпрограмма «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы в большей степени ориентирована на укрепление здоровья населения и не затрагивает вопросы демографической безопасности.

В информационной сфере необходимо усовершенствовать систему оценки состояния национальной безопасности с максимальным охватом всех ее аспектов и использования комплексных показателей для повышения объективности.

Важным также является дальнейшее совершенствование механизмов информационного обеспечения государственной политики, расширение каналов и повышение качества информирования зарубежной общественности, недопущение создания информационного вакуума по актуальным вопросам.

В военной сфере требует уточнения методика оценки состояния национальной безопасности (в части, касающейся введения дополнительных индикаторов, в том числе комплекс-

ных). Актуальным также является необходимость расширения критериев ее оценки, в том числе за счет учета экономических факторов.

В экологической сфере Республике Беларусь наряду с развитыми европейскими странами необходимо планомерно расширять перечень принимаемых мер по минимизации воздействия негативных факторов на экологию (в стране лишь планируется разработка программных документов по внедрению инструментов поддержки «зеленой» (циркулярной) экономики, а во многих странах уже принимаются практические меры по ее реализации).

С учетом значимости и многоаспектности новых рисков, связанных с пандемией коронавируса COVID-19, представляется жизненно важным внедрение более широкого формата биологической безопасности, выделение указанных вопросов в отдельную новую сферу биологической безопасности [3, с. 26–27].

Выводы. Таким образом, в непростых условиях глобальной трансформации современного мира и его перехода к новой системе международных отношений, выстроенная в стране система обеспечения национальной безопасности доказала свою эффективность, а взвешенная политика по защите национальных интересов позволила сохранить баланс в отношениях с основными центрами силы [4, с. 57]. Кроме того, заложенная в действующей Концепции методологическая основа и система обеспечения национальной безопасности не утратили свою практическую значимость. В этой связи представляется, что реализация актуализированных положений Концепции, адаптированной к тенденциям изменения обстановки в мире в среднесрочной перспективе, послужит дальнейшей консолидации общества, сохранению и развитию республики как независимого суверенного государства. В этой связи уполномоченным государственным органам, прежде всего координаторами по обеспечению национальной безопасности в различных сферах, важно учитывать изложенные проблемные аспекты при выработке подходов в рамках совершенствования положений Концепции.

Список использованных источников

1. Национальная безопасность Республики Беларусь / С. В. Зась [и др.]; под ред. М. В. Мясниковича, Л. С. Мальцева. – Мн : Беларус. навука, 2011. – 557 с.
2. Вольфович, А. Г. О состоянии национальной безопасности Республики Беларусь на современном этапе / А. Г. Вольфович // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности : тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 19 нояб. 2021 г. / ред. кол. С. Я. Аземша [и др.]. – Минск : СтройМедиа-Проект, 2021. – С. 11–18.
3. Арчаков, В. Ю. Обеспечение биологической безопасности: зарубежный опыт в контексте современных вызовов и угроз / В. Ю. Арчаков, А. Л. Баньковский, П. И. Савков // Наука и инновации. – 2021. – № 10. – С. 21–29.
4. Коваленя, А. А. Обеспечение национальной безопасности в контексте тенденций развития современного мира / А. А. Коваленя, В. Ю. Арчаков, А. Л. Баньковский // Беларуская думка. – 2021. – № 8. – С. 54–60.

Статья поступила в редакцию 5 ноября 2021 года

ASSESSMENT OF THE STATE OF NATIONAL SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS AT THE PRESENT STAGE: PROBLEMATIC ASPECTS

V. Y. Archakov

PhD in Law

Deputy Secretary of State Security Council of the Republic of Belarus

State Secretariat of the Security Council of the Republic of Belarus

Minsk, Republic of Belarus

The article gives a general assessment of the state of national security of the Republic of Belarus at the present stage. A number of key threat-forming factors that have had a decisive impact on the state of protection of the interests of the individual, society and the state in various areas of national security are identified, key problematic issues are identified. In the conditions of high dynamics of the geopolitical situation, the emergence of new and transformation of existing risks and

challenges, the necessity of updating and further improving the Concept of National Security of the Republic of Belarus is justified.

Keywords: *national security, national security concept, national interests, priorities of state policy, biological security.*

References

1. Zas', S. V. [and oth.] (2011) *Natsional'naya bezopasnost' Respubliki Belarus'* [National security of the Republic of Belarus], Myasnikovich, M. V., Mal'tsev, L. S. (ed.) Minsk, Belaruskaya navuka publ. (In Russian).

2. Vol'fovich, A. G. (2021) O sostoyanii natsional'noi bezopasnosti Respubliki Belarus' na sovremennom etape [On the state of national security of the Republic of Belarus at the present stage]. In: S. Ya. Azemsha [and oth.] (eds.) *The main directions of improving the national security system: Collection of reports of the International Scientific and Practical Conference, 19 November 2021, Minsk*. Minsk, StroiMedia-Proekt, 11-18. (In Russian).

3. Archakov, V. Y., Bankovsky, A. L., Savkov, P. I. (2021) Obespechenie biologicheskoi bezopasnosti: zarubezhnyi opyt v kontekste sovremennykh vyzovov i ugroz [Ensuring biological safety: experience in the context of modern challenges and threats]. *Science and Innovations*. (10), 21-29. (In Russian).

4. Kovalenya, A. A., Archakov, V. Y., Bankovsky, A. L. (2021) Obespechenie natsional'noi bezopasnosti v kontekste tendentsii razvitiya sovremennogo mira [Ensuring national security in the context of development trends in the modern world]. *Belaruskaya dumka*. (8). 54-60. (In Russian).

УДК 342

JEL H56

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-11-15>**О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ****А. Л. Баньковский**

iau@sssc.gov.by

Государственный секретариат Совета Безопасности Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь

В статье на основе комплексного анализа зарубежного опыта, мнений отечественных и иностранных ученых рассматриваются различные методологические подходы в рамках концептуализации в сфере национальной безопасности Республики Беларусь. Обосновывается необходимость актуализации рисков с учетом их трансформации и зарождения новых вызовов с одновременным сохранением существующей системной основы национальной безопасности, исходя из принципов преемственности и безопасности через развитие. Предлагается объединить две доминирующие в настоящее время парадигмы безопасности – защищенности и развития для достижения позитивного синергетического эффекта.

Ключевые слова: национальная безопасность, концепция национальной безопасности, методология, концептуализация, постнеклассический универсальный эволюционизм, парадигма развития.

Цитирование: Баньковский, А. Л. О концептуализации в сфере национальной безопасности / А. Л. Баньковский // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 11–15. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-11-15>

Введение. В Республике Беларусь на регулярной основе разрабатываются и утверждаются Главой государства Концепции национальной безопасности, призванные сформировать методологическую основу для разработки документов стратегического планирования, совершенствования актов законодательства в различных сферах национальной безопасности, сохранения преемственности и единства подходов к формированию и реализации государственной политики по обеспечению национальной безопасности [1].

Анализ состояния национальной безопасности Беларуси на современном этапе свидетельствует, что в целом выстроенная в стране система ее обеспечения доказала свою эффективность [2].

Немаловажно, что современные подходы к национальной безопасности в ряде стран в различные периоды времени отличаются высоким уровнем неопределенности, а стратегические документы не содержат точных определений основных целей, объектов и методов обеспечения национальной безопасности, зачастую ограничиваясь констатациями и декларациями (например, в США)¹.

Промежуточные результаты проводимого комплексного научно-прикладного исследования информационно-аналитической деятельности (далее – ИАД) применительно к теории и практике обеспечения национальной безопасности [3] свидетельствуют о необходимости комплексного анализа существующих подходов к феномену современной национальной безопасности.

Основная часть. На основе проведенного изучения мнений различных ученых и профильных экспертов [4-10] можно выделить следующие основные подходы (типы) к пониманию феномена национальной безопасности:

1) инфантильно-патерналистский – достигается путем привития членам общества инфантильного чувства абсолютной социальной защищенности и лишения их объективной и полной информации о событиях в стране и мире². Также подобный эффект может достигаться и с помощью таргетированных манипулятивных воздействий на различные группы общества, в частности, в рамках «гибридных» войн;

¹ Основы теории обеспечения национальной безопасности : курс лекций / В. В. Пузиков [и др.] ; под ред. В. В. Пузикова. – Мн.: ГИУСТ БГУ, 2013. – 512 с. – С. 193–194.

² Основы теории обеспечения национальной безопасности : курс лекций / В. В. Пузиков [и др.] ; под ред. В. В. Пузикова. – Мн.: ГИУСТ БГУ, 2013. – 512 с. – С. 193–194.

2) рационально-этактистский – связан с сознательным отведением государству функций по обеспечению защиты страны от внешней угрозы. В этом случае национальная безопасность является лишь одной из немногих функций государства, во всех остальных вопросах нация не может рассчитывать на государственный патернализм. Если государство не обладает самодостаточной мощью, то и национальная безопасность в сознании граждан оказывается прочно зависимой от их собственных созидательных усилий¹;

3) аксиологический (ценностно-ориентированный) подход [4], где система безопасности выстраивается вокруг национальных интересов, обеспечивая их реализуемость. При этом вышеназванная система является адаптивной, так как в своей архитектуре учитывает не только особенности объекта защиты (национального интереса), но и риски, вызовы и угрозы, воздействующие на него, а также параметры их влияния (вероятность, деструктивную силу и др.). Результатом применения аксиологического подхода выступает стабильность реализации национальных интересов вне зависимости от наличия угроз. При этом аксиологический анализ феномена безопасности позволяет сделать вывод о том, что безопасность относится к числу базовых ценностей, а утрата национальной безопасности приводит к отрицанию нормальной жизни людей, социальной гармонии и развития [5];

4) в основе проблемно-целевого подхода [6] лежит замысел селективного решения наиболее значимых проблем, сдерживающих общественное развитие, или ключевых задач, повышающих защищенность отношений в сфере национальной безопасности. При использовании данного подхода по каждому направлению предусматривается собственная система мер, позволяющая локализовать ее деструктивное воздействие;

5) постнеклассический универсальный эволюционизм [7], предложенный В. С. Степиным в качестве основы современной научной картины мира. В результате развития, изменения и дополнения идей Т. Куна [8] обосновывается концепция «парадигматических трансплантаций» как принципиально нового вида научных революций, лишенных соответствующих куновских кризисов нормальной науки, когда даже благодаря простому взаимодействию различных наук при определенных обстоятельствах возникают научные переломы в одной, двух или большем числе соответствующих дисциплин [9]. В связи с этим целесообразно исходить из общего вывода В. С. Степина о том [7], что универсальный эволюционизм предполагает соединение идеи эволюции с идеями системного подхода. В этом отношении он не только распространяет развитие на все сферы бытия (устанавливая универсальную связь между неживой, живой и социальной материей), но и преодолевает ограниченность феноменологического описания развития, связывая такое описание с идеями и методами системного анализа, что наиболее важно и рационально близко к решению, как правило, нестандартных полифункциональных задач ИАД в сфере обеспечения национальной безопасности.

В целом феномен национальной безопасности по мере эволюционного развития² стал охватывать национальные интересы, весь спектр известных в настоящее время внешних и внутренних рисков, вызовов и угроз в различных сферах жизнедеятельности человека, а также способность государства обеспечить их защиту. С точки зрения эволюционного подхода необходимо констатировать, что на протяжении всей истории человечества – от первобытных племен до постиндустриального, глобального и информационного общества – обеспечение безопасности всегда выступало в качестве приоритетной ценности и важнейшей задачи любого социума.

Сравнительный анализ национальных документов с аналогичными иностранными источниками [10] показывает, что реализованные в Беларуси подходы по концептуализации в сфере национальной безопасности в целом соответствуют зарубежным взглядам на формирование систем обеспечения безопасности. После принятия действующей Концепции национальной безопасности в стране создан научно обоснованный практический механизм оценки состояния национальной безопасности, позволяющий осуществлять мониторинг развития рисков, вызовов и угроз, оценивать эффективность функционирования системы обеспечения национальной безопасности и деятельности ее отдельных субъектов (на основе не только количественного, но и качественного анализа, в т. ч. экспертных оценок).

¹ Основы теории обеспечения национальной безопасности : курс лекций / В. В. Пузиков [и др.] ; под ред. В. В. Пузикова. – Мн.: ГИУСТ БГУ, 2013. – 512 с. – С. 193–194.

² В различные периоды истории данные процессы могли развиваться и спорадически, скачкообразно, с учетом различных, в том числе революционных, преобразований, формационных сдвигов и трансформации парадигм дальнейшего государственного развития.

С практической точки зрения применительно к решению сугубо прикладных задач ИАД в сфере обеспечения национальной безопасности представляется возможным допустимое использование отдельных элементов различных методологических подходов с целью минимизации их объективных и субъективных издержек с одновременной максимизацией общепризнанных сильных сторон каждого из них.

Выводы. Одновременно целесообразно объединить две доминирующие в настоящее время парадигмы безопасности – защищенности и развития. Такой подход позволит без коренных трансформаций существующей системы эволюционным путем перейти к необходимым изменениям в организации и деятельности по обеспечению национальной безопасности на современном этапе, в том числе с учетом имеющегося позитивного опыта, а также будет способствовать формированию синергетического эффекта в данной многоаспектной междисциплинарной области.

В указанном контексте возможно исходить из принципа «безопасность через развитие», при котором, по мнению одного из ведущих отечественных ученых в области информационно-права и информационной безопасности О. С. Макарова [11], опережающие темпы роста являются гарантией безопасности, а задержки и отставание в развитии – угрозой безопасности. В таком случае функция подсистемы обеспечения безопасности смещается от противостояния совокупности угроз к их опережающему развитию (когда сфера интересов за счет динамики их развития не совпадает с точками реализации угроз).

Предварительный анализ проведенных дискуссий с ведущими отечественными и зарубежными учеными на различных конференциях, научно-экспертных площадках, в том числе в формате круглых столов, в частности на площадке БНТУ¹, показывает наличие схожих позиций в отношении необходимости актуализации современных рисков с учетом их трансформации и зарождения новых вызовов с одновременным сохранением существующей системной основы в сфере национальной безопасности. Важным аспектом в данной области является реализация принципа преемственности.

При этом большинство опрошенных специалистов, представляющих различные научные школы и сферы научно-исследовательской деятельности, высказываются за сохранение существующей в Беларуси формы базового документа стратегического планирования – Концепции национальной безопасности. В целом представляется, что заложенная в документе структурно-функциональная матрица соответствует современным зарубежным (в том числе российским) подходам в сфере концептуализации.

Важным самостоятельным направлением совершенствования государственной политики в сфере национальной безопасности является доработка системы правового регулирования правоотношений в данной области, имеющей явные пробелы. С учетом положительного зарубежного опыта целесообразно после принятия Концепции разработать проект правоустанавливающего Закона «О национальной безопасности Республики Беларусь», интегрирующего правовое регулирование в сфере обеспечения безопасности.

Представляется, что указанные предложения и подходы будут способствовать формированию методологического базиса для дальнейшего прогрессивного безопасного развития и могут быть учтены в процессе совершенствования концептуальных основ в сфере национальной безопасности. При этом совершенствование положений Концепции целесообразно синхронизировать с изменениями положений Конституции.

Список использованных источников

1. Республика Беларусь – 25 лет созиданий и свершений. В 7 т. Т. 2. Безопасность граждан, общества и государства / В. В. Андрухов [и др.] ; редсовет: В. П. Адрейченко [и др.]. – Мн.: Беларуская навука, 2020. – С. 11–12.

2. Вольфович, А. Г. О новых вызовах и угрозах в контексте обеспечения национальной безопасности / А. Г. Вольфович // Безопасность в условиях трансформации угроз: актуальные проблемы и решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 ноября 2021 г. :

¹ Круглый стол по обсуждению положений новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://times.bntu.by/news/9533-kruglyj-stol-koncepcii-nacbezopasnosti>. – Дата доступа: 21.09.2021.

в 3 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол.: Г. Г. Краско (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – Т. 1. – С. 47–51.

3. Баньковский, А. Л. О направлениях совершенствования информационно-аналитической деятельности в системе обеспечения национальной безопасности / А. Л. Баньковский // Безопасность и устойчивое развитие: теория и практика в условиях цифровой трансформации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Мн., 5–6 декабря 2019 г. : в 5 т. / ИНБ Респ. Беларусь; редкол.: Г. Г. Краско (гл. ред.) [и др.]. – Мн., 2019. – Т.1. – С. 44–48.

4. Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / редкол.: В. Г. Графский, Л. С. Мамут, В. С. Нерсеянц (отв. ред.). – М., 1996.

5. Иншаков, С. М. Методологические основы теории национальной безопасности / С. М. Иншаков. – М.: Русайнс, 2020. – 280 с.

6. Базаров, В. А. О методологии построения перспективных планов / В. А. Базаров // Плановое хозяйство. – 1926. – № 7.

7. Степин, В. С. Теоретическое знание, структура, историческая эволюция / В. С. Степин. – М., 2000. – 743 с.

8. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: АСТ, 2020. – 320 с.

9. Ленк, Х. Международное значение философских идей В. С. Степина / Х. Ленк // Академик В. С. Степин. Тайна долгого пути... / сост. А. Н. Данилов ; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Мн.: Беларуская навука, 2019. – С. 8–10.

10. Баньковский, А. Л. Основополагающие законодательные, доктринальные, стратегические, концептуальные документы в сфере национальной безопасности в зарубежных практиках на постсоветском пространстве, в странах ближнего и дальнего зарубежья / А. Л. Баньковский, Э. Г. Головкин // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности : тезисы докладов Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 19 нояб. 2021 г. / ред. кол. С. Я. Аземша [и др.]. – Минск : СтройМедиа-Проект, 2021. – С. 31–39.

11. Макаров, О. С. К вопросу о новых рисках в информационной сфере и реализации принципа «безопасность через развитие» / О. С. Макаров // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № 2 (28). – С. 57–60.

Статья поступила в редакцию 5 ноября 2021 года

ON CONCEPTUALIZATION IN THE FIELD OF NATIONAL SECURITY

A. L. Bankovsky

State Secretariat of the Security Council of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus

Based on a comprehensive analysis of foreign experience, opinions of domestic and foreign scientists, the article examines various methodological approaches within the framework of conceptualization in the field of national security of the Republic of Belarus. The necessity of actualizing risks, taking into account their transformation and the emergence of new challenges, while maintaining the existing systemic basis of national security, proceeding from the principles of continuity and security through development, is substantiated. It is proposed to combine the two currently dominant paradigms of security – security and development in order to achieve a positive synergistic effect.

Keywords: national security, national security concept, methodology, conceptualization, post-non-classical universal evolutionism, development paradigm.

References

1 Andruhov, V. V. [and oth.] (2020) Respublika Belarus' – 25 let sozidanii i svershenii [Republic of Belarus – 25 years of construction and accomplishments]. Ed. V. P. Andreichenko [and oth.]. Minsk, Belaruskaja navuka, (In Russian).

2 Vol'fovich, A. G. (2021) O novykh vyzovakh i ugrozakh v kontekste obespecheniya natsional'noi bezopasnosti [On new challenges and threats in the context of ensuring national security]. In: G. G. Krasko [and oth.] (eds.) *Security in the context of threat transformation: topical problems and solutions: Materials of the International Scientific and Practical Conference, 25–26 November 2021, Minsk*. Minsk, Institute of National Security of the Republic of Belarus. Vol. 1, 47-51. (In Russian).

3. Bankovsky, A. L. (2019) O napravleniiah sovershenstvovaniia informatsionno-analiticheskoi deiatel'nosti v sisteme obespecheniia natsional'noi bezopasnosti [About the directions of improving analysis information activity in the system of ensuring national security]. In: G. G. Krasko [and oth.] (eds.) *Security and sustainable development: theory and practice under conditions of digital transformation Proceedings of the Scientific and Practical Conference: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-practicheskoi konferentsii, 5–6 December 2019, Minsk*, Minsk, Institute of National Security of the Republic of Belarus. Vol. 1, 44-48. (In Russian).
4. Grafskii, V. G., Mamut L. S., Nerseiants V. S., ed. (1996) Problemy tsennostnogo podhoda v prave: traditsii i obnovlenie [Problems of values-based approach in rights: traditions revival]. Moscow. (In Russian).
5. Inshakov, S. M. (2020) Metodologicheskie osnovy teorii natsional'noi bezopasnosti [Methodological framework of theory of national security]. Moscow, Runais. (In Russian).
6. Bazarov, V. A. (1926) O metodologii postroeniia perspektivnykh planov [About the methodology for the preparation of perspective plan]. *Planovoe hoziaistvo*, (7). (In Russian).
7. Stepin, V. S. (2000) Teoreticheskoe znanie, struktura, istoricheskaia evolutsiia [Theoretical knowledge, structure, historical evolution]. Moscow. (In Russian).
8. Kun, T. (2020) Struktura nauchnykh revoliutsii [The structure of scientific revolutions]. Moscow, AST. (In Russian).
9. Lenk, H. (2019) Mezhdunarodnoe znachenie filosofskikh idei V. S. Stepina [International significance of philosophical ideas by V. S. Stepin]. In: A.N. Danilov (ed.). *Academician V.S. Stepin Mystery of long journey...* Minsk, Belaruskaiia navuka, 8–10. (In Russian).
10. Bankovsky, A. L., Golovko, E. G. (2021) Osnovopolagayushchie zakonodatel'nye, doktrinal'nye, strategicheskie, kontseptual'nye dokumenty v sfere natsional'noi bezopasnosti v zarubezhnykh praktikakh na postsovetskom prostranstve, v stranakh blizhnego i dal'nego zarubezh'ya [Fundamental legislative, doctrinal, strategic, conceptual documents in the field of national security in foreign practices in the post-Soviet space, in the countries of near and far abroad]. In: S. Ya. Azemsha [and oth.] (eds.) *The main directions of improving the national security system: Collection of reports of the International Scientific and Practical Conference, 19 November 2021, Minsk*. Minsk, StroiMedia-Proekt, 31-39. (In Russian).
11. Makarov, O. S. (2019) K voprosy o novykh riskah v informatsionnoi sfere i realizatsii printsipa «bezopasnost' cherez razvitie» [On the question of new risks in the sphere of information and realization of the principle «safety trough development»]. *Eurasian integration: economics, law, politics*, 2 (28), 57-60. (In Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.101

JEL B41

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-16-20>

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

С. В. Курегян

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена раскрытию методологии экономической теории. Методология во многом зависит от предмета и объекта экономической теории, от исследуемых проблем, от тех способов и приемов, которые используются учеными. В работе сделана попытка рассмотреть системный подход в методологии экономической теории, исходя из целостной системы общественного производства.

Ключевые слова: системный метод, общественное производство как целостная система, системный анализ.

Цитирование: Курегян, С. В. Вопросы методологии экономической теории / С. В. Курегян // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 16–20. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-16-20>

Введение. Вопрос о методологии экономических исследований как совокупности различных методов является одним из сложных и важных в экономической науке. Причем во многом применяемая методология не является результатом самой экономической науки, ее предоставляет философия в качестве методов познания. Но исследование этих методов и их результаты зависят от уровня развития экономической практики и уровня развития самой экономической науки. Не в последнюю очередь они зависят от самих исследователей, от их интеллектуального развития, мировоззрения, мироощущения и мировосприятия. Велика роль эмоционального состояния исследователей, причем настолько значима, что в пору его назвать эмоциональным методом исследования. При рассмотрении современных методов разработки и изучения экономической теории мы должны опираться на те, которые использовали выдающиеся экономисты прошлого и, прежде всего, такие как А. Смит, К. Маркс, Дж. Милль и А. Маршалл, каждый из которых внес свою лепту в методологию политической экономии и экономической науки.

Так, А. Смит в своих работах, особенно в главном своем труде, исследует такие методы как метод сравнения и сопоставления, исторический метод, логический метод, метод предположений, метод допущений и упрощений и т. д. К. Маркс использует диалектический метод исследований, основанный на диалектике самих реальных экономических отношений и производительных сил капиталистического способа производства. Он применяет такие методы как метод использования научных абстракций и абстрагирования (отвлечения), анализ и синтез, индукция и дедукция, историко-логический метод и т. д., которые позволяют глубже изучить законы и закономерности экономического развития (противоречивость развития, единство и борьба противоположностей, отрицание отрицания, сущность и явление, содержание и форма, причина и следствие и т. д.). Что касается Дж. Милля, то он отличался тем, что широко использовал такие методы как наблюдение и анализ, логический метод, дедуктивный метод, математический метод и т. д., которые во многом определялись складом его ума. Методы экономического исследования на новую высоту поднял А. Маршалл. Ему не чужды диалектические методы исследования, но использует он их в своей манере: критически сопоставляя и анализируя. К известным методам А. Маршалл добавил метод здравого смысла, графический метод, метод аналогий, экономико-математический метод, метод моделирования и т. д. Разработке методов способствовали его хорошие знания в области математического анализа и математики в целом.

Методы, которые были разработаны и использованы этими великими учеными, во многом зависели от целей и задач их исследований. Что же касается нашей задачи, то она значительно

скромнее: сводится к раскрытию основных методов экономической теории для обоснования системного подхода как основного метода экономических исследований в современных условиях.

Современная экономическая наука требует новых подходов и новых идей, соответствующих новому уровню экономической практики, приемам и тенденциям ее развития. Как справедливо подчеркивает С. Ю. Солодовников, «несмотря на то, что в последние двадцать лет в политэкономии (и в ряде иных общественных наук) стало хорошим тоном использовать системный подход, до сих пор налицо отсутствие однозначности и четкости как в понимании самого подхода, так и таких ключевых категорий как "система", "структура", "свойство", "целостность"» [1, с. 6]. Системный подход позволяет рассматривать экономику как систему. «Традиционно теория систем представляет собой специфическую область теоретического исследования, связанную с разработкой методологических принципов исследования и конструирования сложноорганизованных объектов как систем разных типов» [2, с. 5]. Поэтому системный подход должен быть положен не только в основу экономических исследований, но и в основу практической экономической деятельности. Системный подход должен устранить возможные противоречия в организации и управлении любым бизнесом.

Таким образом, системный подход включается в диалектический метод исследования экономики, более того, в самом этом подходе прослеживается диалектика. Системный подход должен быть использован с учетом особенностей объекта и предмета экономического исследования. С точки зрения нашего объекта и предмета исследования, системный подход должен позволить рассматривать общественное производство как целостную систему и изучить экономические отношения, экономические процессы и экономические явления, имеющих место в каждой из сфер, входящих в общественное производство как целостную систему, а также их специфику и особенности.

Результаты и их обсуждение. Системный подход – это комплекс способов и приемов, которые использует исследователь при изучении какого-либо объекта (социально-экономического объекта) как системы. Это использование укоренившихся устойчивых убеждений, которые носят системный характер, является результатом длительных раздумий, размышлений, наблюдений, практического опыта, которые определяют позицию автора. Но и приемы и способы исследования и убеждения не могут быть раз и навсегда данными, они со временем изменяются в ходе обнаружения новых фактов действительности, рассуждений и исследований, а также нового восприятия их результатов. Изменение позиции должно быть результатом комплексного критического анализа экономической практики и выработки новой парадигмы экономической науки.

Убеждения не могут не быть результатом осмысления ценностей и психоэмоционального состояния исследователя.

Это становится особенно актуальным при изучении духовного производства как части целостного общественного производства.

Только системный подход позволяет преодолеть узко ограниченный объект экономических исследований и использовать системное мышление. Системное мышление – это умение, способность самостоятельно мыслить, сопоставлять, анализировать, изучать и делать адекватные системе выводы. Именно системное мышление позволяет раскрыть полезность, потребительную стоимость как систему. В связи с этим следует согласиться с Л. П. Васюченко в том, что «подход к построению системы категорий потребительной стоимости на основе дихотомии социальных и природных отношений действительно развенчивает иллюзию воскрешения социума по ту сторону стоимости в простом отношении человека к вещи, но раздвигает границы товарной формы хозяйства. И если вернуться к вопросу о том, что должен делать производитель в современной экономике, то краткий ответ на него – воспроизводить систему потребительной стоимости. Развернутая трактовка предполагает создание потребности, определение полезности, выбор ее носителей, установление связи предлагаемого продукта с миром вещей, разработку механизмов доступа к продукту, конструирование цен, способы производства и потребления. Производить просто вещи в экономике XXI века бессмысленно. Необходимо системно производить поведение субъектов и те вещи, которые являются средствами производства этого поведения» [3, с. 23]. Развивая эту мысль, Т. В. Сергиевич подчеркивает, что «даже в кардинально различающихся бизнес-моделях фундаментальным является производство социального отношения» [4, с. 78]. При этом, как отмечает названный автор, «тенденции вовлечения в про-

цесс создания потребительной стоимости все большего числа субъектов, в том числе самого потребителя, открывают доступ к новым механизмам производства поведения субъектов» [5, с. 76].

Полезность, потребительная стоимость – это свойство благ, продуктов, товаров, собственности, богатства. Но и блага, и продукты, и товары, и собственность, и богатство не могут сводиться только к их материальной форме. В связи с этим прав С. Ю. Солодовников в том, что «собственность как экономическая категория представляет собой сложную исторически обусловленную систему социальной межсубъектной персонификации функций и прав (как правило, юридически защищенных), связанных с социальным движением, фиксацией и использованием потребительских стоимостей (материальных и нематериальных) в целом или их отдельных функций. В XXI в. под воздействием цифровой революции, которой способствует высокая степень обобщественности сетевой экономики, рост знакового потребления и фиктивной экономики, небывалое переплетение материального и нематериального производства, права собственности находятся в постоянной, нередко революционной трансформации» [6, с. 12]. Исходя из этого, в современных условиях собственность в широком плане следует трактовать не только как присвоение материальных благ, но и нематериальных, духовных благ, роль и значение которых как объектов экономической и юридической собственности возрастает, в том числе и электронных благ, электронных продуктов и электронных товаров. В связи с этим становится актуальным понятие интеллектуальной собственности. Полезность электронных благ как содержащих потребительную стоимость возрастает по мере увеличения их пользователей. Чем больше пользователей электронных благ, тем выше их ценность, а само число пользователей зависит от уровня их полезности.

Что же касается богатства, то оно на протяжении всей человеческой истории претерпело изменения, но само по себе богатство определялось как наличие каких-либо благ в их совокупности, которая служила человеку, государству (когда оно возникло) и обществу в целом. Совокупность индивидуального богатства, государственного богатства и общественного богатства есть всеобщее богатство. В это всеобщее богатство в современных условиях входит цифровое богатство, которое, как и любое другое богатство, является результатом человеческого труда, а точнее, ее разновидности, интеллектуального труда. И в этом своем качестве оно имеет или приобретает такие свойства как накапливаемость, измеряемость и обмениваемость. Обмениваемость, способность быть обмененным на другие товары или деньги, – важное свойство цифрового богатства. Отсюда возрастает значение цифровых (электронных) денег, которые позволяют осуществить этот обмен.

Цифровые (электронные) деньги теряют свою «вещественно-осязаемую реальность», но при этом они не перестают быть реальностью в нематериальной форме, и в этом своем качестве они обслуживают процесс обмена и вносят свои коррективы в денежное обращение.

Цифровые (электронные) деньги более универсальны, чем обычные деньги. Они обслуживают как процесс цифровой (электронной) экономики, так и нецифровой экономики. Это, в свою очередь, требует оборачиваемости цифровых (электронных) денег, сведение их к обычным деньгам. Цифровые (электронные) деньги по своему стоимостному содержанию значительно превосходят обычные деньги. Тот же биткоин ценится значительно дороже самой ценной валюты – доллара США. Цифровые (электронные) деньги больше адекватны духовному богатству и его оценке. По сложности добычания они больше соответствуют сложности создания духовных ценностей – картин, скульптур, музыкальных и литературных произведений – и масштабу цен в этой сфере человеческой деятельности. Вообще экономическое изучение духовного производства предполагает использование новых методов – чувственно-логического метода и эмоционального метода.

Чувственно-логический метод означает, что экономические отношения, экономические процессы и экономические явления воспринимаются и анализируются не только рациональными способами (строго логическим мышлением), но и чувственным. При этом допускается их чувственное познание на основе качеств человеческой личности, его желаний, пристрастий, опыта и т. п. Но чувственно-логический метод не должен искажать истину, он должен соответствовать сути экономических отношений, экономических процессов и экономических явлений. В данном методе больше субъективизма, поэтому он больше применяется в нематериальном (духовном) производстве, где субъективные оценки преобладают. Дополняя логический метод чувственным, экономист-исследователь способен добиться больших результатов, чем используя только рациональный подход. В связи с этим мы бы согласились с Дж. Кехо, что «иногда

полезно избегать логических рассуждений» и «важно доверять своему подсознанию, ощущениям и предчувствиям. Поступая так, человек становится ближе к истине чем когда догматично пытается оставаться в рамках ограниченного рационального мышления» [7, с. 62].

К чувственно-логическому методу тесно прилегает эмоциональный метод. Последний означает, что исследователь в процессе изучения и оценки тех или иных экономических отношений, экономических процессов и экономических явлений исходит из своего эмоционального состояния, из своих симпатий и антипатий, которые во многом определяются социально-экономическим положением самого исследователя, его жизненной ситуацией, физическим состоянием и т. п. Остановимся на этом методе более подробно.

Вообще эмоции – это внутреннее состояние человека, определяемое его характерными чертами и чувствами, а также воспитанием, являющееся психофизиологической реакцией на окружающий его мир, сигналы, исходящие из субъектов, их совокупности, объектов, предметов, процессов, законов и закономерностей, явлений, часто имеющих внешнюю форму проявления. Эмоции могут быть различными: переживания, радость, печаль, восторг, раздражение, гнев, застенчивость, улыбка, смех, сомнение, лояльность, терпимость и нетерпимость, досада, очарование и разочарование, горечь, заинтересованность и равнодушие и т. д. У людей могут возникнуть разные эмоции на одни и те же факторы и причины и одни и те же эмоции на разные факторы и причины. Эмоции могут изменяться во времени и пространстве (в зависимости от стран, возраста). Но есть нечто общее между ними, что позволяет их сгруппировать на положительные (позитивные) и отрицательные (негативные).

Люди тяготеют к тем, у которых преобладают положительные эмоции, и избегают тех, у которых отрицательные эмоции, вечное недовольство жизнью отталкивает людей и не способствует налаживанию крепких экономических отношений и связей. Но человек не может постоянно пребывать в состоянии эмоционального подъема, поскольку изменяются сами жизненные обстоятельства и условия, они могут не способствовать этому или, более того, могут ввергнуть человека в уныние, в нежелание творить, поэтому человек должен строить свою жизнедеятельность таким образом, чтобы избежать или значительно уменьшать причины огорчений, неудач и поражений. Длительное пребывание человека во власти положительных эмоций делает их жизненной необходимостью (потребностью) и неминуемо сказывается на эмоциональном состоянии человека, делая экономические отношения с другими людьми более постоянными и содержательными. Следует заметить, что эмоции окутывают всю экономику. Например, при производстве товаров положительные эмоции сказывались на их качестве. Товар, созданный счастливыми руками, особенно счастливыми мыслями, вызывает аналогичное состояние у потребителя. Других эмоций, кроме как улыбок, восхищения и радости такие товары не могут вызывать. Дизайнерские решения радуют глаз потребителя и вызывают желание приобрести новые, более качественные товары.

Осознание того, что ему предлагают товар, вызывающий восхищение, служит дополнительным удовлетворением и стимулом тратить больше денег. Человека мало тревожит рост цен на такие товары, поскольку они дают ему радость и приносят наслаждение.

Выводы. Из статьи можно заключить, что дальнейшее развитие экономической науки будет зависеть от того, насколько глубоко он может использовать системный подход при изучении современных экономических проблем, возникающих в целостном общественном производстве.

Список использованных источников

1. Солодовников, С. Ю. Понятие хаоса и его место в развитии сложных систем / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 5–18. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-7-5-18>
2. Модернизация белорусской промышленности в новых технологических и геоэкономических условиях / В. Л. Гурский [и др.] ; науч. ред. С. Ю. Солодовников ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 728 с.
3. Васюченок, Л. П. Потребительская стоимость как система / Л. П. Васюченок // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 10. С. 15–25. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2019-10-15-25>

4. Сергиевич, Т. В. Трансформация бизнес-моделей в легкой промышленности в контексте роботизации / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2020. – Вып. 12. – С. 73–81. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2020-12-73-81>
5. Солодовников, С. Ю. Собственность как политико-экономическая категория / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 10. С. 5 – 14. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2019-10-5-14>
6. Сергиевич, Т. В. Некоторые теоретико-методологические аспекты исследования бизнес-моделей / Т. В. Сергиевич // Современное общество: проблемы, противоречия, решения : сборник научных трудов II Межвузовского научного семинара с международным участием; редкол.: Н. А. Вахтин [и др.]. 30 апреля 2021 г., г. Санкт-Петербург / Санкт-Петербургский горный университет. – СПб, 2021. – С. 75–78.
7. Кехо, Д. Подсознание может все / Д. Кехо. – Минск: Попурри, 2015. – 160 с.

Статья поступила в редакцию 27 августа 2021 года

ASPECTS OF METHODOLOGY OF ECONOMIC THEORY

S. V. Kuregyan

Doctor of Economics, Associate Professor,
Professor of the Department “Economics and Law”
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the disclosure of the methodology of economic theory. The methodology largely depends on the subject and object of economic theory, on the problems under study, on the methods and techniques used by scientists. An attempt is made in the work to consider a systematic approach in the methodology of economic theory, proceeding from an integral system of social production.

Keywords: *system method, social production as an integral system, system analysis.*

References

1. Solodovnikov, S. Yu. (2018) Ponyatie khaosa i ego mesto v razvitii slozhnykh sistem [The concept of chaos and its place in the development of complex systems]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (7), 5-18. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-7-5-18> (In Russian).
2. Gurskii, V. L., Solodovnikov, S. Yu., Serhiyevich, T. V., Meleshko, Yu. V. (2021) Modernizatsiya belorusskoi promyshlennosti v novykh tekhnologicheskikh i geoekonomicheskikh usloviyakh [Modernization of the Belarusian industry in the new technological and geo-economic conditions]. S. Yu. Solodovnikov (ed.) ; Institute of Economics of the NAS of Belarus. Minsk. Belaruskaya navuka Publ. (In Russian).
3. Vasyuchenok, L. P. (2019) Potrebitel'skaya stoimost' kak sistema [Consumer value as a system]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (10), 15-25. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2019-10-15-25>. (In Russian).
4. Serhiyevich, T. V. (2020) Transformatsiya biznes-modelei v legkoi promyshlennosti v kontekste robotizatsii [Transformation of business models in light industry in the context of robotization]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (12), 73-81. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2020-12-73-81> (In Russian).
5. Solodovnikov, S. Yu. (2019) Sobstvennost' kak politiko-ekonomicheskaya kategoriya [Property as a political and economic category]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (10), 5-14. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2019-10-5-14> (In Russian).
6. Serhiyevich, T. V. (2021) Nekotorye teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya biznes-modelei [Some theoretical and methodological aspects of the study of business models]. In: N. A. Vakhtin [and oth.] (eds.) *Modern society: problems, contradictions, solutions: Collection of scientific papers of the II Interuniversity scientific seminar with international participation, 30 April 2021, Saint Petersburg, Russia*. Saint Petersburg, Saint Petersburg Mining University. 75-78. (In Russian).
7. Kehoe, D. (2015) *Podsoznanie mozhet vse [The subconscious mind can do everything]*. Minsk: Popurri. (In Russian).

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 338.45+330.341

JEL H41, L52, R41

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-21-28>

**РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОТРАНСПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
НА ОСНОВЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА
В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ**

С. Ю. Солодовников

solodovnikov@bntu.by

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Т. В. Сергиевич

serhiyevich@bntu.by

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена исследованию развития сферы производства и потребления электротранспорта в Республике Беларусь. Выработаны принципы, которые должны быть заложены в основу управления развитием данной сферы в Республике Беларусь: во-первых, системный подход, позволяющий определить направления и инструменты развития электротранспорта в контексте реализуемой структурной политики и модернизации национального промышленного комплекса; во-вторых, развитие всех видов электротранспорта, в том числе для целей как пассажирских, так и грузовых перевозок; в-третьих, импортозамещение в сфере производства компонентов электротранспорта с целью повышения локализации производства высокотехнологичных товаров; в-четвертых, реализация кооперационного потенциала в промышленности Союзного государства с целью получения доступа к уникальным ресурсам и рынкам сбыта и унификация технического регламентирования; в-пятых, финансирование фундаментальных и прикладных исследований в области развития электротранспорта и обеспечение трансфера их результатов в реальный сектор экономики; в-шестых, разнообразие форм государственной поддержки производства и потребления электротранспорта и соответствующей инфраструктуры. Сделан вывод о том, что с учетом мирового опыта наиболее перспективным механизмом развития электротранспорта в новых геоэкономических условиях является использование государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: инновационные механизмы экономического развития, государственно-частное партнерство, конкурентоспособность, импортозамещение, модернизация экономики, промышленная политика, умный город, электротранспорт, инфраструктура электротранспорта.

Цитирование: Солодовников, С. Ю. Развитие электротранспорта в Республике Беларусь на основе государственно-частного партнерства в условиях новых геоэкономических вызовов и угроз / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 21–28. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-21-28>

Введение. Задача развития электротранспорта в Республике Беларусь заявлена во многих документах, посвященных социально-экономическому развитию страны (Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года, Проект Национального плана действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы, Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года и др.). Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 апреля 2021 г. № 213 принята Комплексная программа развития электротранспорта на 2021–2025 годы. Данный документ охватывает сферу организации и произ-

водства электротранспорта, электромобилей, а также проведение научных исследований, разработку опытных образцов, подготовку нормативных технических актов по использованию электротранспорта и расширение сети зарядных станций. Мероприятия по дальнейшей электрификации транспорта предусмотрены в Государственной программе «Транспортный комплекс» на 2021–2025 годы, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2021 г. № 165. В качестве одной из важнейших задач на сегодняшний день данной программой определено, что «доля электрифицированных транспортных средств, выполняющих городские перевозки пассажиров в регулярном сообщении, в общем количестве подвижного состава, осуществляющего перевозки пассажиров городским электрическим транспортом, метрополитеном и автомобильным транспортом общего пользования, составит в 2025 году не менее 30 процентов»¹.

Мировой опыт демонстрирует необходимость государственной поддержки сферы производства и стимулирования использования электротранспорта, поскольку на начальном этапе своего развития она требует больших капиталовложений как в научные исследования и разработки, так и в производственную инфраструктуру. В различных странах (Китай, США, Германия, Россия и др.) используется большое разнообразие инструментов такой поддержки – экологические бонусы при покупке электротранспорта, программы лизинга батарей, освобождение от транспортного налога, субсидии в форме налогового вычета, субсидии при покупке электромобилей и электробусов, налоговые льготы при эксплуатации электротранспорта, обнуление таможенных пошлин при ввозе и др. Многие государства и отдельные крупные города реализуют программы и проекты по внедрению электротранспорта в свою транспортную инфраструктуру. В частности, Великобритания планирует к 2050 г. полностью перейти на общественный транспорт с нулевым уровнем выбросов, к 2040 г. внедрив запрет продаж автотранспорта на газомоторном топливе. Спецификой развития электротранспорта в Республике Беларусь, в отличие от большинства других стран, где основным стимулом расширения его использования выступает декарбонизация, является то, что драйвером развития электротранспорта в нашей стране стало, главным образом, строительство БелАЭС и перспективный рост производимой в стране электроэнергии. Развитие сферы производства и использования электротранспорта в Республике Беларусь в условиях новых геоэкономических вызовов и угроз требует разработки научно обоснованных механизмов управления данными процессами, что обуславливает актуальность темы данной статьи.

Результаты и их обсуждение. В мировом научном дискурсе по теме развития электротранспорта преобладают исследования технических аспектов разработки электротранспорта и обоснования отдельных инженерных решений. Многие работы рассматривают развитие электротранспорта как элемент реализации концепции умного города. Место электротранспорта в новой организационно-хозяйственной системе управления транспортом и энергетикой умного города рассматривается Л. Д. Гительманом и М. В. Кожевниковым, которые подчеркивают, что «устойчивое развитие "умных городов" является ярко выраженным в широком смысле трендом нового жизнеустройства, в котором сочетаются новейшие технологии, высокое качество жизни, "экологическая дружелюбность", интенсивная интеллектуализация инфраструктуры. Ключевым фактором устойчивого развития является состояние энергетики и ее готовность к новому этапу электрификации, при котором электроэнергия проникает практически во все без исключения бытовые, промышленные, транспортные системы и процессы, что радикально повышает их управляемость и экологичность» [1, с. 1207]. Дополняя данную точку зрения социальными факторами, В. В. Бушуев, Д. А. Соловьев и Л. А. Шилова указывают, что «комплексное развитие транспорта и энергетики мегаполисов позволит повысить социальную эффективность городской инфраструктуры, ориентированной на растущие потребности человека и его возможности, стимулирующей качество жизни населения и рост производительности труда, обеспечивающей устойчивое развитие города в интересах нынешнего и будущего поколений» [2, с. 168]. Развитие инфраструктуры для электротранспорта рассмотрено в работах А. В. Кочеткова, В. В. Талалая и Ю. Э. Васильева, которые делают важное с точки зрения тематики нашего исследования замечание: «Если есть общее желание государства и бизнеса освоить отрасль, рынок, освоить те объемы, которые возникают при желании потребителя тратить

¹ О Государственной программе «Транспортный комплекс» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2021 г., № 165 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – 66 с. – С. 17.

деньги на эти технические решения, то в какой-то момент и государство и бизнес должно прийти к общему согласию освоения финансовых ресурсов развития электротранспортной инфраструктуры» [3, с. 708]. Таким образом, в существующих научных работах идея использования инструмента государственно-частного партнерства для развития электротранспорта получила свое отражение. Вместе с тем исследования развития пассажирского и грузового электротранспорта в Республике Беларусь на основе государственно-частного партнерства практически не представлены. Недостаточно исследованы перспективы его развития в условиях новых геоэкономических вызовов и угроз – обострения политико-экономической конкуренции, нарушения международных цепей поставок, обострения мировых торговых конфликтов, а также вызовов, обусловленных пандемией COVID-19.

Транспорт вносит основной вклад в загрязнение атмосферного воздуха в Республике Беларусь. Об этом свидетельствует высокий удельный вес мобильных источников выбросов (транспортных средств и самоходных машин, оснащенных двигателями, эксплуатация которых влечет за собой выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух) в структуре выбросов загрязняющих веществ. В 2020 г. их доля в целом по стране составила 61,5 % (для сравнения в г. Минске – 84,5 %, в мире в среднем – около 20 %), в то время как на долю стационарных источников пришлось 38,5 %¹. Следует отметить, что выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от мобильных источников за последние годы имеют тенденцию к снижению как в абсолютном выражении, так и в расчете на душу населения (так, в период 2014–2020 гг. выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от мобильных источников в расчете на душу населения снизились с 93 до 77 кг в Республике Беларусь и с 81 до 56 кг в г. Минске²). Это во многом обусловлено проводимой в нашей стране политикой как по экологизации традиционного транспорта (среди прочего, переход с 2016 г. на реализацию топлива, соответствующего экологическому классу К5, выпуск техники, соответствующей экологическим стандартам Евро-5 и Евро-6, обновление автотранспортных парков), так и по развитию электротранспорта.

Необходимость развития электротранспорта в мире в целом и в Республике Беларусь в частности в условиях новых геоэкономических вызовов и угроз практически ни у кого не вызывает сомнения. Целесообразность развития электротранспорта в нашей стране заявляется на высших уровнях государственного управления, однако системное научное обоснование механизмов его реализации до настоящего момента не выработано. В качестве аргумента в пользу развития электротранспорта ученые и эксперты чаще всего называют экологические причины (снижение уровня выбросов загрязняющих веществ, уменьшение парниковых газов), реже – социальные (повышение уровня комфорта городской среды, снижение уровня шума в городах, оптимизация маршрутов общественного транспорта) и экономические (стимулирование нового направления автотранспортной промышленности, занятие новых ниш рынка) причины.

При реализации государственной политики по развитию электротранспорта должна учитываться экономическая эффективность, которая играет не меньшую роль, чем экологическая и социальная эффективность. Развитие электротранспорта в Республике Беларусь перспективно не только с точки зрения наличия резервов внутреннего рынка, но и с учетом возможностей выхода на внешние рынки с готовыми техническими решениями в рамках торговых или инвестиционных отношений. Определенные успехи в этом направлении уже достигнуты. В ноябре 2019 г. между британской компанией «CAD CAM Automotive» и основным белорусским производителем электробусов «БКМ Холдинг» было подписано соглашение об организации совместного сборочного производства электробусов в Великобритании. Кооперацию в сфере производства электротранспорта целесообразно развивать и в рамках Союзного государства. Перспективным рынком сбыта сегодня является Российская Федерация, в частности, г. Москва, где реализуется программа по переходу на экологически чистый транспорт, важным шагом которой стало прекращение движения троллейбусов в августе 2020 г. с перспективой замещения их электробусами. Планируется, что в 2024 г. автопарк троллейбусов г. Москвы составит 2,6 тыс. шт. Вместе с тем доступ на данный рынок для белорусского производителя ограничен.

¹ Охрана окружающей среды в Республике Беларусь, 2021 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021. – 203 с. – С. 46.

² Охрана окружающей среды в Республике Беларусь, 2021 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021. – 203 с. – С. 47.

В 2018 г. в г. Москве прошли аукционы на поставку городских электробусов для нужд ГУП «Мосгортранс», в которых участвовал в том числе и ОАО «Белкоммунмаш». Белорусская заявка была отклонена как не соответствующая установленным требованиям. Победителями аукциона стали ПАО «КАМАЗ» и ООО «Русские Автобусы – Группа ГАЗ». Таким образом, остается нерешенной проблема поиска механизмов доступа отечественного производителя на внешние рынки, что особенно актуально в условиях роста протекционизма и стимулирования многими странами национальной локализации производств.

В числе факторов, сдерживающих развитие электротранспорта в Республике Беларусь, – экономические факторы (высокий уровень тарифов на электроэнергию, высокая стоимость электротранспорта, высокая стоимость аккумуляторных батарей) и технические факторы (неразвитость зарядной инфраструктуры, проблема утилизации батарей, падение заряда аккумуляторов при понижении температуры в зимний сезон, проблемы, связанные с программным обеспечением). Таким образом, сфера развития электротранспорта демонстрирует острое противоречие между экономической, социальной и экологической эффективностью. Снижению внешних эффектов данного противоречия будет способствовать разработка эффективных механизмов развития электротранспорта в Республике Беларусь в условиях новых геоэкономических вызовов и угроз на основе государственно-частного партнерства. Ранее нами отмечалось, что «в мировой практике институт государственно-частного партнерства (ГЧП) применяется как инструмент международного, национального или регионального развития, способствующий повышению инвестиционной и инновационной активности, росту конкурентоспособности, как инновационный инструмент модернизации производственной и социальной инфраструктуры» [4, с. 313]. Среди основных функций государственно-частного партнерства нами были выделены: «привлечение частного сектора как способ обеспечения эффективности вложений, решение проблемы финансирования глобальных инфраструктурных проектов (неподъемность для государства), координация социальных и экономических интересов субъектов; эффективное перераспределение ресурсов; снижение транзакционных издержек участников» [4, с. 313]. Названные функции государственно-частного партнерства следует дополнить функцией развития пострыночных экономических отношений за счет усиления экономической функции государства, действующего как экономический субъект и выражающего общественные интересы.

Для комплексного развития электротранспорта Республики Беларусь необходимо выработать принципы, которые должны быть заложены в основу управления развитием данной сферы. По нашему мнению, управление развития электротранспорта в Республике Беларусь должно основываться на следующих принципах:

– во-первых, системный подход, позволяющий определить направления и инструменты развития электротранспорта в контексте реализуемой структурной политики и модернизации национального промышленного комплекса. При реализации модернизации национального промышленного комплекса следует учитывать, что «перед органами государственного управления при разработке структурной политики (долгосрочная жизнеспособность) и политики технологической модернизации реального сектора экономики (краткосрочная жизнеспособность) всегда будет стоять задача определить оптимальное соотношение между ними. Любой перекокс в этом плане неизбежно приведет к снижению жизнеспособности экономической системы общества, социума в целом» [5, с. 86]. Следует также исходить из того, что и модернизации промышленности, и структурная политика эволюционируют, и их цели могут меняться в зависимости от изменения комплекса эндогенных и экзогенных факторов;

– во-вторых, развитие всех видов электротранспорта, в том числе для целей как пассажирских, так и грузовых перевозок. При этом нужно исходить не из складывающейся сегодня конъюнктуры и возможностей, а из необходимости получения долгосрочных конкурентных преимуществ на мировом рынке электротранспорта. Ю. В. Мелешко, рассматривая проблему развития логистики в Республике Беларусь в контексте региональной интеграции, отмечает: «Создание белорусского логистического кластера позволит усовершенствовать процесс управления логистическими услугами, повысит конкурентоспособность региональной и государственной экономики и создаст условия для интеграции в международное пространство. Однако для привлечения транзитных потоков помимо рационального использования имеющихся ресурсов, таких как природно-географическое положение и экономические условия региона, наличие кадрового потенциала, необходимо создать дополнительные конкурентные преимущества, которые позволили бы сформировать более привлекательный рынок логистических услуг в сравнении

с рынком наших соседей» [6, с. 339–340]. Одним из таких дополнительных конкурентных преимуществ может стать электротранспорт;

– в-третьих, импортозамещение в сфере производства компонентов электротранспорта с целью повышения локализации производства высокотехнологичных товаров. «Для расширения присутствия на рынке Республики Беларусь производств высокого технологического уровня нужно обеспечить более масштабное сотрудничество предприятий с научно-производственными структурами, создающими разработки, соответствующие современному мировому уровню» [7, с. 40], – отмечает по этому поводу Е. В. Преснякова. При разработке механизмов импортозамещения в сфере производства компонентов электротранспорта следует исходить из принципа экспортоориентированности белорусской экономики. «Наращивание экспорта является фактором, способствующим импортозамещению, поскольку увеличение присутствия на внешних рынках неизбежно приведет к возможностям расширения присутствия внутри страны» [8, с. 606];

– в-четвертых, реализация кооперационного потенциала в промышленности Союзного государства с целью получения доступа к уникальным ресурсам (редкоземельные металлы) и рынкам сбыта (города Российской Федерации, осуществляющие переход к электротранспорту), а также унификация технического регламентирования. «Ограниченность национальных ресурсов, в том числе и финансовых, нехватка компетенций, знаний и опыта, необходимых для глубокого перевооружения традиционного машино- и приборостроения, <...> могут быть преодолены путем научно-технической и промышленной кооперации. При этом кооперацию следует рассматривать комплексно: горизонтальную и вертикальную интеграцию, внутриотраслевую и межотраслевую интеграцию, на национальном и международном уровне, также сотрудничество государства и бизнеса» [9, с. 39], – справедливо отмечают ученые. При этом, как нами отмечалось ранее, «без научно обоснованной и последовательной государственной политики по участию в международных технологических трансферах Республика Беларусь и Российская Федерация не смогут обеспечить высокий уровень благосостояния за счет модернизации народного хозяйства на основе новейших технологий» [10, с. 90];

– в-пятых, финансирование фундаментальных и прикладных исследований в области развития электротранспорта и обеспечение трансфера их результатов в реальный сектор экономики. Как справедливо подчеркивает В. Л. Гурский, поскольку «частные корпорации не заинтересованы в развитии фундаментальных исследований, государство должно брать на себя определение приоритетов развития отечественной фундаментальной науки, которые необходимо тесно увязывать со стратегией развития национального промышленного комплекса с учетом глобальных технологических тенденций» [11, с. 39], а также финансировать фундаментальные и прикладные исследования в соответствии с данными приоритетами. На данном принципе основывается механизм государственно-частного партнерства;

– в-шестых, разнообразие форм государственной поддержки производства и потребления электротранспорта и соответствующей инфраструктуры (зарядная инфраструктура, трансформация городской среды, энергетическая инфраструктура с учетом эксплуатации БелАЭС). При разработке форм государственной поддержки производства и потребления электротранспорта и соответствующей инфраструктуры следует предусмотреть риски, описанные нами ранее при исследовании изменения форм государственной поддержки как фактора развития промышленности Республики Беларусь на примере производства товаров интенсивного обновления: «Несмотря на значительную государственную финансовую и экспертную поддержку технико-технологической модернизации предприятий, по-прежнему недостаточное внимание уделяется организационно-управленческой модернизации и подготовке персонала. При подготовке и проведении модернизации белорусских предприятий практически не учитываются риски нехватки компетенций и трудовой мотивации» [12, с. 33].

С учетом мирового опыта наиболее перспективным механизмом развития электротранспорта в новых геоэкономических условиях является использование государственно-частного партнерства, позволяющего не только обеспечивать инвестиции в развитие промышленного потенциала производства отечественного пассажирского и грузового электротранспорта и инфраструктуры, но и использовать преимущества административного ресурса при выходе на новые рынки, таким образом повышая конкурентоспособность предприятий.

Выводы. В заключении следует отметить, что существующие исследования в области экономического стимулирования развития электротранспорта характеризуются разрозненно-

стью и прослеживаемым влиянием конъюнктуры мирового эколого-экономического дискурса и внутренней структурной политики на поставленные в этих работах задачи и полученные выводы. По нашему мнению, в основу развития электротранспорта в Республике Беларусь должны быть заложены следующие принципы:

- системный подход, позволяющий определить направления и инструменты развития электротранспорта в контексте реализуемой структурной политики и модернизации национального промышленного комплекса;
- развитие всех видов электротранспорта, в том числе для целей как пассажирских, так и грузовых перевозок. При этом нужно исходить не из складывающейся сегодня конъюнктуры и возможностей, а из необходимости получения долгосрочных конкурентных преимуществ на мировом рынке электротранспорта;
- импортозамещение в сфере производства компонентов электротранспорта с целью повышения локализации производства высокотехнологичных товаров;
- реализация кооперационного потенциала в промышленности Союзного государства с целью получения доступа к уникальным ресурсам (редкоземельные металлы) и рынкам сбыта (города РФ, осуществляющие переход к электротранспорту), а также унификация технического регламентирования;
- финансирование фундаментальных и прикладных исследований в области развития электротранспорта и обеспечение трансфера их результатов в реальный сектор экономики;
- разнообразие форм государственной поддержки производства и потребления электротранспорта и соответствующей инфраструктуры (зарядная инфраструктура, трансформация городской среды, энергетическая инфраструктура с учетом эксплуатации БелАЭС). С учетом мирового опыта наиболее перспективным механизмом развития электротранспорта в новых геоэкономических условиях является использование государственно-частного партнерства, позволяющего не только обеспечивать инвестиции в развитие промышленного потенциала производства отечественного пассажирского и грузового электротранспорта и инфраструктуры, но и использовать преимущества административного ресурса при выходе на новые рынки, таким образом повышая конкурентоспособность предприятий.

Список использованных источников

1. Гительман, Л. Д. Электрификация как драйвер развития «умных городов» / Л. Д. Гительман, М. В. Кожевников // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. Вып. 4. – С. 1199–1210. DOI:10.17059/2017-4-18
2. Бушуев, В. В. Развитие «умных» городов: электротранспорт «умного» мегаполиса / В. В. Бушуев, Д. А. Соловьев, Л. А. Шилова // Вестник гражданских инженеров. – 2018. – № 4 (69). – С. 167–174. DOI: 10.23968/1999-5571-2018-15-4-167-174
3. Кочетков, А. В. «Цифровая экономика» распределенной сети электроразрядной инфраструктуры мобильного электротранспорта / А. В. Кочетков, В. В. Талалай, Ю. Э. Васильев // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2018. – Т. 14. № 3. – С. 707–716. DOI: 10.25559/SITITO.14.201803.707-716
4. Новые ресурсы экономической модернизации / С. Ю. Солодовников [и др.] ; под ред. С. Ю. Солодовникова. – Минск : БНТУ, 2016. – 324 с.
5. Солодовников, С. Ю. Взаимосвязь структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 84–94. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-7-84-94>
6. Мелешко, Ю. В. Проблемы и перспективы становления в Республике Беларусь логистического кластера / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2014. – Вып. 2. – С. 331–341. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2014-2-331-341>
7. Преснякова, Е. В. Вклад высокотехнологичных производств в устойчивое развитие Беларуси / Е. В. Преснякова // Наука и инновации. – 2020. – № 3 (205). – С. 36–40.
8. Модернизация белорусской промышленности в новых технологических и геоэкономических условиях / В. Л. Гурский [и др.] ; науч. ред. С. Ю. Солодовников ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 728 с.

9. Мелешко, Ю. В. Основные формы сотрудничества предприятий реального сектора экономики Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере производства космической техники / Ю. В. Мелешко // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 37–42.

10. Клименко, В. А. Развитие теоретических основ трансфера технологий в контексте перехода к устойчивому экономическому росту в Республике Беларусь и Российской Федерации / В. А. Клименко, В. Л. Гурский, Т. В. Сергиевич, Т. С. Лыткина // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 85–91.

11. Гурский, В. Л. Эндогенные факторы, обуславливающие развитие промышленной политики Беларуси в современных условиях / В. Л. Гурский // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 35–42. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2015-3-35-42>

12. Сергиевич, Т. В. Перспективы и направления развития производства товаров интенсивного обновления в Республике Беларусь / Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2017. – № 14. – С. 32–40.

Статья поступила в редакцию 5 июня 2021 года

DEVELOPMENT OF ELECTRIC TRANSPORT IN THE REPUBLIC OF BELARUS ON THE BASIS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE CONDITIONS OF NEW GEOECONOMIC CHALLENGES AND THREATS

S. Yu. Solodovnikov

Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of “Economics and Law”
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

T. V. Serhiyevich

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department “Economics and Law”
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the study of the development of the sphere of production and consumption of electric transport in the Republic of Belarus. The principles that should be laid down in the management of the development of this sphere in the Republic of Belarus have been worked out: firstly, a systematic approach that allows to determine the directions and tools for the development of electric transport in the context of the ongoing structural policy and modernization of the national industrial complex; secondly, the development of all types of electric transport, including for the purposes of both passenger and freight traffic; thirdly, import substitution in the production of electric transport components in order to increase the localization of the production of high-tech goods; fourth, the implementation of the cooperative potential in the industry of the Union State in order to gain access to unique resources and sales markets and unification of technical regulations; fifth, financing of fundamental and applied research in the development of electric transport and ensuring the transfer of their results to the real sector of the economy; sixth, a variety of forms of state support for the production and consumption of electric transport and related infrastructure. It is concluded that, taking into account the world experience, the most promising mechanism for the development of electric transport in the new geo-economic conditions is the use of public-private partnership.

Keywords: *innovative mechanisms of economic development, public-private partnership, competitiveness, import substitution, economic modernization, industrial policy, smart city, electric transport, electric transport infrastructure.*

References

1. Gitelman, L. D., Kozhevnikov, M. V. (2017) Elektrifikatsiya kak draiver razvitiya «umnykh gorodov» [Electrification as a Development Driver for «Smart Cities»]. *Economy of Region*. 13 (4), 1199-1210. Available from: doi:10.17059/2017-4-18. (In Russian).
2. Bushuev, V. V., Soloviev, D. A., Shilova, L. A. (2018) Razvitie «umnykh» gorodov: elektrotransport «mnogo» megapolisa [Development of «smart» cities: electric transport of the «smart» megapolis]. *Bulletin of Civil Engineers*. № 4 (69). 167-174. Available from: doi:10.23968/1999-5571-2018-15-4-167-174 (In Russian).
3. Kochetkov, A. V., Talalay, V. V., Vasilev Y. E. (2018) «Tsifrovaya ekonomika» raspredelnoi seti elektrozaryadnoi infrastruktury mobil'nogo elektrotransporta [«Digital economy» of the distributed network of electric-charging infrastructure of mobile electric transport]. *Modern information technologies and IT-Education*. 14 (3), 707-716. Available from: doi:10.25559/SITITO.14.201803.707-716 (In Russian).
4. Solodovnikov, S. Yu. [and oth.] (2016) *Novye resursy ekonomicheskoi modernizatsii* [New resources for economic modernization], Solodovnikov, S. Yu. (ed.) Minsk, BNTU publ. (In Russian).
5. Solodovnikov, S. Yu. (2018) Vzaimosvyaz' strukturnoi politiki gosudarstva i modernizatsii real'nogo sektora ekonomiki [Relationship of structural policy of the state and modernization of the real sector of economics]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (7), 84-94. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-7-84-94> (In Russian).
6. Meleshko, Yu. V. (2014) Problemy i perspektivy stanovleniya v Respublike Belarus' logisticheskogo klastera [Problems and prospects for the formation of a logistics cluster in the Republic of Belarus]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (2), 331-341. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2014-2-331-341>. (In Russian).
7. Prasniakova, A. V. (2020) Vklad vysokotekhnologichnykh proizvodstv v ustoychivoe razvitiye Belarusi [The contribution of high-tech industries to the sustainable development of Belarus]. *Science and Innovations*. 3 (205), 36-40. (In Russian).
8. Gursky, V. L., Solodovnikov, S. Yu., Serhiyevich, T. V., Meleshko, Yu. V. (2021) *Modernizatsiya belorusskoi promyshlennosti v novykh tekhnologicheskikh i geoekonomicheskikh usloviyakh* [Modernization of the Belarusian industry in the new technological and geo-economic conditions], Solodovnikov, S. Yu. (ed.) Minsk, Belaruskaya nauka publ. (In Russian).
9. Meleshko, Yu. V. (2018) Osnovnye formy sotrudnichestva predpriyatii real'nogo sektora ekonomiki Respubliki Belarus' i Rossiiskoi Federatsii v sfere proizvodstva kosmicheskoi tekhniki [Main forms of cooperation between the enterprises of real sector of the economy of the Republic of Belarus and the Russian Federation in the sphere of space technology production]. *Law. Economics. Psychology*. 1 (9), 37-42. (In Russian).
10. Klimenko, V. A., Gursky, V. L., Serhiyevich, T. V., Lytkina, T. S. (2017) Razvitie teoreticheskikh osnov transfera tehnologiy v kontekste perehoda k ustoychivomu jekonomicheskomu rostu v Respublike Belarus' i Rossijskoj Federaci [Development of theoretical bases of technology transfer in the context of the transition to sustainable economic growth in the Republic of Belarus and the Russian Federation]. *Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*. (2), 85-91. (In Russian).
11. Gursky, V. L. (2015) Endogennyye faktory, obuslovlivayushchie razvitie promyshlennoi politiki Belarusi v sovremennykh usloviyakh [Endogenous factors determining the development of industrial policy in Belarus in modern conditions]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (3), 35-42. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2015-3-35-42>. (In Russian).
12. Serhiyevich, T. V. (2017) Perspektivy i napravleniya razvitiya proizvodstva tovarov intensivnogo obnovleniya v Respublike Belarus' [Prospects and trends of development of production goods of intensive renewal in the Republic of Belarus]. *Herald of Polotsk State University. Series D. Economics and Law Science*. (14), 32-40. (In Russian).

УДК 331.56:334.72

JEL J64, O15

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-29-41>**МОЛОДЕЖНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ БЕЗРАБОТИЦЫ СРЕДИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ¹****О. А. Борис**

oboris@ncfu.ru

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры «Менеджмент»
Северо-Кавказский федеральный университет
г. Ставрополь, Россия

В. Н. Парахина

vparakhina@ncfu.ru

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Менеджмент»
Северо-Кавказский федеральный университет
г. Ставрополь, Россия

Статья посвящена исследованию решения проблемы молодежной безработицы с использованием предпринимательства. В статье отражены изменения в социальной структуре российского общества, проблема безработицы в целом и среди молодежи; раскрыта молодежная безработица как хроническая болезнь экономики, ее динамика, факторы, ее усугубляющие; проблемы трудоустройства молодежи, а также плюсы и минусы молодежи как активной части населения; рассмотрены предпринимательство и его виды как средство решения проблемы молодежной безработицы; показана привлекательность предпринимательства и ее сфер для молодежи; определены возможности и пути активизации предпринимательской деятельности молодежи.

Ключевые слова: молодежная безработица, факторы безработицы, предпринимательство, трудоустройство, активизация предпринимательства, виды предпринимательства.

Цитирование: Борис, О. А. Молодежное предпринимательство как средство решения проблемы безработицы среди молодых людей / О. А. Борис, В. Н. Парахина // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 29–41. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-29-41>

Введение. Современный мир имеет много сложностей, непредсказуем, выдвигает противоречивые требования к человеку. Доминируют факторы нестабильности, движение вперед опосредовано действием ранее только обозначившимися, но неожиданно ставшими главными движущими силами. Противоречивые тенденции глобализации и локализации, интеграции и дезинтеграции, ужесточения отношений и повышения гибкости структур – это всего лишь небольшой перечень особенностей нынешнего состояния социально-экономических отношений в мире.

Очень остро стоит вопрос о трудоустройстве и занятости молодежи, которая особенно сложна в регионах, имеющих низкий уровень социально-экономического развития территории. Эти вопросы раскрываются в работах Н. Г. Вишневской, М. Н. Дудиевой, Н. В. Матюшина, Н. И. Чернышевой и др. [1, 2, 3, 4].

Для решения проблем безработицы важно расширить возможности трудоустройства молодежи, предпринимать различные меры по увеличению числа предлагаемых рабочих мест. В связи с этим представляется актуальным исследование проблемы молодежного предпринимательства как способа решения проблемы трудоустройства молодых людей, системное изложение которой представлено в работах П. А. Меркулова, М. М. Ивашиной, Е. Г. Шумик и др. [5, 6, 7].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации МД-2787.2021.2 «Трансформация региональной системы молодежного предпринимательства в инновационную модель, эффективно функционирующую в условиях цифровизации (на материалах Северо-Кавказского федерального округа)».

Результаты и их обсуждение. Рассмотрим последствия безработицы, которые стали проявляться в последние годы. Совокупностью таких современных, заметно негативных изменений характеризуется социальная структура российского общества, на которую оказывает влияние позитивная в целом тенденция – научно-технический прогресс, замена ручного труда автоматизированными системами, но при этом происходит замена традиционной занятости нетрадиционной, нестабильной, временной, зачастую с использованием различных «серых схем». Растет официальная и, в большей степени, скрытая безработица. Уровень безработицы в начале 2021 г. составил 5,9 %, а уровень занятости населения – 58,5 % (таблица 1).

Таблица 1 – Численность и состав рабочей силы в субъектах Российской Федерации в возрасте 15 лет и старше

Регион	Численность рабочей силы, тыс. человек	В том числе		Уровень, в %		
		занятые	безработные	участия в рабочей силе	занятости	безработицы
Российская Федерация	75 197,1	70 741,7	4455,3	62,2	58,5	5,9
Центральный федеральный округ	21 295,4	20 384,6	910,8	64,0	61,2	4,3
Северо-Западный федеральный округ	7458,1	7067,1	391,0	63,7	60,4	5,2
Южный федеральный округ	8170,4	7680,9	489,5	60,0	56,4	6,0
Северо-Кавказский федеральный округ	4632,7	3945,2	687,4	60,7	51,7	14,8
Приволжский федеральный округ	14 721,9	13 974,0	747,9	60,9	57,8	5,1
Уральский федеральный округ	6276,4	5926,1	350,3	63,1	59,6	5,6
Сибирский федеральный округ	8407,1	7802,6	604,5	60,6	56,3	7,2
Дальневосточный федеральный округ	4235,0	3961,2	273,9	64,4	60,3	6,5

Источник: ¹

Как видно из данных Росстата, в уровне безработицы ярко выражены региональные различия. В Российской Федерации наиболее неблагоприятная ситуация с безработицей складывается в Северо-Кавказском федеральном округе, где она (14,8 %) выше среднероссийской (5,9 %) более, чем в 2,5 раз. Это определено выраженной региональной дифференциацией по уровню экономического развития, что приводит к существенным различиям между федеральными округами по масштабам безработицы также и среди молодежи, в первую очередь, среди выпускников. Как следствие, очень высокое значение этого показателя зафиксировано в Северо-Кавказском (18,5 %) и Южном (12,1 %) федеральном округах.

Положение с молодежной безработицей гораздо сложнее, чем у людей более старших возрастных групп. В связи с этим несколько лет назад Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации предложило программу по содействию в трудоустройстве молодежи. Внедрение программы, по планам Минтруда, должно было снизить уровень безработных среди молодежи до 5,6 % к 2020 г., однако, как показывает статистика, этого не произошло. В России, по данным Росстата, уровень безработицы среди молодежи 20–24 года в конце 2019 г. составил 15,1 % (в 3,2 раз выше общего уровня безработицы), а среди молодежи 15–19 лет – 22,1 % (в 4,7 раз выше).

Молодежная безработица – хроническая болезнь, которой страдают многие страны [2]. Как известно, молодежной безработицы практически не было в СССР. За учебой следовало

¹Численность и состав рабочей силы в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/38.htm. – Дата доступа: 08.04.2021.

распределение выпускников на работу и три года не только обязательной отработки, но и существенной законодательной защиты молодого специалиста, его прав и интересов¹. Последующие варианты продолжения работы или нового трудоустройства, как правило, были приемлемы для молодежи.

В настоящее время молодежная безработица – сложный и проблемный вопрос во всех странах. По данным Международной организации труда, из-за пандемии работу потеряли около 20 % молодых людей в мире [8]. Молодежная безработица в России, продолжая быть одной из самых острых проблем, характеризуется в течение последних десятков лет крайне высокими показателями (таблица 2).

Таблица 2 – Уровень безработицы населения по возрастным группам (в процентах от численности рабочей силы соответствующей возрастно-половой группы)

Год	Все го	в том числе в возрасте, лет											
		15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и старш
2006	7,1	27,2	13,7	7,3	6,0	6,3	6,0	5,6	4,9	3,9	2,9	2,8	1,1
2007	6,0	24,7	12,2	6,0	5,4	5,1	5,1	4,6	4,3	3,2	3,0	2,2	1,7
2008	6,2	25,9	11,7	6,4	5,4	5,1	5,0	4,7	4,8	4,1	3,8	4,0	3,0
2009	8,3	31,0	16,4	9,0	7,3	7,0	6,3	6,5	6,4	5,9	4,6	4,3	3,7
2010	7,3	31,8	14,9	8,0	6,7	5,8	5,6	5,7	5,8	5,1	4,2	4,2	2,5
2011	6,5	30,8	13,4	7,1	6,0	5,1	4,8	5,0	5,3	4,7	3,9	3,2	2,4
2012	5,5	28,2	13,4	6,1	4,8	4,4	3,8	4,1	4,2	3,6	2,7	3,3	2,8
2013	5,5	26,1	12,6	6,0	5,0	4,4	4,1	4,1	4,4	3,8	3,3	2,9	2,6
2014	5,2	28,0	12,4	5,6	4,8	4,1	3,8	3,9	4,1	3,7	3,3	2,9	2,4
2015	5,6	32,4	14,3	6,2	5,1	4,5	4,1	4,0	4,5	3,9	3,2	3,0	1,8
2016	5,5	29,1	14,9	6,3	5,1	4,6	4,0	4,0	4,3	3,8	3,4	3,3	2,1
2017	5,2	28,4	14,7	5,9	4,7	4,1	3,9	3,9	4,1	4,1	3,3	3,7	2,0
2018	4,8	27,6	15,3	5,5	4,4	3,9	3,5	3,5	3,7	3,4	2,9	3,1	1,6
2019	4,6	24,7	14,4	5,6	4,4	3,6	3,4	3,5	3,7	3,2	2,4	3,0	2,4

Источник: ²

При этом общественное внимание к этой проблеме может дать положительный, но кратковременный результат. Так, два года назад после ряда публикаций по этой проблеме, с акцентом на огромную массу (около 2 млн человек) безработных людей в возрасте от 15 до 24 лет рынок труда примерно на год смягчил положение и предложил молодым людям рабочие места и с марта 2018 г. по март 2019 г. безработица среди молодежи 15–19 лет снизилась с 32 до 20,8 %, а среди 20–24-летних – с 15,2 до 13 %. Общая безработица оставалась на одном уровне около 4,7–4,5 %.

Трудоустройство молодых людей становится серьезной государственной проблемой, которая не решается сама собой, по воле рынка и отдельных хозяйствующих субъектов. По данным агентства Head Hunter, в I квартале 2020 г. среди молодежи средний конкурс составил 13 человек на одну вакантную должность³.

Исследования показывают, что поиск работы у выпускников российских вузов и организаций среднего профессионального образования осуществляется следующими путями:

- через знакомых (31 % безработных выпускников);
- объявления в сети Интернет или СМИ (29 %);
- непосредственное обращение к работодателю (19 %);
- обращение в государственную службу занятости (12 %).

¹Запесоцкий, А. России необходимо предотвратить молодежную безработицу / А. Запесоцкий // Российская газета. – 2021. – 04.02.2021 г.

²Рабочая сила, занятость и безработица в России 2020 [Электронный ресурс] // Росстат, июль 2020. – Режим доступа: <https://nangs.org/analytics/rosstat-rabochaya-sila-zanyatost-i-bezrabotitsa-v-rossii-onlajn-rar-docx>. – Дата доступа: 06.04.2021.

³Запесоцкий, А. России необходимо предотвратить молодежную безработицу / А. Запесоцкий // Российская газета. – 2021. – 04.02.2021 г.

Несмотря на декларируемую востребованность рабочих профессий, выпускники вузов, особенно программ специалитета и магистратуры, имеют меньший риск стать безработными по сравнению с выпускниками программ среднего профессионального образования¹.

Рассматривая проблемы трудоустройства молодежи, можно отметить, что около 70 % из безработных молодых людей все-таки находят работу, и их безработица носит временный характер. Однако для части из них период поиска работы может затянуться и стать критическим, после которого деформируется социальная структура и устремления личности молодого человека.

При трудоустройстве молодежь испытывает следующие основные проблемы, выделенные М. А. Шаова, Л. Т. Елеевым, Л. Х. Гукетловой:

- 1) недостаток информации о реальной ситуации на рынке труда;
- 2) незнание требований работодателей и несоответствие им;
- 3) неумение правильно составить резюме и представить себя лично (слабые навыки самопрезентации и делового общения с работодателем);
- 4) нет навыков поиска работы;
- 5) незнание правил поведения на рынке труда и информации о каналах и путях поиска работы;
- 6) зачастую завышенная самооценка и стремление быстро осуществить свои замыслы (хотят получить «все и сразу»);
- 7) серьезная конкуренция на рынке труда;
- 8) разочарование и неуверенность в себе [9].

Как следствие, у молодежи возникает пассивная и выжидающая (вдруг само собой все переменится к лучшему) позиция как в отношении поиска работы, так и к выполнению полученной работы, особенно, если она не вполне или совсем не устраивает, не соответствует устремлениям и амбициям молодых людей [6].

Высокий уровень безработицы, невостребованность приобретенной профессии на рынке труда вынуждает граждан, в том числе и молодежь, искать работу в теневом секторе [6]. В некоторых профессиях и регионах такой вид занятости становится основным. Однако известно, что теневая экономика серьезно деформирует социально-трудовые отношения (низкая оплата труда, ненормированный рабочий день, отсутствие социальных гарантий и прав и т. д.), увеличивает имущественную стратификацию и вызывает у молодежи сомнения в социальной справедливости, чего нельзя допускать.

Также отрицательное влияние на трудоустройство молодежи оказывает пенсионная реформа, начавшаяся в 2018 г. Люди предпенсионного возраста (до реформы это был пенсионный возраст) с рынка труда не уходят. В 2019 г. их было 200 тысяч, в 2020 г. – уже 700 тысяч. Ориентировочные подсчеты показывают, что в 2021–2022 гг. таких работников будет прибавляться ежегодно по миллиону². При этом в 2020 г. на рынок труда вышло около 1,5 млн. молодых людей (738 тысяч выпускников колледжей и около 500 тысяч магистров и бакалавров, 200–300 тысяч выпускников школ, которые не планировали поступать на учебу в вузы и колледжи). Следовательно, нарастает «вал» безработных молодых людей, прибывающих на рынок труда, и их трудоустроить просто негде.

Чтобы уменьшить проблемы трудоустройства, важно, чтобы у молодежи в период обучения был сформирован «пул» навыков самоменеджмента: самооценки, самопрезентации, самомотивации, саморазвития и пр.

Проблема имеет мировое значение. Так, в развивающихся странах и странах с переходной экономикой насчитывается 223 млн безработных или частично занятых молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет. Экономика этих стран не создает новые оплачиваемые рабочие места так быстро, чтобы поглотить растущую рабочую силу [2, 4]. При этом молодые люди обладают высоким уровнем активности и высоким (часто завышенным) уровнем ожиданий. Это может создать «взрывоопасную социальную ситуацию».

Опыт кафедры менеджмента Северо-Кавказского федерального университета (и других учебных заведений РФ) показывает, что лучше трудоустраиваются и делают карьеру те вы-

¹Запесоцкий, А. России необходимо предотвратить молодежную безработицу / А. Запесоцкий // Российская газета. – 2021. – 04.02.2021г.

²Запесоцкий, А. России необходимо предотвратить молодежную безработицу / А. Запесоцкий // Российская газета. – 2021. – 04.02.2021 г.

пускники, кто начинает работать на 3–4 курсах бакалавриата. Происходит это по нескольким причинам. Во-первых, студент получает практический опыт, так необходимый в карьере, а во-вторых, потому, что он понимает реальную картину на рынке труда и «снимает розовые очки», оставляя свои «завышенные ожидания». В-третьих, у студента есть возможность попробовать себя в разных профессиях параллельно с учебой, найти свое место, свой путь.

Рассмотрим плюсы и минусы молодежи как активно ищущей работу части населения. Положительным качеством молодежи является высокий уровень ее активности, ее склонность и приверженность всему новому, прогрессивному.

Молодежь является самой активной частью работающего населения, эффективно адаптирующейся группой, ее рассматривают как инновационную часть общества. Стремление молодых людей к успехам, достижениям, более высокому служебному положению и росту заработной платы приводит к соответствующей динамике показателей оплаты труда.

На рисунке 1 показана динамика величины средней заработной платы по возрастным группам с полиномиальной зависимостью, которая подтверждает, что именно в молодом возрасте от 20 до 30 лет происходит рост получаемых доходов, который достигает максимума в диапазоне от 30 до 40 лет.

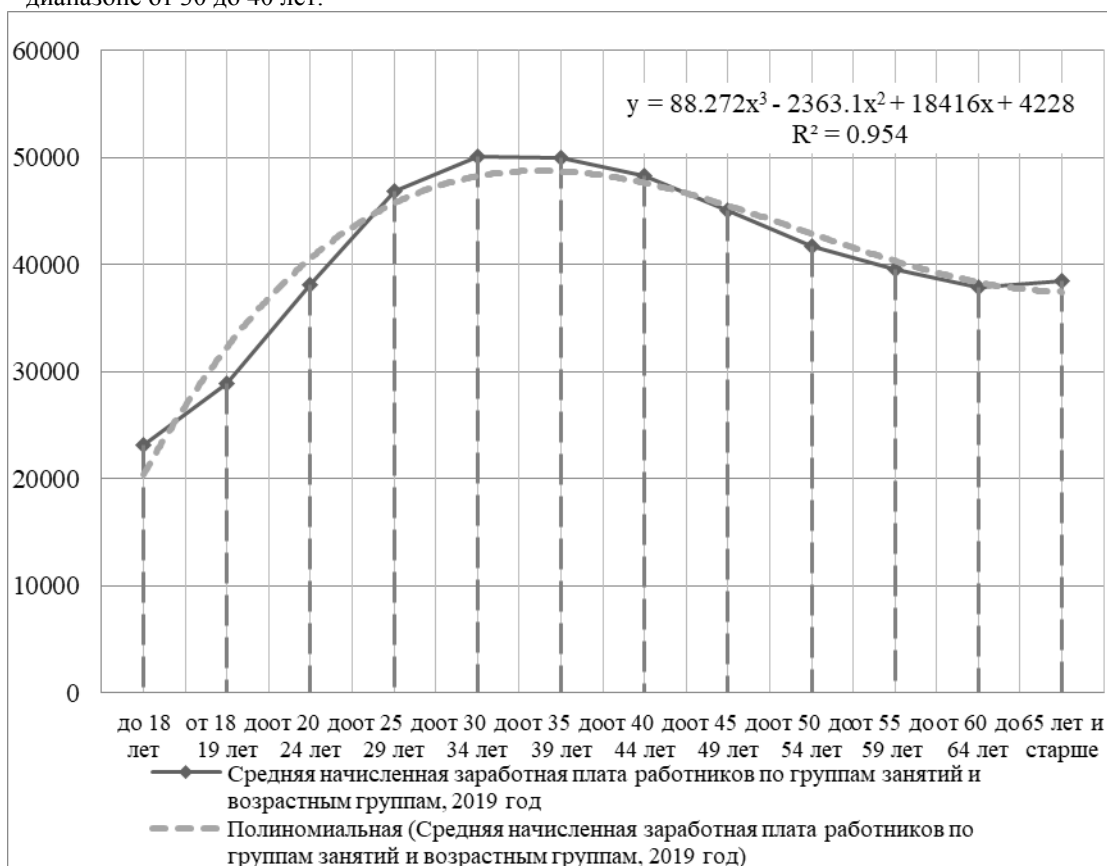

Рисунок 1 – Средняя начисленная заработная плата с изменением по возрастным группам, 2019 г.

Источник: ¹

Одна из негативных характеристик молодежи как социальной группы безработных, активно ищущих «свое место под солнцем», – нестыковка целей и ожиданий выпускников с реальностью. Большинство из них хотят быть высокооплачиваемыми юристами и банкирами, а востребованы в большом числе – курьеры и продавцы, телефонные и страховые агенты. При

¹Рабочая сила, занятость и безработица в России 2020 [Электронный ресурс] // Росстат, июль 2020. – Режим доступа: <https://nangs.org/analytics/rosstat-rabochaya-sila-zanyatost-i-bezrabotitsa-v-rossii-onlajn-rar-docx>. – Дата доступа: 06.04.2021.

этом навыки работников данного уровня, который является «стартовым» для молодых людей, они получать не хотят, считая это «недостойным» для юриста, экономиста, менеджера.

По данным Head Hunter, конкуренция за работу среди тех, кто в начале карьеры, намного выше (10–30 человек на место), чем среди зрелых специалистов (3–8 человек на место), тем более, что работодатели отдадут предпочтение кандидату с опытом работы.

Наряду с этим молодежь является самой восприимчивой и уязвимой к различным социальным изменениям возрастной группой. Любые события, происходящие в обществе, оказывают огромное влияние на ценностный мир и стратегии поведения молодежи в различных областях жизнедеятельности. Это объясняется тем, что мировоззрение молодых людей находится в состоянии формирования. В связи с этим поддержка и развитие потенциала молодежи являются важной задачей государства и общества [9, 10].

Решению проблемы молодежной безработицы, «выгоранию» устремлений молодых людей, деформации их социальных представлений может помочь развитие молодежного предпринимательства. Предпринимательство может соединить в одно целое амбиции молодых людей, их профессиональные устремления, желание работать на себя и самому определять свое будущее.

Конечно, молодежное предпринимательство – не панацея для всей проблемы с трудоустройством молодежи, но это одна из нескольких составляющих более широкой стратегии занятости в России и ее регионах [11]. В результате обсуждения проблемы влияния бизнеса на занятость молодежи ученые и политики объединились вокруг двух различных путей, посредством которых предпринимательство может решить проблему занятости молодежи:

1) подход через рост числа рабочих мест: предпринимательство в целом как двигатель экономического роста и создания рабочих мест для молодежи. Это естественный, понятный, но в силу различных причин «исчерпанный» и ограниченный путь, который не использует инициативу молодых людей и их активность в построении собственной карьеры;

2) подход как обеспечение молодежи средств к существованию и получению производительной занятости и направления к саморазвитию.

Для определения сферы приложения усилий предприимчивых молодых людей выделим основные виды предпринимателей по наиболее значимым признакам: цели и мотивации к созданию бизнеса. По основной цели выделяют коммерческое (главное – получение прибыли) и социальное (главное – социальные цели и инновации) предпринимательство¹, [12].

В зависимости от основного мотива к созданию бизнеса выделяют: предпринимателей, «вынужденных» заниматься бизнесом, чтобы получать средства к существованию; предпринимателей, ориентированных на новые возможности и движимых желанием стать независимыми и/или увеличить свой доход.

Важным вопросом для формирования «пула» молодых предпринимателей, объединяющих вокруг себя других молодых специалистов, является оценка привлекательности сфер деятельности для молодежи. Учитывая стремление молодых людей к благополучию и престижу, можно сказать, что привлекательными для нее могут стать сферы ИКТ, науки и техники, здравоохранения и менеджмента (рисунки 2, 3).

Как видно из рисунков 2 и 3, для молодежи, завершившей обучение в вузах, в начале становления их трудового пути наиболее вероятны должности специалистов высшей квалификации.

Выбирая наиболее популярные сферы занятости молодежи, остановимся на статистических данных по структуре занятых специалистов высшего уровня квалификации, которые представлены на рисунках 3, 4. Как видно из рисунка 3, по возрастным группам удельный вес рядовых специалистов, даже высокого уровня квалификации падает, но увеличивается доля руководителей, достигая максимума в возрасте от 40 до 49 лет. Это свидетельствует о привлекательности для молодых людей сферы руководства и предпринимательства.

¹Парахина, В. Н. Стратегический менеджмент : электронный учебник / В. Н. Парахина, Л. С. Максименко, С. В. Панасенко. – Москва : Кнорус, 2010.

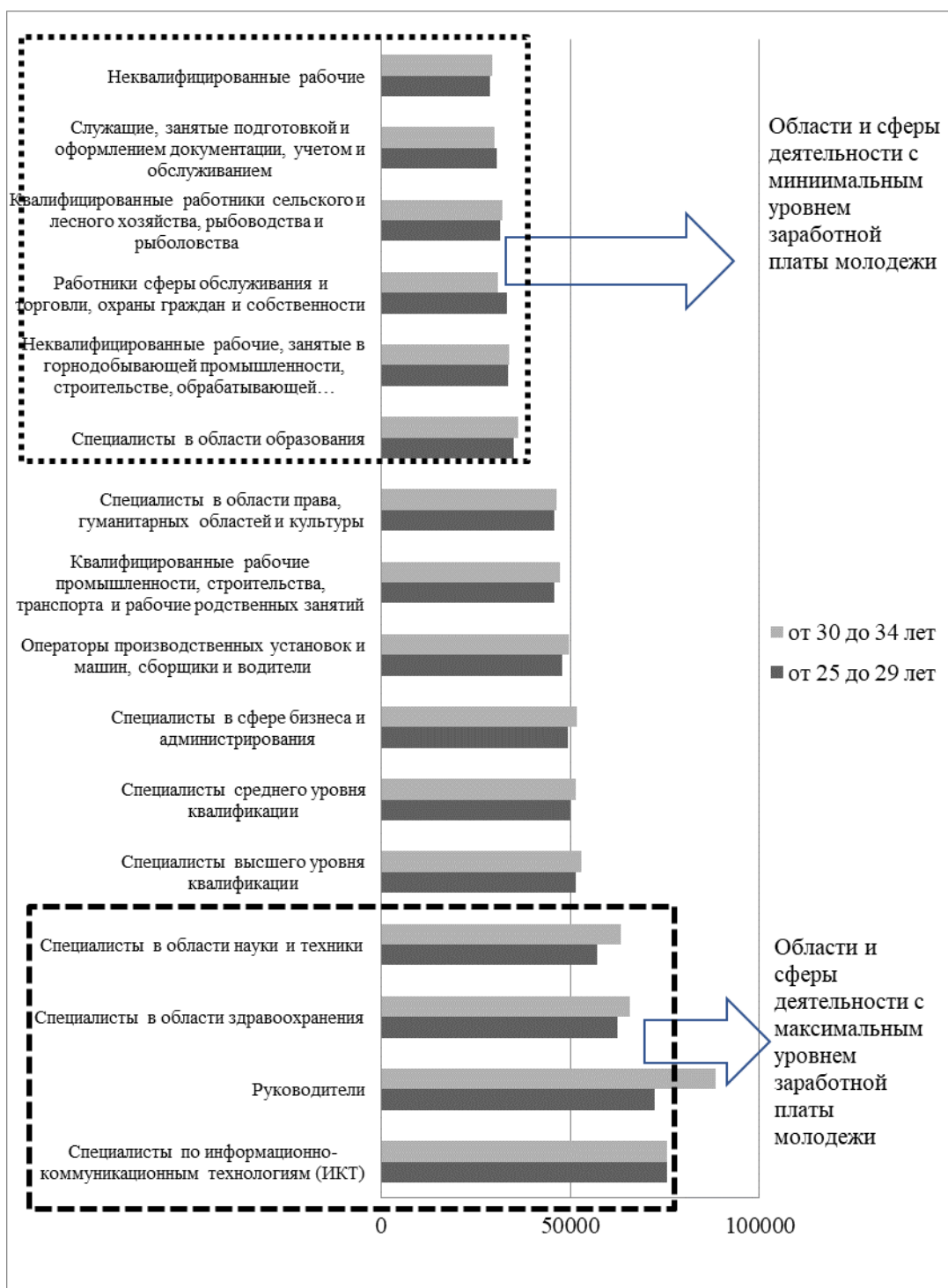

Рисунок 2 – Уровень заработной платы молодежи по сферам занятости, октябрь 2019 г.
 Источник: ¹

¹Рабочая сила, занятость и безработица в России 2020 [Электронный ресурс] // Росстат, июль 2020. – Режим доступа: <https://nangs.org/analytics/rosstat-rabochaya-sila-zanyatost-i-bezrabotitsa-v-rossii-onlajn-rar-docx>. – Дата доступа: 06.04.2021.

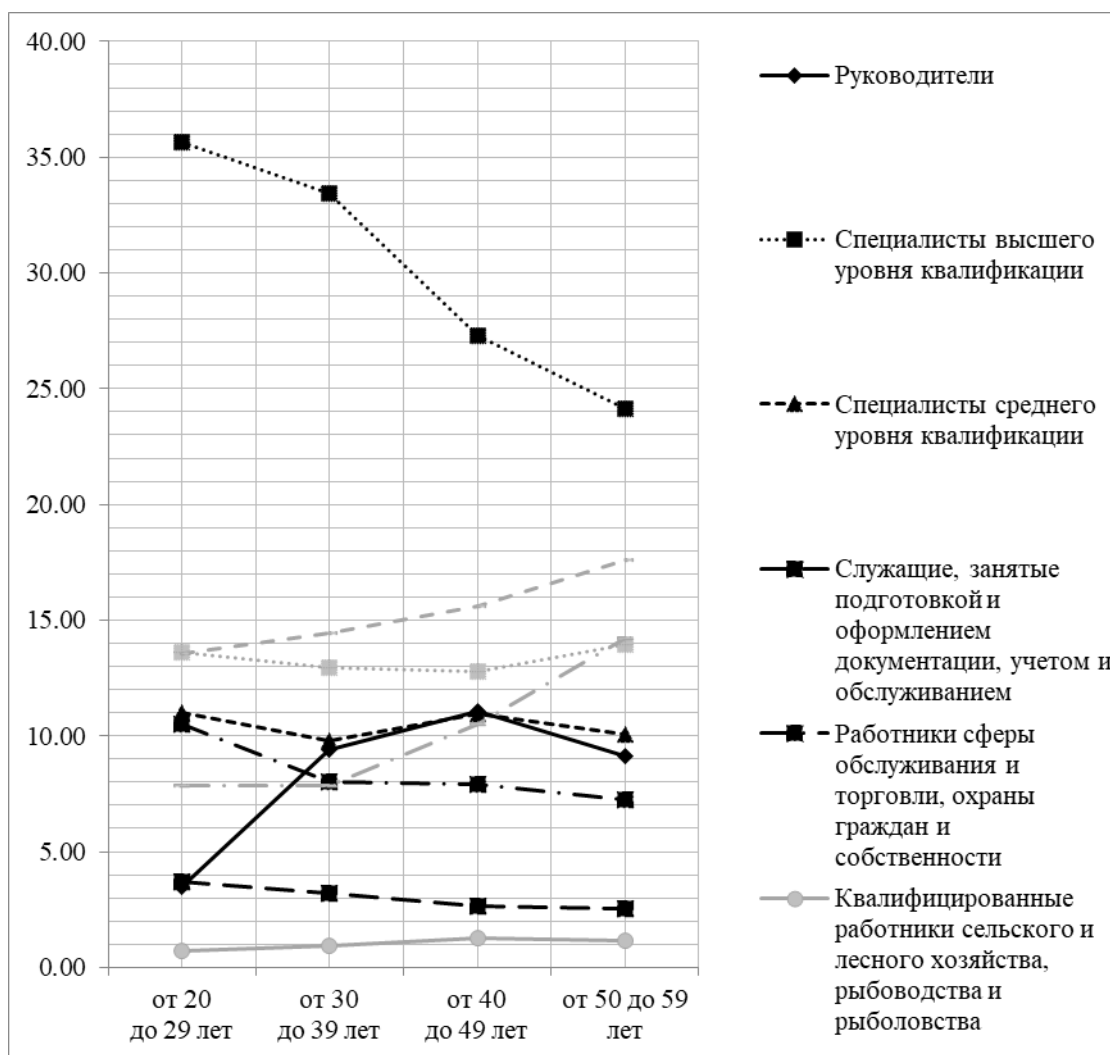

Рисунок 3 – Изменение показателей структуры занятых по возрастным группам, 2019 г., %
 Источник: ¹

Выбирая наиболее популярные сферы занятости молодежи, остановимся на статистических данных по структуре занятых специалистов высшего уровня квалификации.

Для создания своего бизнеса молодые люди часто выбирают сферы, в которых они работают и лучше всего знают, показанные на рисунке 4 (наука и техника, образование, культура и право, здравоохранение, информационно-коммуникационные технологии), хотя это не обязательно для всех выпускников.

Многое зависит от образования, опыта работы, наличия содействия со стороны знакомых и родственников, а также поддержки государственной и муниципальной власти. Часто склонность к предпринимательству толкает молодежь в наиболее прибыльные сферы деятельности, даже если молодые люди не могут показать себя как квалифицированные специалисты.

¹Рабочая сила, занятость и безработица в России 2020 [Электронный ресурс] // Росстат, июль 2020. – Режим доступа: <https://nangs.org/analytics/rosstat-rabochaya-sila-zanyatost-i-bezrabotitsa-v-rossii-onlajn-rar-dox>. – Дата доступа: 06.04.2021.

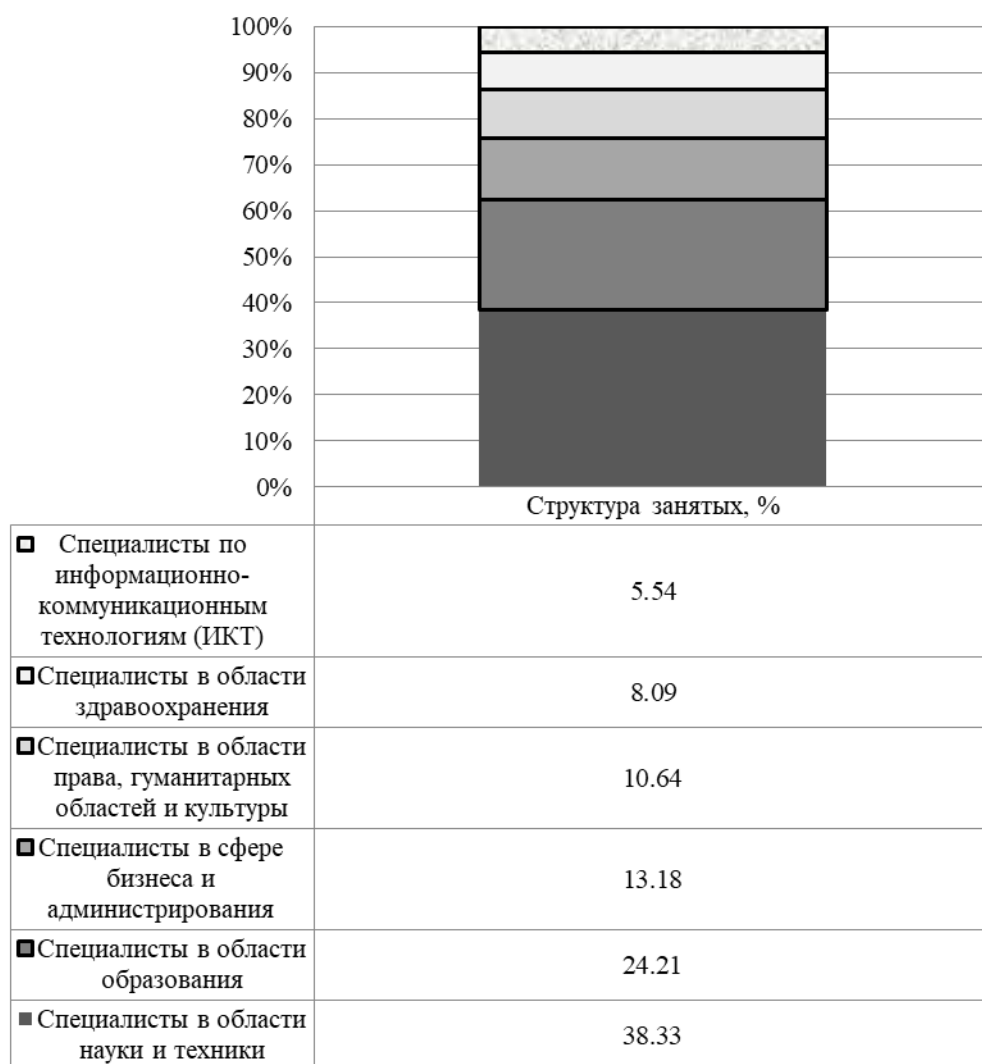

Рисунок 4 – Структура занятости молодежи по группе «Специалисты высшего уровня квалификации» (от 20 до 29 лет), 2019 г., %

Источник: ¹

Необходимость содействия предпринимательству молодежи осознается как на уровне исследований, так и на политическом, да и на практическом уровне. Наиболее частой формой поддержки молодежного предпринимательства определяют обучение молодежи знанию и навыкам ведения бизнеса. Обучение предпринимательству для студентов ссузов и вузов положительно влияет на предпринимательские навыки и намерения, но не всегда это переходит в предпринимательскую деятельность или доход в долгосрочной перспективе. Обучение формирует предпринимательские мышление и навыки, повышает самозанятость в краткосрочной перспективе, но ограничения доступа к финансам и/или неграмотное их использование приводит к банкротству.

Важен такой инструмент привлечения молодых людей к предпринимательству как конкурсы бизнес-планов (стартапов). Такие конкурсы дают победителям сочетание обучения, наставничества и финансирования.

¹Рабочая сила, занятость и безработица в России 2020 [Электронный ресурс] // Росстат, июль 2020. – Режим доступа: <https://nangs.org/analytics/rosstat-rabochaya-sila-zanyatost-i-bezrabotitsa-v-rossii-onlajn-rar-doxc>. – Дата доступа: 06.04.2021.

Исследования показывают, что личных намерений и навыков молодежи, чтобы организовать предпринимательскую деятельность недостаточно. Важна благоприятная правовая и рыночная среда для открытия бизнеса, а также другие факторы. Обзор исследований и основ предпринимательских экосистем, например, Global Entrepreneurship Index, GEM и OECD, позволяет выделить шесть областей благоприятной среды для молодежного предпринимательства (рисунок 5).

Можно дать характеристику каждого из этих элементов, но они исследованы глубоко различными исследователями в разных странах мира [10, 11, 12].

Выделим ключевые факторы, которые следует учитывать молодежи при занятии предпринимательством.

Рисунок 5 – Структура среды предпринимательства
Источник: составлено авторами

Отметим, что предпринимательское мышление (искусство предпринимательства) необходимо начинать развивать с раннего возраста, уже со школьной скамьи. Точно так же обучение предпринимательству в программах среднего специального / высшего образования будут более полезны, если они выходят за рамки технических знаний, обеспечиваются общими эмпирическими навыками и взаимным обучением, включая элементы самоменеджмента, саморазвития¹.

Для людей, которые не предполагают быть предпринимателями по окончании вуза (или собираются пока приобретать профессиональные навыки, делать профессиональную карьеру, планируя, может быть, в будущем свой бизнес) также будет полезен самоменеджмент, построение сетей поддержки и ориентация на включение в планы своей жизни бизнеса. Это позволит молодым людям более грамотно ориентироваться на рынке труда и иметь более широкий спектр источников средств для жизни, своевременно сделать стратегический выбор в ситуации, благоприятной для реализации своих бизнес-идей, когда они возникнут^{2, 3}.

¹ Самоменеджмент / В. Н. Парахина [и др.] ; под ред. В. Н. Парахиной, В. И. Перова. – Москва: Издательство МГУ, 2012.

² Парахина, В. Н. Стратегический менеджмент : электронный учебник / В. Н. Парахина, Л. С. Максименко, С. В. Панасенко. – Москва : Кнорус, 2010.

³ Самоменеджмент / В. Н. Парахина [и др.] ; под ред. В. Н. Парахиной, В. И. Перова. – Москва: Издательство МГУ, 2012.

В ситуациях, когда самозанятость молодежи является единственным способом получения средств к существованию, возникают микропредприятия в низкопроизводительных, слабо растущих отраслях и «узких нишах». Для таких молодых людей важны программы обучения, помогающие стратегическому мышлению, выбору секторов стратегического роста, сфер с высоким рыночным спросом, более высокой добавленной стоимостью и созданию молодежных предприятий в форме рыночных сетей.

Выводы. Итак, научно-технический прогресс приводит к замене традиционной занятости нетрадиционной, временной, зачастую с использованием различных «серых схем». Растет официальная и, в большей степени, скрытая безработица. При этом в Российской Федерации и раньше неблагоприятная ситуация с безработицей складывалась в Северо-Кавказском федеральном округе, где она (14,8%) выше среднероссийской (5,9 %) более чем в 2,5 раза, что определено выраженной региональной дифференциацией по уровню экономического развития. Молодежная безработица и трудоустройство молодых людей становится серьезной государственной проблемой.

Решению данной проблемы содействует развитие молодежного предпринимательства, которое может соединить в одно целое амбиции молодых людей, их профессиональные устремления, желание работать на себя и самому определять свое будущее.

Ключевые факторы развития предпринимательства молодежи:

- формировать предпринимательское мышление у молодых людей;
- обучать со школьной скамьи навыкам самоменеджмента, саморазвития;
- поощрять микропредпринимательство в секторах стратегического роста;
- поддерживать молодежные предприятия в форме рыночных сетей.

Список использованных источников

1. Вишневская, Н. Г. Молодежная безработица: определение и классификация / Н. Г. Вишневская // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – 2014. – № 39. – С. 262–267.
2. Дудиева, М. Н. Молодежная безработица в ЕС: новый вызов современности / М. Н. Дудиева // Социодинамика. – 2017. – № 4. – С. 68–75.
3. Матюшин, Н. В. Молодежная безработица в России: причины и пути снижения / Н. В. Матюшин // Гуманитарный научный журнал. – 2018. – № 1-1. – С. 103–108.
4. Чернышева, Н. И. Пути решения проблемы молодежной безработицы в современном обществе / Н. И. Чернышева // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – № 2-1. – С. 155–160.
5. Ивашина, М. М. Молодежное предпринимательство в эпоху цифры / М. М. Ивашина, К. А. Казнина, Д. М. Калинина // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2020. – № 1 (80). – С. 12–15.
6. Меркулов, П. А. Молодежное предпринимательство как фактор устойчивого социально-экономического роста / П. А. Меркулов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 42–52.
7. Шумик, Е. Г. Молодежное предпринимательство: проблемы и пути решения / Е. Г. Шумик, Е. В. Белик, М. П. Блинов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2017. – № 40. – С. 184–194.
8. Флегонтов, В. И. Снижение занятости и рост бедности как социальная угроза (экономические последствия пандемии) / В. И. Флегонтов // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. – 2020. – № 2. – С. 66–71.
9. Шаова, М. А. Молодежная безработица как социальная проблема: региональный аспект / М. А. Шаова, Л. Т. Елеев, Л. Х. Гукетлова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.
10. Парахина, О. А. Социальные цели и факторы управления стратегическими изменениями в организации / О. А. Парахина. – Москва: Макс-пресс, 2009.
11. Панькова, Л. Н. Эффективные стратегии диверсификации в экономике региона и хозяйствующих субъектов / Л. Н. Панькова, О. А. Борис // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 7-8 (41-42). – С. 127–132.

12. Parakhina, V. N. Integration of Social and Innovative Activities into Industrial Organization / V. N. Parakhina, O. A. Boris, P. N. Timoshenko // Contributions to Economics. – 2017. – Pp. 225–242.

Статья поступила в редакцию 11 мая 2021 года

YOUTH ENTREPRENEURSHIP AS A MEANS OF SOLVING THE PROBLEM OF UNEMPLOYMENT AMONG YOUNG PEOPLE

O. A. Boris

Doctor of Economics, Assistant Professor,
Professor of the Department of “Management”
North Caucasus Federal University
Stavropol, Russia

V. N. Parakhina

Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of “Management”
North Caucasus Federal University
Stavropol, Russia

The article is devoted to the study of solving the problem of youth unemployment using entrepreneurship. The article reflects: changes in the social structure of Russian society, the problem of unemployment in general and among young people; disclosed youth unemployment as a chronic disease of the economy, its dynamics, factors aggravating it; problems of youth employment, as well as the pros and cons of youth as an active part of the population; considered entrepreneurship and its types as a means of solving the problem of youth unemployment; shows the attractiveness of entrepreneurship and its spheres for young people; the opportunities and ways of enhancing the entrepreneurial activity of young people are identified.

Keywords: youth unemployment, factors of unemployment, entrepreneurship, employment, activation of entrepreneurship, types of entrepreneurship.

References

1. Vishnevskaya, N. G. (2014) Molodezhnaya bezrobotitsa: opredeleniye i klassifikatsiya [Youth unemployment: definition and classification]. *Uchenyye zapiski Rossiyskoy Akademii predprinimatel'stva*. (39), 262-267. (In Russian).
2. Dudiyeva, M. N. (2017) Molodezhnaya bezrobotitsa v YES: novyy vyzov sovremennosti [Youth unemployment in the EU: a new challenge of our time]. *Sotsiodinamika*. (4), 68-75. (In Russian).
3. Matyushin, N. V. (2018) Molodezhnaya bezrobotitsa v Rossii: prichiny i putisnizheniya [Youth unemployment in Russia: reasons and ways of decreasing]. *Gumanitarnyy nauchnyy zhurnal*. (1-1), 103-108. (In Russian).
4. Chernysheva, N. I. (2014) Puti resheniya problemy molodezhnoy bezrobotitsy v sovremennom obshchestve [Ways of solving the problem of youth unemployment in modern society]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki*. (2-1), 155-160. (In Russian).
5. Ivashina, M. M., Kaznina, K. A., Kalinina, D. M. (2020) Molodezhnoye predprinimatel'stvo v epokhu tsifry [Youth entrepreneurship in the era of digital]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 1 (80), 12-15. (In Russian).
6. Merkulov, P. A. (2017) Molodezhnoye predprinimatel'stvo kak factor ustoychivogo sotsial'no-ekonomicheskogo rosta [Youth entrepreneurship as a factor of sustainable socio-economic growth]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 12 (3), 42- 52. (In Russian).
7. Shumik, Ye. G., Belik, Ye. V., Blinov, M. P. (2017) Molodezhnoye predprinimatel'stvo: problemy i putiresheniya [Youth entrepreneurship: problems and solutions], *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*. (40), 184-194. (In Russian)
8. Flegontov, V. I. (2020) Snizheniye zanyatosti i rostbednosti kak sotsial'naya ugroza (ekonomicheskiye posledstviya pandemii) [Decrease in employment and growth in poverty as a social threat (economic consequences of a pandemic)]. *Aktual'nyye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo*

razvitiya Rossii. (2), 66-71. (In Russian).

9. Shaova, M. A., Yeleyev, L. T., Guketlova, L. Kh. (2015) *Molodezhnaya bezrabotitsa kak sotsial'naya problema: regional'nyy aspekt* [Youth unemployment as a social problem: regional aspect]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya.* (1-1). (In Russian).

10. Parakhina, O. A. (2009) *Sotsial'nyye tseli i factory upravleniya strategicheskimi izmeneniyami v organizatsii* [Social goals and factors of management of strategic changes in the organization]. Moscow: Maks-press. (In Russian).

11. Pan'kova, L. N., Boris, O. A. (2012) *Effektivnyye strategii diversifikatsii v ekonomike regiona i khozyaystvyushchikh sub'yektov* [Effective strategies for diversification in the economy of the region and economic entities]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy.* (7-8,41-42), 127-132. (In Russian).

12. Parakhina, V. N., Boris, O. A., Timoshenko, P. N. (2017) *Integration of Social and Innovative Activities into Industrial Organization* [Integration of Social and Innovative Activities into Industrial Organization]. *Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth.* Ser. Contributions to Economics. Springer International Publishing AG. 225-242.

УДК 330.341.1:620.91

JEL O31, O33

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-42-49>**ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА БЕЛАРУСИ:
СТАНОВЛЕНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ****В. Ф. Байнев**

baynev@bsu.by

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой инноватики и предпринимательской деятельности
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

В статье представлен ретроспективный анализ развития белорусской электроэнергетики, ее нынешнее состояние, проблемы и перспективы ее дальнейшего совершенствования в современных изменившихся условиях. Показано, что в условиях внешних санкций против Беларуси и избытка электроэнергии, обусловленного вводом в эксплуатацию Белорусской АЭС, необходимо пересмотреть подходы к оценке эффективности источников электрической энергии и соответственно направлений развития отечественной электроэнергетики. Охарактеризована общая стратегия Белорусской энергетической системы с учетом необходимости осуществления новой индустриализации национальной экономики Республики Беларусь и других стран ЕАЭС.

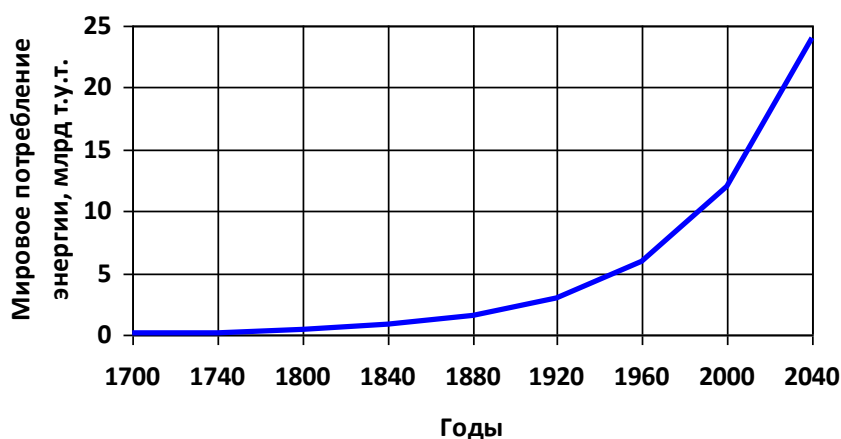
Ключевые слова: электроэнергетика, план ГОЭЛРО, Белорусская энергетическая система, индустриализация, новая индустриализация, нетрадиционная энергетика, возобновляемые источники энергии, малая энергетика, зеленая энергетика.

Цитирование: Байнев, В. Ф. Электроэнергетика Беларуси: становление, эволюция, перспективы развития в условиях новой индустриализации / В. Ф. Байнев // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 42–49. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-42-49>

Введение. В нынешнем 2021 г. Белорусская энергетическая система отметила свой 90-летний юбилей. Начиная с 1920 г. на территории нашей страны в процессе реализации плана ГОЭЛРО был возведен целый комплекс электроэнергетических объектов, включая разветвленную сеть средств передачи и распределения электроэнергии. Благодаря этому совокупность точечных, разбросанных по всей белорусской территории источников и потребителей энергии, превратилась в объединенную энергетическую систему, перейдя на качественно новый по совокупной мощности и надежности уровень. Это позволило 15 мая 1931 г. де-юре зафиксировать создание Белорусской энергетической системы. Ее дальнейшее развитие обеспечило надежную энергетическую базу для индустриализации страны в довоенный и послевоенный периоды, стало основой ее технико-технологического прогресса на излете существования СССР и в годы ее суверенитета. Однако изменения, происходящие в последние годы в геополитике, мировой и национальной экономике, заставляют по-новому взглянуть на возможности и перспективы развития отечественной электроэнергетики и внести коррективы в стратегию развития Белорусской энергетической системы.

Результаты и их обсуждение. Значимость энергии в жизни человека и всего живого на Земле имеет поистине колоссальное значение. Вопреки известному афоризму «кто владеет информацией, тот – владеет миром» вслед за крупными белорусскими учеными в сфере энергетики Т. Г. Зориной и А. А. Михалевичем приходится констатировать: «Энергия правит миром» [1, с. 3]. Более того, еще со времен Аристотеля, жившего в VI в. до н. э. хорошо известно, что «движение – это жизнь». Поскольку никакое движение невозможно без затрат энергии, можно сделать вывод, что жизнь – это, собственно, и есть энергия. По крайней мере, после того, как энергия покидает человеческое тело (в том числе наполненный информацией мозг) от него за ненадобностью избавляются.

Быстрый рост мирового энергопотребления – объективный, статистически подтверждаемый факт. При этом долгосрочный анализ мирового потребления энергии позволил выявить следующую фундаментальную закономерность: фактически мировое потребление энергии подчиняется закону бесконечно возрастающей геометрической прогрессии, каждый последующий член которой удваивается через каждые 40–45 лет (см. рисунок) [2]. С политико-экономической точки зрения, указанный рост энергопотребления в эпоху индустриализации, начавшуюся примерно с середины XVIII века, обусловлен обострением конкуренции в сфере увеличения производительности труда на основе его масштабного замещения в производственных процессах природной энергией. Рост производительности труда, с одной стороны, за то же самое рабочее время позволял производить большее количество продукта, что вело к росту благосостояния людей. С другой стороны, указанное увеличение давало возможность экономить обществу рабочее время, что вело к максимизации свободного от тяжелого, рутинного, нетворческого труда времени, необходимого для дальнейшего развития людей через занятия науками, искусствами, спортом, воспитанием и обучением подрастающего поколения.

Динамика мирового энергопотребления

Источник: построено автором на основе информации [2]

В частности, нами было подсчитано, что в конце XIX в. в мире ежегодно расходовалось примерно 2,75 млрд тонн условного топлива (т. у. т.) энергии, из которых до 0,4 млрд т. у. т. приходилось на удовлетворение традиционных потребностей людей, характерных для доиндустриальной эпохи. Исходя из энергетического (точнее – мощностного) эквивалента занятого простым физическим трудом работника (0,088 кВт), можно подсчитать, что содержащаяся в 1 т. у. т. энергия (29,6 Мдж) эквивалентна мускульно-двигательной энергии – механической работе, которую совершают в течение года чуть более 3 таких работников. С учетом коэффициента полезного действия техники (КПД) того периода (не более 10–15 %) можно оценочно определить, что в 1900 г. благодаря потребляющей энергию технике в мировой экономике вместе с людьми «трудилась» до 900 млн «виртуальных энергетических работников».

Именно эти дополнительные виртуальные работники, «работая» вместе с обычными людьми, повышали производительность их труда, высвобождали их из производственных процессов, обеспечивали им свободное время для занятий наукой, образовательной и воспитательной деятельностью, искусствами, спортом и т. д. При этом будет уместным напомнить, что в 1900 г. все население Земли составляло немногим более 1,6 млрд человек, из которых в индустриально развитых странах проживало около трети. Все это доказывает колоссальную значимость тех 900 млн «виртуальных энергетических работников», которые в несколько раз увеличивали производительную силу труда трудоспособного населения индустриального мира. Иными словами, рост энергетических возможностей человека дает исчерпывающий ответ на вопрос о том, благодаря чему индустриально развитые Великобритания, США, Германия, Франция, Россия и некоторые другие технологически развитые страны на протяжении последних веков имели и продолжают иметь лучшие условия для ускоренного развития и потому определяют направления эволюции земной цивилизации [3, с. 60–61].

Из множества известных человечеству видов энергии (механическая, тепловая, химическая и т. д.) в последние десятилетия наиболее быстро растет значимость электроэнергии. Это выражается, например, в опережающем росте ее производства и потребления по сравнению с валовым потреблением энергоресурсов в мире. Так, согласно данным периодических обзоров мировой энергетики Международного электротехнического агентства (МЭА), в 1999–2017 гг. рост мирового потребления электроэнергии (в среднем на 4,1 % ежегодно и 73 % за указанный период в целом) был в 1,5 раза выше по сравнению с приращением (2,4 % и 44 %) валового потребления энергоресурсов всех видов, включая то же электричество. При этом остается только восхищаться гениальной прозорливостью основателя первого в мире социалистического государства В. И. Ульянова (Ленина), который на Московской конференции РКП(б) 20 ноября 1920 г., когда промышленное электричество только-только начинало входить в жизнь людей, предвидя его исключительное значение для технико-технологического и промышленного прогресса, заявил: *«Если не перевести Россию на иную технику, более высокую, чем прежде, не может быть речи о восстановлении народного хозяйства и о коммунизме. Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно»* [4, с. 30].

Разработанный по поручению В. И. Ленина в 1920 г. Государственный план электрификации России (ГОЭЛРО) приобрел всемирную известность не только из-за невиданно высоких темпов роста генерации и потребления промышленного электричества в рамках его выполнения, но и благодаря стремительной индустриализации страны, обусловленной достижениями этой самой электрификации. Так, известно, что если в 1913 г. России было произведено 1,87 млрд кВт·ч электроэнергии, то после выполнения указанного плана в 1932 г. этот показатель вырос до 13,5 млрд кВт·ч, то есть в 7 раз при четырехкратном приросте по плану. Необходимость ускоренной электрификации экономики в то время диктовалась требованием роста производительности труда на основе масштабного замещения электрическими машинами живого труда человека. С высоты нынешнего времени очевидно, что без плана ГОЭЛРО не состоялась бы грандиозная ленинско-сталинская индустриализация СССР, благодаря которой наши великие деды и прадеды успели выковать оборонный щит, позволивший им защитить наш народ и весь мир от фашистского рабства и геноцида в годы Второй мировой войны.

Разумеется, не осталась в стороне от выполнения плана ГОЭЛРО и наша страна, жестоко пострадавшая в годы Первой мировой войны и польской оккупации. Регулярно организуемые белорусскими комсомольцами в 20–30-е годы прошлого века «Дни электрификации» и «Вечера лампочки Ильича», выставки «Электрифицированная деревня будущего» и «Элекрошалаш», а также выезды комсомольской агитбригады «Красные Эдисоны» энергично пропагандировали среди местного населения значение и цели плана ГОЭЛРО. Если в самом начале его осуществления в 1920 г. на белорусских землях насчитывалось лишь 11 электростанций общего пользования, то уже к концу 1921 г. их число выросло до 16, а их общая установленная мощность достигла 1242 кВт [5].

К сожалению, из всех белорусских электростанций того времени более или менее крупной была построенная еще в 1895 г. электроводопроводная станция «Эльвод», снабжавшая минчан не только электричеством, но и водой. Три дизельных двигателя и две паровые турбины этой станции суммарной мощностью 1400 лошадиных сил (около 1 МВт) приводили в действие несколько динамо-машин, которые выдавали в городскую электросеть постоянный ток напряжением 110 В. Этого едва хватало для 2700 абонентов – потребителей электроэнергии, включая ряд заводов и фабрик, административных зданий, жилых домов и квартир отдельных горожан, а также уличного освещения центра города. В 1924 г. в рамках реализации плана ГОЭЛРО электроводопроводная станция «Эльвод» была подвергнута коренной модернизации и впервые перешла на генерацию стандартного переменного трехфазного промышленного электричества напряжением 6000 В. К 1930 г. ее установленная мощность была доведена до 3 МВт¹, а в 1934 г. она была преобразована в Минскую государственную электростанцию № 1

¹ Советская власть плюс электрификация Минска / EnergoBelarus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://energobelarus.by/articles/traditsionnaya_energetika/sovetskaya_vlast_plyus_elektrifikatsiya_minska – Дата доступа: 18.09.2021.

(ГЭС-1), чья мощность составила уже 6,7 МВт. Одновременно с этим в Минске в 1934 г. была запущена в эксплуатацию еще одна электростанция – ГЭС-2 мощностью 6,8 кВт¹.

Кроме того, в рамках осуществления плана ГОЭЛРО в период с 1920 по 1940 гг. были построены крупные электростанции и за пределами Минска – в Бресте, Пинске, Гродно, Бобруйске, Могилеве, а также мощная Белорусская ГРЭС мощностью 10 МВт на территории современной Витебской области. В результате к концу 30-х гг. прошлого столетия суммарная установленная мощность белорусских электростанций достигла 129 МВт, что более чем в сто раз превысило аналогичный показатель отечественной электроэнергетической системы до начала реализации в нашей стране плана ГОЭЛРО. При этом годовая выработка электроэнергии составила 508 млн кВт·ч. Однако последовавшая вслед за этим Великая Отечественная война почти полностью разрушила белорусскую электроэнергетику. Так, после освобождения территории нашей страны от фашистских оккупантов мощность уцелевших белорусских электростанций составляла всего лишь 3,4 МВт, что было почти в 40 раз ниже довоенного уровня [6, с. 20].

Поскольку функционирование индустриальной экономики без энергии невозможно, послевоенное восстановление народного хозяйства потребовало опережающего воссоздания разгромленной фашистами Белорусской энергетической системы. В кратчайшие сроки было восстановлено 13 разрушенных электростанций, начато строительство ряда новых энергообъектов. В результате столь интенсивной работы за период с 1944 по 1960 г. установленная мощность белорусских электростанций возросла более чем в 220 раз, достигнув 756 МВт. При этом объем производства электроэнергии достиг 2,6 млрд кВт·ч². С политико-экономической точки зрения это было эквивалентно «труду» в народном хозяйстве БССР около 4,5 млн «виртуальных энергетических работников» (с учетом КПД технических устройств того времени, равного 25–35 %). Значимость этих «машинных работников» становится очевидной, если учесть, что в 1960 г. численность населения БССР составляла почти 8,2 млн человек, из которых чуть более половины были людьми трудоспособного возраста.

Уверенное развитие белорусской электроэнергетики продолжалось вплоть до демонтажа СССР в 1991 г., когда на территории нашей страны было потреблено 49,1 млрд кВт·ч электрической энергии. Из-за разрушения производственных кооперационных цепочек некогда единого народнохозяйственного комплекса СССР в Беларуси, равно как и в других оставшегося после него республиках, начался быстрый спад производства, прежде всего, промышленного (деиндустриализация). Это закономерно обусловило быстрое снижение электропотребления объектами промышленной и транспортной инфраструктуры, в результате чего к 1995 г. общее потребление электроэнергии в стране сократилось до 65,3 % уровня 1991 г. [6, с. 20].

После разрушения СССР энергетическая система Беларуси попала в новую реальность, обусловленную острым дефицитом собственных первичных энергоресурсов и необходимостью их масштабного экспорта. Все это обусловило принятие и реализацию комплекса активных мер по энергосбережению, реконструкции и модернизации энергетических мощностей, строительству новых эффективных энергетических объектов, а также задействованию альтернативных (нетрадиционных) источников энергии. Несмотря на то, что республика вышла на дореформенный уровень ВВП уже в 2004 г., благодаря жестким мерам в рамках государственной политики энергосбережения, указанное восстановление экономики удалось обеспечить на фоне более низкого, нежели в дореформенный период, электропотребления. Так, в 2000 г. в нашей стране было произведено и потреблено соответственно 26,1 и 33,3 млрд кВт·ч, в 2010 г. – 34,9 и 37,6 млрд кВт·ч, в 2020 г. – 38,2 и 38,7 млрд кВт·ч³, что намного ниже дореформенных показателей.

В последнее время в Белорусской энергетической системе произошел ряд изменений, существенно трансформирующих принципы ее функционирования и вызывающих ряд проблем.

¹ Историческая справка / РУП «Минэнерго» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minkenergo.by/istoricheskaya-spravka/>. – Дата доступа: 19.09.2021.

² Белорусской энергосистеме – 90 лет / Официальный сайт РУП «Минскэнерго» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minkenergo.by/belenergosityem-90-let/> – Дата доступа: 19.09.2021.

³ Баланс электрической энергии / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/energeticheskaya-statistika/annual-dannye/toplivno-energeticheskie-balansy/>. – Дата доступа: 20.09.2021.

Так, на протяжении последних нескольких лет в условиях объективного энергетического дефицита обозначил себя рост использования так называемых блок-станций, не входящих в состав ГПО «Белэнерго», в том числе использующих новомодные нынче возобновляемые источники энергии (ВИЭ). К 2020 г. суммарная мощность блок-станций превысила 1,1 ГВт, в том числе источников, работающих на ВИЭ – почти 0,3 ГВт, что составляет 11,2 и 3 % общей установленной мощности (10,1 ГВт) Белорусской энергетической системы соответственно [7, с. 47]. Это означает, что эти нетрадиционные источники энергии во все возрастающей мере оказывают свое воздействие на работу отечественной энергетики в целом. Суть возникающих при этом проблем в том, что эти блок-станции вопреки бытующей точке зрения о высокой экономичности нетрадиционной энергетики, наносят ощутимый экономический ущерб Белорусской энергетической системе. Последняя, подчиняясь общемировой моде на использование нетрадиционной энергетики, вынуждена покупать у блок-станций – своих прямых конкурентов – избыточную более дорогую электроэнергию, например, в ночное время и замещать ею свое собственное более эффективное производство. По расчетам Т. Г. Зориной, это ведет к заметному перерасходу первичного топлива в размере до 1,2 г у.т./кВт·ч производимой электроэнергии, а значит, к ощутимым избыточным затратам в Белорусской энергетической системе [8]. Кроме того, взаимодействие с малой энергетикой создает дополнительные проблемы при регулировании и диспетчеризации потоков электроэнергии в национальной энергосистеме в целом, которые должны решаться опять-таки за счет ГПО «Белэнерго» во благо его же прямых местных конкурентов. Очевидно, что все эти избыточные издержки переносятся в тарифы на электроэнергию и тепло, отпускаемые Белорусской энергетической системой предприятиям и населению. В итоге мы вынуждены оплачивать причастность нашей страны к новомодному «зеленому тренду» и когорте борцов с мифическим «глобальным потеплением». Анализ показывает, что если поставить всех участников энергетического рынка в равные конкурентные условия и переложить указанные дополнительные затраты единой энергосистемы на плечи самой малой энергетики, то активно навязываемый западными странами миф о ее высокой эффективности и, соответственно, целесообразности использования тотчас же развеется.

Например, расчеты зарубежных и отечественных специалистов, в работах которых четко просматривается внеэкономическая предрасположенность к так называемой зеленой энергетике, неизменно базируются на том, что национальная энергосистема будет законодательно принуждена покупать у таких блок-станций электроэнергию и тепло по завышенным (льготным для них) тарифам, то есть субсидировать их. Кроме того, в составе совокупного полезного эффекта от использования зеленой энергетики предлагается суммировать целый комплекс не относящихся к энергетике внешних эффектов – экологический, социальный, гуманитарный, психологический и т. п. Например, при расчете окупаемости биогазовых установок предписывается учитывать прирост урожайности у фермеров, экономию ими средств на удобрения, эффект от снижения ущерба вследствие глобального потепления, само существование которого до сих пор носит весьма дискуссионный характер в научной среде, и т. п. При этом обычно используется методология расчета статического срока окупаемости, который кратко вырастет при использовании более точных динамических методов, учитывающих доходность в альтернативные капиталовложения (например, в ту же мощную традиционную энергетику). И даже после всех этих искусственных ухищрений, допущений и беспрецедентных преференций зеленой энергетике расчетные сроки окупаемости связанных с ней проектов зачастую неприемлемо высоки, превышая десятилетний период и достигая 15, 20 и более лет [9, 10].

Что касается экологических преимуществ, положим, тотально зависящих от капризов природы солнечных и ветровых электростанций, то эти достоинства сегодня вызывают острые дискуссии даже у самих эоактивистов. И если ведущие западные страны, имеющие возможность решать любые свои экономические проблемы за счет денежной эмиссии, могут позволить себе такую роскошь как требующая масштабного субсидирования «зеленая энергетика», то наша национальная экономика, думается, должна ориентироваться не на новомодные глобальные тренды, а жестко следовать принципу народнохозяйственной эффективности любых наших проектов и начинаний.

Другой важный фактор, который кардинально изменяет электроэнергетический баланс нашей страны, связан с вводом в эксплуатацию БелАЭС. Благодаря этому событию Беларусь превратилась в страну, располагающую избытком электроэнергии. Некоторые наши соседи, например, страны Балтии и Польша, являются энергозависимыми и, наоборот, испытывают

дефицит промышленного электричества. При этом Латвия, Литва и Эстония входят в состав электроэнергетического кольца БРЭЛЛ (аббревиатура из начальных букв названия стран: Беларусь, Россия, Эстония, Латвия, Литва). В рамках взаимовыгодного сотрудничества в сфере энергетики Беларусь вполне могла бы компенсировать недостаток электроэнергии у наших соседей. Однако политика санкций, применяемая Западом по отношению к нашей стране, делает белорусский экспорт электроэнергии в данном направлении весьма проблематичным. Кроме того, ЕС потребовал от стран Балтии до 2025 г. выйти из состава БРЭЛЛ для объединения их электроэнергетических рынков с европейскими. Аналогичные планы вынашивает и Украина, которая потенциально могла стать крупным импортером белорусской электроэнергии. Все это еще больше осложнит белорусский экспорт электроэнергии в указанные страны, диктуя о необходимости ее более полного использования для целей развития народного хозяйства Беларуси и дружественных нам стран ЕАЭС.

Еще одно обстоятельство, которое необходимо учитывать при определении перспектив развития отечественной электроэнергетики, вызвано тем, что сегодня мировая экономика вступает в очередной этап технико-технологического развития новой индустриализации [11]. Ее осуществление потребует много дешевой энергии, поскольку согласно политико-экономическому содержанию новой индустриализации, она связана с тотальным замещением природными силами (энергией) не только физических (мускульно-двигательных) способностей человека, но и его интеллектуальных возможностей «разумными» машинами [3]. Энергичное навязывание западными странами векторов промышленного и энергетического развития, нацеливающих на внедрение зеленой энергетики и ориентирующих на борьбу с гипотетическим глобальным потеплением, имеет, судя по всему, отнюдь не экологический смысл. Наши западные конкуренты прекрасно осведомлены о том, что «зеленое удорожание» энергии и «климатические препятствия» на пути развития промышленности могут серьезно помешать новой индустриализации, а значит, чреваты утратой глобальной конкурентоспособности для их соперников.

Выводы. Требования, предъявляемые к Белорусской энергетической системе необходимостью новой (цифровой) индустриализации национальной экономики, резкое осложнение геополитической ситуации вокруг нашей страны, обострение конкуренции на мировых рынках, а также изменения в самой отечественной энергетике заставляют внести существенные коррективы в энергетическую политику Республики Беларусь. С учетом изложенного, думается, что стратегия дальнейшего развития белорусской электроэнергетики в новых изменившихся условиях должна быть связана со следующими направлениями:

- ориентация исключительно на национальные интересы Беларуси, а не на новомодные тренды и тенденции в энергетической сфере и вокруг нее, навязываемые западными странами своим конкурентам, в том числе с целью затормозить их индустриальное развитие;
- обеспечение максимально дешевой электроэнергией Беларуси и стран ЕАЭС для нужд осуществления новой индустриализации как фактора нашей совместной глобальной конкурентоспособности, включая экспорт электроэнергии в эти страны;
- масштабная разработка и внедрение электротехнических и электронных технологий новой индустриализации, в том числе связанных с замещением углеводородных источников энергии промышленным электричеством;
- создание по-настоящему равных конкурентных условий всем отечественным объектам электроэнергетики, что подразумевает использование методологии расчета их экономической эффективности, исключающей всякое субсидирование деятельности одних другими, в том числе государством (белорусским народом в целом);
- курс на дальнейшую интеграцию энергетических рынков Беларуси и России, а также стран ЕАЭС, вплоть до создания единого энергетического рынка ЕАЭС;
- экономически эффективный экспорт излишков электроэнергии в третьи страны.

Список использованных источников

1. Устойчивое развитие энергетики Республики Беларусь: состояние и перспективы: сб. докладов науч. конф., Минск, 1–2 окт. 2020 г. / под ред. Т. Г. Зориной. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 335 с.

2. Плакиткин, Ю. А. Закономерности инновационного развития мировой экономики. Энергетические уклады XXI века / Ю. А. Плакиткин; Российская акад. естественных наук (РАЕН), Секция «Нефти и газа». – СПб : РАЕН, 2012. – 119 с.
3. Байнев, В. Ф. История экономики знаний: технико-технологический и политико-экономический анализ / В. Ф. Байнев. – Минск : Право и экономика, 2020. – 158 с.
4. Ленин, В. И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. Речь 21 ноября 1920 г. на Московской губернской конференции РКП(б) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений, 5-е изд. – В 55 т. – Т. 42. – М. : Политиздат, 1967. – С. 18–40.
5. Литвиновский, И. А. Промышленность Беларуси в начале XX века / И. А. Литвиновский // Труды исторического факультета БГУ: научный сборник. Вып 4. / редкол.: У. К. Коршук (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – С. 283–288.
6. Становление энергетики Беларуси. Путь длиной в жизнь // Энергетическая стратегия. – 2011. – 2 (20). – С. 20–29.
7. Михалевич, А. А. Состояние и перспективы развития энергетики в мире и в Республике Беларусь / А. А. Михалевич // Устойчивое развитие энергетики Республики Беларусь: состояние и перспективы: сб. докладов науч. конф., Минск, 1–2 окт. 2020 г. / под ред. Т. Г. Зориной. – Минск : Беларус. навука, 2020. – С. 18–33.
8. Зорина, Т. Г. Регламентирование деятельности блок-станций на традиционных видах топлива / Т. Г. Зорина // Энергетика. Известия высш. учеб. заведений и энерг. объединений СНГ. – Т. 60. – 2017. – № 3. – С. 276–286.
9. Бернацкий, А. Е. Оценка экономической эффективности проектов зеленой энергетики на примере биогазового сектора / А. Е. Бернацкий // Устойчивое развитие энергетики Республики Беларусь: состояние и перспективы: сб. докладов науч. конф., Минск, 1–2 окт. 2020 г. / под ред. Т. Г. Зориной. – Минск : Бел. навука, 2020. – С. 96–104.
10. Богач, В. Н. Техничко-экономический анализ сценариев использования солнечной энергии для электрификации административных зданий / В. Н. Богач, А. А. Бринь, Н. Е. Шевчик // Устойчивое развитие энергетики Республики Беларусь: состояние и перспективы: сб. докладов науч. конф., Минск, 1–2 окт. 2020 г. / под ред. Т. Г. Зориной. – Минск : Беларус. навука, 2020. – С. 139–145.
11. Губанов, С. С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / С. С. Губанов. – М. : Книжный мир, 2012. – 224 с.

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2021 года

**ELECTRIC POWER SECTOR OF BELARUS: FORMATION, EVOLUTION,
PROSPECTS FOR DEVELOPMENT IN THE CONDITIONS OF NEW
INDUSTRIALIZATION**

V. F. Baynev

Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of Innovation and Entrepreneurship
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus

The article presents a retrospective analysis of the development of the Belarusian electric power industry, its current state, problems and prospects for its further improvement in the modern changed conditions. It is shown that in the context of external sanctions against Belarus and the surplus of electricity caused by the commissioning of the Belarusian NPP, it is necessary to revise the approaches to assessing the efficiency of sources of electrical energy and, accordingly, the directions of development of the domestic electric power industry. The general strategy of the Belarusian energy system is characterized, taking into account the need to implement a new industrialization of the national economy of the Republic of Belarus and other EAEU countries.

Keywords: electric power industry, GOELRO plan, Belarusian energy system, industrialization, new industrialization, non-traditional energy, renewable energy sources, small energy, green energy.

References

1. Ustoychivoye razvitiye energetiki Respubliki Belarus': sostoyaniye i perspektivy (2020) [Sustainable energy development in the Republic of Belarus: status and prospects]. In: T. G. Zorinoy, *Collection of Scientific Conference Reports., Minsk, 1–2 October. 2020 y.*, Minsk: Belarus. science. (In Russian).
2. Plakitkin, Yu. A. (2012) Zakonomernosti innovatsionnogo razvitiya mirovoi ekonomiki. Energeticheskie układy XXI veka [Regularities of the innovative development of the world economy. Energy structures of the XXI century], *St. Petersburg Russian acad. Natural Sciences (RANS), Section "Oil and Gas"* publ. (In Russian).
3. Baynev, V. F. (2020) Istoriya ekonomiki znaniy: tekhniko-tekhnologicheskii i politiko-ekonomicheskii analiz [History of the knowledge economy: technical-technological and political-economic analysis]. Minsk, *Pravo i ekonomika* publ. (In Russian).
4. Lenin, V. I. (1967) Nashe vneshneye i vnutrenneye polozheniye i zadachi partii [Our external and internal position and mission]. *Speech of 21 November 1920 y. RCP(b) Moscow Provincial Conference, Complete works, Moscow, Politizdat* publ. (42), 18-40.
5. Litvinovskiy, I. A. (2009) Promyshlennost' Belarusi v nachale XX veka [Industry in Belarus at the beginning of the 20th century]. In: U. K. Korshuk, *Works of the History Faculty of the BSU: Scientific Collection*, Minsk, BSU publ., 283-288.
6. Stanovleniye energetiki Belarusi. Put' dlinoy v zhizn' (2011) [Energy Development of Belarus. The Way To Life]. *Eenergy strategy* publ., 2(20), 20-29.
7. Mikhalevich, A. A. (2020) Sostoyaniye i perspektivy razvitiya energetiki v mire I v Respublike Belarus' (2020) [World and Republic of Belarus energy situation and prospects]. In: T. G. Zorinoy, *Sustainable energy development in the Republic of Belarus: status and prospects: compendium of reports of the scientific conference, Minsk, 1–2 November 2020 y.*, Minsk, Belarus. science, 18-33.
8. Zorina, T. G. (2017) Reglamentirovaniye deyatelnosti blok-stantsiy na traditsionnykh vidakh topliva [Regulation of conventional fuel blocks] *Energy. News from higher education institutions and CIS energy associations.* (3), 276-286.
9. Bernatskiy, A. Ye. (2020) Otsenka ekonomicheskoy effektivnosti proyektov zelenoy energetiki na primere biogazovogo sektora [Assessing the Cost-Effectiveness of Green Energy Projects in the Bio-gas Sector]. *Sustainable energy development in the Republic of Belarus: status and prospects: compendium of reports of the scientific conference, Minsk, 1–2 November 2020 y.*, Minsk, Belarus. science, 96-104.
10. Bogach, V. N. (2020) Tekhniko-ekonomicheskii analiz stsenariyev ispol'zovaniya solnechnoy energii dlya elektrifikatsii administrativnykh zdaniy [Feasibility Analysis of Solar Electrification Scenarios for Administrative Buildings] In: T. G. Zorinoy, *Sustainable energy development in the Republic of Belarus: status and prospects: compendium of reports of the scientific conference, Minsk, 1–2 November 2020 y.*, Minsk, Belarus. science, 139-145.
11. Gubanov, S. S. (2012) Derzhavnyy proryv. Neoindustrializatsiya Rossii i vertikal'naya integratsiya [Power Breakthrough. Russia's neo-industrialization and vertical integration]. *Moscow, Knizhnyy mir* publ.

УДК 334.021

JEL I20

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-50-56>

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
УНИВЕРСИТЕТОВ И ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ОСНОВЕ
МОДЕЛИ ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ¹**

В. А. Клименко

доктор социологических наук, профессор, советник
Исполнительный комитет СНГ
г. Минск, Республика Беларусь

Л. И. Дроздович

drazdovichl@bntu.by

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

В. А. Казанцева

студент

Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Уточнены теоретико-методологические основы взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали в контексте современной технологической модернизации за счет разработки теоретико-методологических принципов этого взаимодействия в Республике Беларусь, а именно: равенства форм собственности; признания множественности институциональных форм участия университетов в капитализации их технико-организационных и технико-технологических разработок; создания сети коммуникаций тройной спирали; необходимости создания социально-научного сообщества; признания уникальности организационно-экономических механизмов внедрения научных разработок в промышленности.

Ключевые слова: модель тройной спирали, университеты, промышленные предприятия, технологическая модернизация, инновации, инновационное развитие.

Цитирование: Клименко, В. А. Теоретико-методологические основы взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали в контексте современной технологической модернизации / В. А. Клименко, Л. И. Дроздович, В. А. Казанцева // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 50–56. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-50-56>

Введение. Говоря о теоретико-методологических основах взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали в контексте современной технологической модернизации, нельзя обойти вниманием книгу основоположника концепции тройной спирали Г. Ицковица «Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии» [1]. Названный автор предложил пересмотреть категорию «инновации», аргументируя это следующим образом: «Раньше при создании нового продукта инновации рассматривались фирмами как определенные организационные мероприятия в инновационном процессе, участие в котором принимала только небольшая группа ученых и специалистов в области производства. Только эта группа считалась заинтересованной в инновационном процессе, так как он сводился к анализу возможных путей усовершенствования выпускаемого товара. В последние годы общественно значимой стала взаимосвязь между процессом создания фирм, сектором высоких технологий и экономическим ростом» [1, с. 31]. Следует отметить, что теоретические взгляды Г. Ицковица основывались на практике хозяйствования в США, в результате чего этот ученый достаточно свободно обращается как

¹ Работа выполнена при поддержке БРФФИ (договор с БРФФИ № Г21МН-002 от 01.07.2021 г.).

с трактовкой инноваций Й. Шумпетера, упрощая ее, исходя из собственных методологических подходов, так и особо подчеркивает значение создания новых фирм как важнейшего фактора инновационного развития в контексте тройной спирали. Так, описывая особенности экономики знаний названный ученый подчеркивает: «Экономика знаний имеет более тесный контакт с источниками знаний, которые, в свою очередь, подвержены изменениям. *Центральное место в инновационных стратегиях занимает непрерывное создание компаний, которые в своей работе используют высокие технологии (выделено авт.)*. Зачастую такие компании берут свое начало в университетах» [1, с. 33]. Как видно из приведенного высказывания, Г. Ицковиц в триаде «университеты – предприятия – государство» на первое место ставит именно предприятия, причем не просто предприятия, а частные предприятия. В связи с этим правомерно поставить следующие вопросы: 1) Описывает ли теория тройной спирали Г. Ицковица американскую модель развития? 2) Насколько она применима к иным странам (если эта теория создана преимущественно на американском экономическом материале) и при каких условиях? 3) Каким образом названная теория должна быть усовершенствована для того, что ее можно было эффективно применить в евро-азиатском регионе и в том числе в Республике Беларусь? В данной статье мы постараемся ответить на эти три вопроса, не вдаваясь детально в критику методологии Г. Ицковица, поскольку это выходит за границы предмета нашего исследования и требует проведения специальной научной работы, останавливаясь при этом на рассмотрении этой методологии в той мере, в какой это необходимо для раскрытия исследовательской задачи развития теоретико-методологических основ взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали в контексте современной технологической модернизации.

Результаты и их обсуждение. Начнем с ответа на первый вопрос: описывает ли теория тройной спирали Г. Ицковица американскую модель развития? Для ответа на него обратимся к тексту уже упомянутой выше книги названного автора, который в частности пишет, что в США «роль государства часто сдерживается, и оно в основном создает благоприятные для взаимодействия науки и бизнеса условия через изменения в патентном законодательстве, обеспечение финансирования новых исследовательских компаний с помощью "государственного венчурного капитала", представляя гранты на исследование» [1, с. 35–36]. В данном случае очень отчетливо просматривается именно американская модель финансирования науки, основанная на возможности практически бесконтрольно проводить эмиссию долларов. Возможность такой американской финансовой политики была заложена в середине прошлого века. Как отмечают экономисты, «в период золотого обеспечения доллара как основной резервной валюты это во много отражало политико-экономические реалии второй половины сороковых – начала семидесятых годов прошлого века, когда сразу после Второй мировой войны США производили 56 % мирового промышленного и сельскохозяйственного производства и обладали примерно 70 % мирового запаса золота» [2, с. 49]. После отказа от золотого обеспечения доллара, североамериканский доллар, оставаясь мировой валютой, оставался (и, видимо, еще достаточно долго будет оставаться) основным платежным средством при обслуживании международной торговли, а также валютой, в которой калькулируют затраты участники внешнеэкономической деятельности (чтобы избежать курсовых рисков) и которая входит в золотовалютные резервы большинства стран. Такая ситуация обеспечивает стабильный рост спроса на доллары, непосредственно зависимый как от роста мировой торговли, так и от увеличения спекулятивных финансов.

В таких условиях США имеют уникальную возможность финансировать за счет дополнительной денежной эмиссии практически неограниченное создание новых исследовательских компаний с широким использованием «государственного венчурного капитала», в то время как другие страны вынуждены более рационально использовать государственные финансовые средства, расходуемые на научные и научно-практические исследования и разработки. Понимание такой особенности теоретических взглядов Г. Ицковица (внеисторический подход и абсолютизация преимуществ американской экономической модели), положенных в основу тройной спирали, позволяет понять, почему названный автор, справедливо отметив, что «являясь двумя основными конкурирующими в современном обществе моделями его устройства, административно-командная и рыночная модели представляют собой, в сущности, две стороны одной медали взаимодействия государства и бизнеса <...> Обе эти модели в разных пропорциях определяют приоритетную роль одной из двух институциональных сфер» [1, с. 36], относит к административно-командной модели хозяйственной деятельности в частности Францию. По существу в данном случае следует признать, что эвристический потенциал концепции тройной

спирали Г. Ицковица был бы еще больше, если бы он не придерживался идеологии рыночного либерализма, в его случае во многом основанной на абсолютизации институциональной базы американской модели развития. В данном контексте, по нашему мнению, правомерно будет привести интересное высказывание С. Ю. Солодовникова по поводу идеологии рыночного детерминизма (философской основы либерально-рыночных теорий): «Сегодня понятия "свободная конкуренция", "открытая экономическая система", "антипротекционистские меры" и некоторые близкие к ним твердо занимают в сознании ортодоксальной части либерально настроенных ученых экономистов место, схожее с положением священной коровы в системе нравственных ценностей правоверного индуса. Иначе говоря, они начинают относиться к ряду абсолютных ценностей (полезностей) и непререкаемых истин. При этом полностью игнорируется, что экономическая свобода – это тенденция (стремление) к усилению экономической энтропии, а значит и к смерти. Вместе с тем история показала, что полная государственная регламентация экономической жизни общества ведет к застою и деградации» [3, с. 5–6]. Последнюю приведенную цитату нельзя полностью отнести к теоретическим воззрениям Г. Ицковица, поскольку ряд его выводов объективно вступают в противоречие с либерально-рыночной доктриной. Иначе говоря, этот ученый, будучи приверженцем либерально-рыночной американской модели хозяйствования, проанализировав опыт работы американских университетов в условиях экономики знаний, пришел к выводу о необходимости увеличения роли государства в этом процессе, предложив концепцию тройной спирали, которая после некоторых теоретических усовершенствований может использоваться и в других странах. Прежде всего – это методологическая необходимость отказаться от упрощенных взглядов на такой сложный институционально-цивилизационный феномен как современное рыночное хозяйство, искусственно не разделяя в теории все национальные экономики на рыночные и административно-хозяйственные, а подчеркивая смешанный характер этого хозяйства, наличие в нем множества переходных форм, технологических и социальных укладов. Надо исходить из того, что «современное рыночное хозяйство характеризуется индустриальным или постиндустриальным технологическим укладом, множеством форм (в том числе и смешанной) собственности, экономической обоснованностью, декларируемой свободой предпринимательства и обязательным вмешательством государства в экономику. Названная форма хозяйствования выступает как результат государственного и социального регулирования, порождающего огромное разнообразие исторических форм рыночных институтов. Современный рыночный механизм функционирует в условиях установления относительных равновесия и стабильности посредством экономических средств государственного регулирования, связанных как с особенностями функционирования экономики на макроуровне (циклические колебания, экономический рост и др.), так и с несовершенством рыночного механизма» [4, с. 60–61].

Г. Ицковиц, объясняя необходимость перехода к модели тройной спирали, справедливо подчеркивает: «Если раньше путь от открытий до технологических прорывов занимал целые поколения, то сейчас этот цикл происходит в сроки, позволяющие изобретателям участвовать как в исследовательском процессе, так и на этапе внедрения инноваций. Это явление – главный аргумент для более глубокого вовлечения институтов, генерирующих знания, в инновационный процесс» [1, с. 23]. Российские ученые М. А. Сажина и А. А. Ильина, сторонники концепции тройной спирали, отмечают: «Для ускорения перехода на инновационный путь развития и повышения интенсификации научно-образовательных и производственных связей нужна благоприятная среда, в которой осуществляется своевременное построение и активное развитие инновационной инфраструктуры, решается проблема разбалансированности функционирующих в рамках системы элементов, что в нынешних условиях неустойчивости экономики под силу только государству. С появлением новых вызовов геополитического и макроэкономического типов Россия вынуждена создавать новые цепочки внутри инновационной системы: достижение высокой результативности в процессах коммерциализации технологических разработок – поддержка несырьевых инновационных отраслей – освоение новых рынков – выход на ускоренный экономический рост» [5, с. 116–117]. Неустойчивый характер экономики, о котором пишут названные авторы, характерен не только для российской экономики, но и для глобальной экономики в целом, а как результат – и для всех национальных экономик. Для обеспечения высоких темпов инновационного экономического роста, как отмечают названные авторы, требуется усиление роли государства в инновационных процессах: «Важным аспектом этой проблемы является то, что в некоторых странах отмечается вмешательство государства за

счет активного проведения инновационной политики, в других странах инновационное регулирование предполагает косвенное вмешательство. К тому же различные модели национальных инновационных систем, существующие по сей день (евроатлантическая, восточноазиатская, альтернативная, модель "тройной спирали"), формировались еще с начала XX в., что выражается в разнообразии структуры моделей, темпах экономического развития страны, специфике рыночной конъюнктуры, деятельности политических, экономических и социальных институтов, механизмов государственного и бизнес-управления» [5, с. 117]. Ранее нами также отмечалось, что «обеспечение нового качества экономического роста в условиях инновационного развития экономики Республики Беларусь предполагает совершенствование работы действующих наукоемких предприятий, а также создание новых с более передовыми прогрессивными технологиями. В значительной степени это развитие определяется экономическим потенциалом высокотехнологичных отраслей промышленности» [6, с. 57].

Многие белорусские авторы также отмечают необходимость усиления роли государства в инновационных процессах, которое должно сопровождаться эволюцией партнерства общества, государства и бизнеса: «Структурная политика, ориентированная на модернизацию реального сектора экономики, может реализовываться только на основе новой индустриализации, обеспеченной современной системой государственного планирования и управления, с широким привлечением к этому процессу институтов общественно-государственно-частного партнерства и мобилизации для этого процесса необходимых социальных, человеческих, материальных, финансовых, предпринимательских и институциональных ресурсов» [7, с. 90]. При этом на сегодняшний день, как верно отмечает по этому поводу Т. В. Сергиевич, «при сохранении проблемы недостатка собственных источников финансирования и нехватки оборотных средств, которые могут направляться на НИОКР, технико-технологическую модернизацию и внедрение инноваций, белорусские предприятия по-прежнему находятся в условиях, когда государственная политика направлена на поддержку реального сектора экономики. Государственная поддержка промышленных предприятий в Республике Беларусь предполагает, в первую очередь, технико-технологическую модернизацию производственных мощностей, в том числе закупку нового высокотехнологичного оборудования, реконструкцию и модернизацию зданий предприятий. Институциональная форма этой поддержки заключается, как правило, в реализации инвестиционных проектов...» [8, с. 33]. Новая индустриализация требует новых теоретических институциональных решений, в качестве которых может выступить и модель тройной спирали. Российские ученые Н. С. Карташов и С. Г. Авруцкая по этому поводу отмечают: «Потребность в модели тройной спирали возникла в связи с необходимостью организации эффективного взаимодействия ведущих субъектов развития и создания новой основы построения связей между ними. Тройная спираль, как спираль ДНК отражает взаимодействие трех своих элементов на всех стадиях создания инновационного продукта. При этом государство взаимодействует с университетами на начальных стадиях инновационного процесса, одновременно выступает заказчиком и идеологом нового знания» [9, с. 99]. Белорусский экономист С. Ю. Солодовников, говоря о стоящей сегодня перед экономикой Республики Беларусь задачей провести тотальную экономико-технологическую модернизацию на основе современной структурной политики, категорически заявляет, что «решить эту проблему рыночными инструментами невозможно, поскольку проведение модернизационной структурной политики подразумевает концентрацию ресурсов на секторах экономики и отдельных экономико-образующих предприятиях, которые должны обеспечить технико-технологическую модернизацию страны, а логика современного рынка (когда крупные предприятия, как правило, находятся в акционерной, т. е. коллективной собственности) требуют от руководства частных компаний обеспечивать постоянный рост капитализации организации (рост котировки акций более быстрый, чем у конкурентов на рынках ценных бумаг), повышение ее доходности и т. д. Иначе говоря, здесь постоянно наблюдается конфликт интересов при определении приоритетов, а именно: на чем сконцентрировать ресурсы – на текущем росте или на стратегическом развитии» [7, с. 89]. С. Ю. Солодовников и Ю. В. Мелешко отмечают, что условиях современной технико-экономической модернизации национальных экономик «в перспективе преимущества получают те страны, в которых создано посткапиталистическое социально-научное сообщество с наиболее соответствующими этому государственным и надгосударственным институтами» [10, с. 125]. По нашему мнению, для повышения результативности взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спи-

рали в контексте современной технологической модернизации названная концепция должна быть в теоретико-методологическом плане дополнена равенством форм собственности, признанием множественности институциональных форм участия университетов в капитализации их технико-организационных и технико-техно-логических разработок, необходимостью создания социально-научного сообщества и признания того, что не существует универсальных (пригодных для всех стран) рецептов внедрения научных разработок в промышленности.

Следует также отметить, что эффективность функционирования тройной спирали в условиях цифровой экономики непосредственно зависит от коммуникационных сетей. И. Ю. Пахомова прямо указывает на это, подчеркивая, что «вследствие нарастающего динамизма систем появилась необходимость организации эффективных форм взаимодействия трех субъектов развития (государства, бизнеса, науки) и создания новой основы построения этих связей – сетей коммуникаций. Эффективность сетевой организации любой деятельности состоит в том, что ее результат нелинейно повышается при росте масштабов сети. Каждый узел сети, будь то производитель или потребитель продукции, получает дополнительный эффект от простого увеличения количества узлов» [11, с. 50].

Выводы. Таким образом, развитие взаимодействия университетов и промышленных предприятий на основе модели тройной спирали в контексте современной технологической модернизации в Республике Беларусь должно строиться на триаде «университеты – предприятия – государство», в основе которого должны находиться теоретико-методологические принципы: равенства форм собственности; признания множественности институциональных форм участия университетов в капитализации их технико-организационных и технико-технологических разработок; создания сети коммуникаций тройной спирали; необходимости создания социально-научного сообщества; признания уникальности организационно-экономических механизмов внедрения научных разработок в промышленности.

Список использованных источников

1. Ицковиц, Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэл., 2010. – 238 с.
2. Солодовников, С. Ю. Современная экономика – экономика рисков / С. Ю. Солодовников // Друкерровский вестник. – 2019. – № 5. – С. 43–56. DOI: 10.17213/2312-6469-2019-5-43-56
3. Солодовников, С. Ю. Понятие хаоса и его место в развитии сложных систем / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 5–18. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-7-5-18>
4. Солодовников, С. Ю. Экономический романтизм, или есть ли в Беларуси экономические убийцы / С. Ю. Солодовников // Белорусская думка. – 2012. – № 9. – С. 52–63.
5. Сажина, М. А. Национальная инновационная система в условиях дестабилизации экономики / М. А. Сажина, А. А. Ильина // Государственное управление. Электронный вестник. – Февраль 2021. – № 84. – С. 109–128.
6. Гурский, В. Л. Исследование теоретических основ нового качества экономического роста в контексте перехода к инновационному развитию Республики Беларусь и Российской Федерации / В. Л. Гурский, В. А. Клименко, В. В. Фаузер, Т. В. Сергиевич // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 53–59.
7. Солодовников, С. Ю. Взаимосвязь структурной политики государства и модернизации реального сектора экономики / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 84–94. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-7-84-94>
8. Сергиевич, Т. В. Перспективы и направления развития производства товаров интенсивного обновления в Республике Беларусь / Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2017. – № 14. – С. 32–40.
9. Карташов, Н. С. Модель тройной спирали и возможности ее реализации в России / Н. С. Карташов, С. Г. Авруцкая // Успехи в химии и химической технологии. – 2018. – Том XXXII. – С. 99–101.

10. Солодовников, С. Ю. Евразийская экономическая интеграция / С. Ю. Солодовников, Ю. В. Мелешко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2016. – № 3. – С. 121–126.

11. Пахомова, И. Ю. Модель «тройной спирали» как механизм инновационного развития региона / И. Ю. Пахомова // Экономика. Информатика. – 2012. – Том 22. № 7-1 (126). – С. 50–55.

Статья поступила в редакцию 5 октября 2021 года

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF INTERACTION BETWEEN UNIVERSITIES AND INDUSTRIAL ENTERPRISES BASED ON THE TRIPLE HELIX MODEL IN THE CONTEXT OF MODERN TECHNOLOGICAL MODERNIZATION

V. A. Klimenko

Doctor of Sociology, Professor, Advisor to the CIS Executive Committee
Minsk, Republic of Belarus

L. I. Drozdovich

PhD of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of “Economics and Law”
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

V. A. Kazantsava

Student
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The theoretical and methodological foundations of interaction between universities and industrial enterprises on the basis of the triple helix model in the context of modern technological modernization are clarified by developing theoretical and methodological principles of this interaction in the Republic of Belarus, namely: equality of ownership forms; recognition of multiple institutional forms of participation of universities in the capitalization of their technical, organizational and technological developments; creation of a triple helix communication network; the need to create a socio-scientific community; recognition of the uniqueness of organizational and economic mechanisms for the introduction of scientific developments in industry.

Keywords: triple helix model, universities, industrial enterprises, technological and logical modernization, innovations, innovative development.

References

1. Ickovic, G. (2010) Troynaya spiral. University – predpriyatiya – gosudarstvo. Innovacii v deystvii. [Triple helix model. Universities – industry – state. Innovations in action]. *Izdatelstvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravleniya i radioelektroniki*. 238. (In Russian)

2. Solodovnikov, S. Yu. (2019) Sovremennaya ekonomika – ekonomika riskov [The modern economy is an economy of risks]. *Drukerovskiy vestnik*. (5), 43-56. (In Russian)

3. Solodovnikov, S. Yu. (2018) Ponyatie khaosa i ego mesto v razvitiy slozhnykh sistem [Chaos definition and its role in complicated systems' development]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (7), 5-18. (In Russian)

4. Solodovnikov, S. Yu. (2012) Ekonomicheskiy romantizm ili est li v Belarusi ekonomicheskie ubiytsy [Economic romanticism, or are there economic killers in Belarus]. *Belaruskaya dumka*. (9), 52-63. (In Russian)

5. Sazhina, M. A. (2021) Nacionalnaya innovacionnaya sistema v usloviyah destabilizacii ekonomiki [National innovational system in conditions of economic destabilization]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*. (84), 109-128. (In Russian)

6. Gurskiy, V. L. (2017) Issledovanie teoreticheskikh osnov novogo kachestva ekonomicheskogo rosta v kontekste perehoda k innovacionnomu razvitiyu Respubliki Belarus i Rossiyskoy Federacii [Гурский, В. Л. The research of the theoretical foundations of a new quality of economic growth in the context of the transition to innovative development of the Republic of Belarus and the

Russian Federation]. *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta*. (2), 53-59. (In Russian)

7. Solodovnikov, S. Yu. (2018) Vzaimosvyaz struktornoj politiki gosudarstva i modernizacii real'nogo sektora ekonomiki [The correlation between the structural policy of the state and the modernization of the real sector of the economy]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (7), 84-94. (In Russian)

8. Sergievich, T. V. (2017) Perspektivy i napravleniya razvitiya proizvodstva tovarov intensivnogo obnovleniya v Respublike Belarus [Perspectives and directions of development of production of goods of intensive renewal in the Republic of Belarus]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. (14), 32-40. (In Russian)

9. Kartashov, N. S. (2018) Model troynoy spirali i vozmozhnosti ee realizacii v Rossii [The triple helix model and the possibilities of its implementation in Russia]. *Uspehi v himii i himicheskoy tehnologii. Tom XXXII*. 99-101. (In Russian)

10. Solodovnikov, S. Yu. (2016) Evraziyskaya ekonomicheskaya integraciya [Eurasian economic integration] *Vesci Nacyyanal'nay akademii navuk Belarusi. Seryya gumanitarnyh navuk*. (3), 121-126. (In Russian)

11. Pahomova, I. Yu. (2012) Model «troynoy spirali» kak mehanizm innovacionnogo razvitiya regiona [The triple helix model as a mechanism of innovative development of the region] *Ekonomika. Informatika. Tom 22. (7-1 (126))*, 50-55. (In Russian)

УДК 338.462:338.45

JEL O14

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-57-64>

РИСКИ СОВРЕМЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ¹

Ю. В. Мелешко

meleshko@bntu.by

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Основываясь на методологическом подходе к трактовке неоиндустриализации как процесса формирования нового хозяйственного уклада, основывающегося на триаде цифрового производства, цифровых услуг и цифровых бизнес-моделей, а также с учетом национальных особенностей цифровой модернизации белорусской экономики в статье выделены и содержательно раскрыты следующие риски современной промышленной политики Республики Беларусь: риск подмены неоиндустриализации формированием инфраструктуры цифровой экономики; риск отстающего развития цифровых услуг и цифровых бизнес-моделей; риск чрезмерной инертности доминирующего хозяйственного уклада; риск чрезмерной неустойчивости доминирующего хозяйственного уклада; риск идеологизации неоиндустриализации; кадровые риски; риск политической нестабильности.

Ключевые слова: промышленная политика, экономическая безопасность, неоиндустриализация, промышленный комплекс, цифровое производство, цифровые услуги, цифровые бизнес-модели, риски.

Цитирование: Мелешко, Ю. В. Риски современной промышленной политики Республики Беларусь в контексте неоиндустриализации / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 57–64. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-57-64>

Введение. Республика Беларусь сегодня имеет развитую информационно-коммуникационную инфраструктуру мирового уровня. По Индексу развития ИКТ наша страна в 2017 г. заняла 32 место в мире, обойдя страны-соседи и партнеров по ЕАЭС (Латвия – 35 место, Литва – 41 место, Российская Федерация – 45 место, Польша – 49 место, Казахстан – 52, Армения – 75, Украина – 79, Кыргызстан – 109)². «Показатели проникновения подвижной широкополосной связи в Беларуси являются одними из самых высоких в регионе СНГ. <...> Беларусь обладает самым высоким уровнем проникновения фиксированной широкополосной связи в регионе»³, – отмечают эксперты Международного союза электросвязи.

Столь значительные успехи в формировании информационно-коммуникационной инфраструктуры стали возможны благодаря активной государственной политике. В частности, за последние десять лет успешно реализованы две государственные программы, курируемые Министерством связи и информатизации Республики Беларусь: Национальная программа ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 годы (была направлена на развитие инфраструктуры широкополосной связи в целях обеспечения максимального охвата населения и внедрения современных электронных услуг) и Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020

¹ Работа выполнена при поддержке БРФФИ (договор с БРФФИ № Г20Р-012 от 04.05.2020 г.).

² Информационное общество в Республике Беларусь: статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 101 с. – С. 95–97

³ Отчет «Измерение информационного общества» за 2018 год. Женева, 2018 г. – Том 2. – 350 с. – С. 31 [Электронный ресурс] // ITU. – Режим доступа: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/MISR_Vol_2_R.pdf/. – Дата доступа: 01.06.2021.

годы (основное внимание в ней уделено дальнейшему улучшению волоконно-оптических сетей, охвата 3G/LTE, спутниковой связи, цифрового телевидения и облачных технологий).

Однако проводимые до настоящего времени мероприятия не акцентировали внимание на цифровизации промышленности, в связи с чем сегодня наблюдается некоторое отставание промышленного сектора (по сравнению с иными секторами экономики) в вопросах цифровизации: на долю добывающей и обрабатывающей промышленности приходится лишь 15,46 % промежуточного спроса на ИКТ-услуги. Несмотря на имеющийся развитый ИКТ-сектор в Республике Беларусь, ориентированный на экспорт (экспорт ИКТ-услуг более чем в два раза превышает внутреннее потребление этих услуг), почти одна треть потребляемых промышленностью ИКТ-услуг – это импортируемые услуги¹.

Результаты и их обсуждение. Анализ состояния промышленного комплекса Республики Беларусь с точки зрения перспектив цифровизации производства, услуг и бизнес-моделей позволил установить, что сегодня наблюдается некоторое отставание белорусского промышленного сектора (по сравнению с иными секторами экономики) в вопросах цифровизации. Ситуация выглядит еще более удручающе, если учесть, что белорусский экспорт ИКТ-услуг более чем в два раза превышает внутренний спрос. Получается, что созданная благодаря активной государственной политике, главным образом за счет государственного финансирования и целого комплекса налоговых преференций, развитая информационно-коммуникационная инфраструктура мирового уровня, охватывающую всю территорию Республики Беларусь, используется преимущественно для формирования экспортных ИКТ-услуг. Не отрицая положительные эффекты от экспорта наукоемких услуг² (валютная выручка, высококвалифицированные рабочие места, развитие и апробирование цифровых технологий, которые в последующем могут быть использованы и внутри страны и т. д.), все же следует признать, что преобладание экспорта ИКТ-услуг над внутренним спросом свидетельствует о недостаточной эффективности использования отечественной цифровой инфраструктуры.

В период с 2011 по 2020 г. одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь выступало развитие цифровой экономики посредством формирования информационно-коммуникационной инфраструктуры, инфраструктуры информатизации и цифровой трансформации таких секторов экономики, как торговля, государственное управление, здравоохранение, образование. В качестве цели принятой в 2021 г. Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы определено «обеспечение внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества»³. При этом средствами достижения поставленной цели вновь избраны преимущественно мероприятия, направленные на развитие инфраструктуры, о чем свидетельствуют подпрограммы: «Информационно-аналитическое и организационно-техническое сопровождение цифрового развития»; «Инфраструктура цифрового развития»; «Цифровое развитие государственного управления»; «Цифровое развитие отраслей экономики»; «Региональное цифровое развитие»; «Информационная безопасность и "цифровое доверие"». Иными словами, до сегодняшнего дня на уровне государственной политики в Республике Беларусь в вопросах цифровизации сохраняется приоритет развития цифровой инфраструктуры, а не цифровизация реального сектора экономики и промышленности в частности (выступающая в рассматриваемой программе как одно из множества мероприятий).

¹ Система таблиц «Затраты-Выпуск» за 2019 год. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_28820/. – Дата доступа: 01.06.2021.

² В соответствии с принятой методологией статистического учета информация и связь, включающие информационные технологии и деятельность в области информационного обслуживания, относится к наукоемким видам экономической деятельности. Источник: Система показателей Республики Беларусь для статистической оценки уровня технологического развития отраслей экономики [Электронный ресурс]. Методология // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/metodologiya/metodiki-po-formirovaniyu-i-raschetu-statistichesk/>. – Дата доступа: 26.08.2021.

³ Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2021 № 66 [Электронный ресурс] // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025-gody>. – Дата доступа: 26.08.2021.

Развитие цифровой инфраструктуры (как физической, так и программной частей) играет крайне важную роль в цифровизации национального промышленного комплекса, поскольку является необходимой базой. В условиях технологической неопределенности и сверхдинамичного развития цифровых технологий возникает объективная необходимость непрерывного обновления цифровой инфраструктуры. С этой позиции действующая сегодня Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы абсолютно оправдана.

Вместе с тем сама по себе цифровая инфраструктура не создает экономические блага, а лишь является необходимым условием в неоиндустриальном укладе для создания реальных экономических благ. Следует учитывать ограниченность практического применения теоретических положений институционализма и признать, что создание цифровой инфраструктуры автоматически не обеспечит цифровизацию экономики. Как было установлено нами ранее, содержанием национальной и региональной промышленной политики в контексте неоиндустриализации является не просто цифровая трансформация, а встраивание цифровой трансформации в стратегии развития национального и региональных промышленных комплексов, промышленных предприятий и предприятий, оказывающих услуги промышленного характера. Сохранение тенденции опережающего развития цифровой инфраструктуры при отставании использования цифровых технологий в белорусском промышленном комплексе порождает риск подмены неоиндустриализации формированием инфраструктуры цифровой экономики. Иными словами, усиление (продолжение) наметившейся тенденции опережающего развития цифровой инфраструктуры автоматически не обеспечит модернизацию промышленного комплекса и формирование неоиндустриального уклада (модели хозяйствования, основанной на высокотехнологичном и наукоемком промышленном производстве), что для Республики Беларусь как страны с индустриальным ядром является первостепенной задачей.

В упомянутой выше Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы определены следующие инструменты цифровизации промышленного производства: «создание "цифровых двойников" технологических и бизнес-процессов, выпускаемой (планируемой к производству) продукции; внедрение платформенных решений для управления производством, активами предприятий, обеспечения накопления и обработки данных в режиме реального времени, использования систем поддержки принятия решений, инструментов предсказательной и отчетной аналитики; развитие современных инструментов работы с заказчиками и поставщиками, каналов продвижения продукции и взаимодействия с клиентами»¹. Реализация указанных мероприятий, безусловно, будет способствовать цифровизации производства, однако, как было установлено нами ранее, модернизация промышленного комплекса в контексте неоиндустриализации включает в себя не только цифровизацию производства, но и цифровизацию услуг, а, в свою очередь, «развитие цифрового производства и цифровых услуг влечет цифровизацию бизнес-моделей» [1, с. 361]. Несмотря на то, что генетически цифровизация производства является первичной (по отношению к услугам и бизнес-моделям), вместе с тем все три составляющие неотделимы друг от друга. Цифровые услуги активно влияют на цифровое производство, предоставляя ему новые возможности и инструменты, а цифровое производство, в свою очередь, предъявляет новые требования к цифровым услугам, вынуждая последние быстро эволюционировать. Цифровое производство и цифровые услуги, институционализируясь в цифровых бизнес-моделях, постоянно предъявляют к последним все новые требования, а эти модели, предоставляя первым новые возможности и инструменты, в свою очередь, ускоряют и трансформируют информационное производство и услуги. Намечившийся риск отставания цифровизации услуг и бизнес-моделей может привести к замедлению темпов модернизации белорусского промышленного комплекса.

Модернизация промышленного комплекса в контексте неоиндустриализации представляет собой постоянный процесс совершенствования как технологий производства, так и организации труда и институционального обеспечения. Ранее нами было установлено, что в современных условиях особенности модернизации промышленных комплексов стран с различными технико-экономическими укладами будут заключаться в том, насколько господствующий в данном социуме уклад соответствует глобальным технологическим тенденциям [2]. При этом

¹ Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2021 № 66 [Электронный ресурс] // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025-godyu> – Дата доступа: 26.08.2021.

вариативность влияния хозяйственного уклада на модернизацию промышленного комплекса велика и носит субъективный характер; в ряде случаев инертность или, напротив, чрезмерная неустойчивость сосуществующих хозяйственных укладов может значительно затруднить модернизацию национальной промышленности. В качестве одной из причин падения объемов промышленного производства в период постсоветских реформ в Монголии 1990–1994 гг. А. Даваасурэн называет «создавшееся в обществе мнение о том, что все оборудование и технологии не отвечают рыночным требованиям, что необходимо все менять и быстро устанавливать новое оборудование» [3]. Огульный отказ от существующей производственной практики, как и категорическое непринятие новых способов производства, в одинаковой степени «парализуют» процесс модернизации: в первом случае – лишая ее необходимых ресурсов (временных, материальных, финансовых, человеческих, научных), во втором – отрицая ее как таковую.

По словам С. Ю. Солодовникова, «экономика, как правило, была и остается многоукладной» [4, с. 14], а в период модернизации многоукладность только возрастает. В этой связи следует выделить еще два рода рисков модернизации белорусского промышленного комплекса в контексте неоиндустриализации, являющихся диалектически едиными: риск чрезмерной инертности и риск чрезмерной неустойчивости доминирующего хозяйственного уклада. Возникновение этих рисков предопределено столкновением технико-технологической составляющей модернизации с социальным, культурным, идеологическим и политическим национальным контекстом. «Нельзя эффективно хозяйствовать и при этом считать, что эта модель хозяйствования неправильная. Если вы воспринимаете какую-то систему как неверную, несправедливую, то это государство разрушается, а на его месте появляется другое государство и там уже формируется принятие большинством населения этой новой хозяйственной системы» [5, с. 88], – пишет С. Ю. Солодовников.

Еще одним риском социокультурного спектра является риск идеологизации неоиндустриализации. Во-первых, принятое решение о модернизации промышленности и переходе к неиндустриальному укладу еще не означает успешное его осуществление (хотя следует заметить, что без целенаправленных скоординированных действий такой переход вообще невозможен как на микро-, так и макроуровне). Во-вторых, закрепление за неоиндустриальным укладом доминирующего положения также автоматически не гарантирует стабильное развитие экономики: 1) из-за внешних шоков – экономических кризисов, войн, конкурентной борьбы, 2) поскольку влечет ряд других проблем – трансформацию трудовых отношений, обеспечение кибербезопасности и т. д. С. А. Афонцев справедливо отмечает, что «цифровизация однобокой и диспропорциональной экономики может усугубить системные проблемы ее развития» [6, с. 175]. Причины возникновения риска идеологизации неоиндустриализации кроются в низкой степени научного осмысления данного феномена. Вполне закономерно, что научное познание нового явления – в частности, цифровизации и неоиндустриализации – отстает от развития его реально-онтологических форм. В то же время на практике неоиндустриализация получает все более широкий размах, а большинство дискуссий о проблемах модернизации промышленных комплексов сосредоточены в кругах государственных и коммерческих управленцев и преследуют цель найти сиюминутные решения. Недостаточность научной проработки феномена цифровизации отмечает и Ю. Шевцов: «Перечисленные обстоятельства выдвигают на повестку дня извечную проблему отставания теории от практики. Последняя накопила в своем багаже множество фактов "встраивания" современных информационно-компьютерных технологий в ведущие сегменты поля хозяйственной деятельности социума и может похвастаться весомыми достижениями в области укрепления в нем позиций искусственного интеллекта. Однако осмысление новых реалий осуществляется чрезвычайно медленно в силу того, что творческие усилия ученых сосредоточены на констатации партикулярных закономерностей, складывающихся в недрах цифровой экономики, но не направлены на их обобщение» [7, с. 7].

Практика цифровизации показала, что в качестве одного из наиболее существенных рисков цифровой трансформации на микроуровне выступает нехватка кадров с необходимыми компетенциями. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы предусматривает мероприятия, направленные на «обеспечение доступности образования, основанного на применении современных информационных технологий как для повышения качества образовательного процесса, так и для подготовки граждан к жизни и работе в услови-

ях цифровой экономики»¹. Вместе с тем при анализе предлагаемых конкретных инструментов («развитие и создание новых интерактивных образовательных информационных ресурсов», «формирование единого информационного пространства», внедрение различных цифровых сервисов, в том числе сервисов «с использованием данных, формирующихся в системе образования»²) становится очевидным, что они направлены, в первую очередь, на «дальнейшее совершенствование технологической и информационно-коммуникационной инфраструктуры учреждений образования». В то же время задача «подготовки граждан к жизни и работе в условиях цифровой экономики» остается не охваченной. Сегодня количество кадров (и в первую очередь менеджеров) в белорусской промышленности, способных работать в новом – неоиндустриальном – укладе, далека от критической массы: их недостаточно. Т. В. Сергиевич на примере современной легкой промышленности указывает на кадровые проблемы в Беларуси: «Долговременное сохранение низкого уровня заработной платы обусловило снижение качества человеческого капитала занятых в легкой промышленности, которое влечет за собой не только очевидно негативные последствия (падение производительности труда, потерю инновационного потенциала предприятий и др.), но и снижение накопленного социального капитала. Это выступает одним из главных (наряду с инновационным и креативным) ограничителем модернизации отрасли и достижения средневропейского уровня производительности труда, в то время как расширенное воспроизводство человеческого капитала является условием необходимой модернизации» [8, с. 108].

На сегодняшний день проблемы образования не учитываются промышленной политикой в должной мере, в то же время развитие необходимых для неоиндустриализации компетенций требует глубокой структурной перестройки системы подготовки кадров. Как было отмечено ранее, «по мере становления Индустрии 4.0, предполагающей автоматизацию большого количества физического и интеллектуального рутинного труда, возрастает потребность в постоянном повышении уровня образования и квалификации работника при универсализации его знаний. Необходимо продолжить развитие белорусской системы высшего образования путем открытия новых и актуализации имеющихся специальностей. <...> При этом нельзя допустить деградацию высшего образования в части изучения дисциплин по фундаментальным научным направлениям (философия, политэкономия, математика, физика и т. д.)» [9, с. 71].

Уже не раз нами отмечалось важность государственного управления в неоиндустриализации. Этот тезис подтверждает опыт Германии – лидера в развитии Индустрии 4.0: «Высказывая убежденность в том, что для достижения стратегической цели завоевания лидирующих позиций на международном рынке промышленных технологий необходимо государственное вмешательство (активизирующая, стимулирующая и протекционистская промышленная политика, направленная на поддержание инновационности и конкурентоспособности страны) и крупные промышленные предприятия (способные разрабатывать и внедрять технологии Индустрии 4.0), П. Альтмайер инициировал активную дискуссию в научных и политических кругах Европы и Германии в частности» [10, с. 89–90]. Не сумев преодолеть главную на данный момент проблему становления Индустрии 4.0 – принятия единых технических стандартов – «в состав руководства Платформы Индустрия 4.0, изначально сформированной тремя промышленными ассоциациями Германии, были включены представители Федерального министерства экономики и энергетики, Федерального министерства образования и научных исследований, Канцелярии федерального канцлера и федеральных земель» [10, с. 86].

Е. Рожков описывает практику цифровизации в России следующим образом: «В нашей стране большинство крупных компаний, которые могут позволить себе развивать и внедрять цифровизацию, это предприятия, относящиеся к таким сферам экономики, как добыча полезных ископаемых, нефтегазодобыча и т. д. <...>. В большей мере государство берет на себя ответственность

¹ Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2021 № 66 [Электронный ресурс] // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025-gody>. – Дата доступа: 26.08.2021.

² Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2021 № 66 [Электронный ресурс] // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025-gody>. – Дата доступа: 26.08.2021.

за внедрение процессов цифровизации муниципальных образований (стандарт "Умный город" предложен Минстроем России для городов численностью более 100 тыс. человек)» [11].

В эпоху экономики рисков [12] и технологических революций государство становится крупнейшим хозяйствующим субъектом, представляющим интересы общества, поскольку: во-первых, обладает возможностью аккумулировать ресурсы для создания и испытания новых технологий, во-вторых, берет на себя риски коммерциализации новых технологий, соответствующих общественным интересам, в-третьих, берет на себя риски фундаментальных исследований, в-пятых, берет на себя проблемы, которые не могут быть решены в рамках коммерческих отношений – безопасность, стандартизация, правовое обеспечение.

Модернизация промышленного комплекса и переход к неоиндустриальному укладу – долговременный и непрерывный процесс, который невозможно обеспечить в условиях политических переворотов, неизменно влекущих за собой разрушение институтов хозяйствования. Политическая катастрофа Украины привела к более чем двукратному падению (в натуральном выражении) добавленной стоимости, создаваемой промышленностью (включая строительство): в 2012 г. – 43,1 млрд долл. США, в 2015 г. – 19,7 млрд долл. США¹. В условиях мировой технологической гонки промедление даже на относительно небольшой промежуток времени отбросит нашу страну на периферию экономических отношений, после чего восстановиться будет практически невозможно. Учитывая глобальную геополитическую нестабильность и уже предпринятые попытки (к счастью, не увенчавшиеся успехом) «цветной» революции в Беларуси, в качестве риска модернизации промышленного комплекса в контексте неоиндустриализации следует выделить также риск политической нестабильности.

Выводы. Таким образом, несмотря на значительные успехи в развитии информационно-коммуникационной инфраструктуры белорусский промышленный комплекс в сравнении с иными секторами экономики отстает по уровню цифровизации. Одной из причин наметившего отставания промышленного комплекса является проводимая экономическая политика в области цифровизации, направленная, в первую очередь, на развитие цифровой инфраструктуры, а не цифровизацию реального сектора экономики. В качестве рисков современной промышленной политики Республики Беларусь в контексте неоиндустриализации следует выделить следующие: риск подмены неоиндустриализации формированием инфраструктуры цифровой экономики; риск отставания цифровизации услуг и бизнес-моделей; риск чрезмерной инертности доминирующего хозяйственного уклада; риск чрезмерной неустойчивости доминирующего хозяйственного уклада; риск идеологизации неоиндустриализации; кадровые риски; риск политической нестабильности.

Список использованных источников

1. Мелешко, Ю. В. Новая индустриализация и тенденции модернизации белорусской промышленности / Ю. В. Мелешко // Наука и техника. – 2021. – Том 20, № 4. – С. 357–364. <https://doi.org/10.21122/2227-1031-2021-20-4-357-364>
2. Мелешко, Ю. В. Особенности модернизации промышленных комплексов стран с различными технико-экономическими укладами в современных условиях / Ю. В. Мелешко // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Материалы Третьей международной научно-практической конференции в рамках Общественно-научного форума «Здравствуй, Россия!». Москва, 14–15 октября 2020 г.; Отв. редактор В. И. Герасимов. – Москва, 2020. – Том. Выпуск 3. – Часть 2. – 934 с. – С. 707–710.
3. Даваасурэн, Д. Этапы развития промышленности Монголии / Д. Даваасурэн // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 4 (90). – С. 84–87.
4. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования взаимосвязи теории трудовой мотивации и динамики трудовых отношений / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 5. – С. 12–16.
5. Солодовников, С. Ю. Влияние изучения иностранного языка на национальную модель хозяйствования и национальную безопасность / С. Ю. Солодовников // Техно-технологические проблемы сервиса. – 2020. – № 3 (53). – С. 84–89.

¹ Industry (including construction), value added (current US\$) – Ukraine. World Bank [Electronic resource]. Available from: https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.CD?end=2020&locations=UA&name_desc=false&start=2007. (Accessed August 26, 2021).

6. Белова, Л. Г. Индустрия 4.0: возможности и вызовы для мировой экономики / Л. Г. Белова, О. М. Вихорева, С. Б. Карловская // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2018. – № 3. – С. 167–183.
7. Шевцов, Ю. Теория цифровой экономики / Ю. Шевцов // Общество и экономика. – 2021. – № 7. – С. 6–15.
8. Сергиевич, Т. В. Социально-экономические факторы, определяющие развитие белорусской легкой промышленности / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 10. – С. 106–116. DOI:10.21122/2309-6667-2019-10-106-116
9. Мелешко, Ю. В. Цифровизация бизнес-моделей предприятий белорусского промышленного комплекса: направления, риски и инструменты / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 13. – С. 61–70. DOI:10.21122/2309-6667-2021-13-61-70
10. Мелешко, Ю. В. Индустрия 4.0 как инструмент достижения технологического лидерства Германии: эволюция подходов к реализации / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 10. – С. 79–93. DOI:10.21122/2309-6667-2019-10-79-93
11. Рожков, Е. Перспективы цифровизации в России / Е. Рожков // Общество и экономика. – 2021. – № 7. – С. 17–27.
12. Солодовников, С. Ю. Современная экономика-экономика рисков / С. Ю. Солодовников // Друкерровский вестник. – 2019. – № 5. – С. 43–56. DOI:10.17213/2312-6469-2019-5-43-56

Статья поступила в редакцию 4 октября 2021 года

RISKS OF THE MODERN INDUSTRIAL POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONTEXT OF NEO-INDUSTRIALIZATION

Yu.V. Mialeshka

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department “Economics and Law”
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

Based on the methodological approach to the interpretation of neo-industrialization as a process of forming a new economic order based on the triad of digital production, digital services and digital business models, as well as taking into account the national features of the digital modernization of the Belarusian economy, the article highlights and substantively discloses the following risks modern industrial policy of the Republic of Belarus: the risk of replacing neo-industrialization with the formation of the infrastructure of the digital economy; the risk of lagging development of digital services and digital business models; the risk of excessive inertia of the dominant economic structure; the risk of excessive instability of the dominant economic structure; the risk of ideologizing neo-industrialization; personnel risks; the risk of political instability.

Keywords: industrial policy, economic security, neo-industrialization, industrial complex, digital production, digital services, digital business models, risks.

References

1. Mialeshka, Yu. V. (2021) Novaja industrializacija i tendencii modernizacii belorusskoj promyshlennosti [New Industrialization and Trends in Modernization of Belarusian Industry]. *Science and Technique*. 20 (4), 357-364. <https://doi.org/10.21122/2227-1031-2021-20-4-357-364> (In Russian).
2. Mialeshka, Yu. V. (2020) Osobennosti modernizacii promyshlennyh kompleksov stran s razlichnymi tehniko-jekonomicheskimi ukladami v sovremennyh uslovijah [Features of modernization of industrial complexes of countries with different technical and economic structures in modern conditions] / Yu.V. Meleshko // *Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook*. Materials of the Third International Scientific and Practical Conference in the framework of the Public Scientific Forum "Hello, Russia!" Moscow, October 14–15, 2020; Resp. editor V.I. Gerasimov. Moscow, 2020. Vol. Iss. 3. Part 2. 934 p. pp. 707-710. (In Russian).

3. Davaasuren, A. (2013) Jetapy razvitija promyshlennosti Mongolii [The stages of industry's development of Mongolia]. *Bulletin of the Irkutsk State Economic Academy*. 4 (90), 84-87. (In Russian).
4. Solodovnikov, S., Serhiyevich, T. (2016) Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya vzaimosvjazi teorii trudovoj motivacii i dinamiki trudovyh otnoshenij [Theoretical and methodological basics of the research of the correlation of the labor motivation theory and the dynamic of labor relations]. *Bulletin of Polotsk State University. Series d. Economic and Legal Sciences*. (5), 12-16. (In Russian).
5. Solodovnikov, S. (2020) Vlijanie izuchenija inostrannogo jazyka na nacional'nuju model' hozjajstvovaniya i nacio-nal'nuju bezopasnost' [The impact of learning a foreign language on the national economic model and national security]. *Technical and technological problems of the service*. 3 (53), 84-89. (In Russian).
6. Belova, L. G., Vihoreva, O. M., Karlovskaja, S. B. (2018) Industrija 4.0: vozmozhnosti i vyzovy dlja mirovoj jekonomiki [Industry 4.0: opportunities and challenges for the world economy]. *Moscow University Bulletin. Series 6. Economy*. (3), 167-183. (In Russian).
7. Shevcov, Ju. (2021) Teorija cifrovoj jekonomiki [Theory of digital economy]. *Society and economy*. (7), 6-15. (In Russian).
8. Serhiyevich, T. (2019) Social'no-jekonomicheskie faktory, opredelajushhie razvitie belorusskoj legkoj promyshlennosti [Socio-economic factors determining the development of the Belarusian light industry]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (10), 106-116. DOI:10.21122/2309-6667-2019-10-106-116 (In Russian).
9. Mialeshka, Yu. V. (2021) Cifrovizacija biznes-modelej predpriyatij belorusskogo promyshlennogo kompleksa: napravlenija, riski i instrumenty [Business models digitalization of enterprises Belarusian industrial complex: directions, risks and tools]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (13), 61-70. DOI:10.21122/2309-6667-2021-13-61-70 (In Russian).
10. Mialeshka, Yu. V. (2019) Industrija 4.0 kak instrument dostizhenija tehnologicheskogo liderstva Germanii: jevoljucija podhodov k realizacii [Industry 4.0 as a Germany's technological leadership conquest tool: evolution of approaches to implementation]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (10), 79-93. DOI:10.21122/2309-6667-2019-10-79-93 (In Russian).
11. Rozhkov, E. (2021) Perspektivy cifrovizacii v Rossii [Prospects for digitalization in Russia] *Society and economy*. (7), 17-27. (In Russian).
12. Solodovnikov, S. (2019) Sovremennaja jekonomika-jekonomika riskov [Current economy – risk economy]. *Drukerovskij vestnik*. (5), 43-56. DOI:10.17213/2312-6469-2019-5-43-56 (In Russian).

УДК 338.465.4
JEL I23, D81, O14
<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-65-70>

A STUDY ON RISK RESPONSE TO PANDEMIC-CAUSED SERVICE PROCESS DISRUPTION IN HIGHER EDUCATION

A. V. Matskevich

e.matskevich@hotmail.com

Senior lecturer at the Department “Business Administration”

School of business of BSU

Minsk, Republic of Belarus

More than 300 million students worldwide are having their education disrupted by the spread of Coronavirus. As a result, traditional education has been urged to change study approaches quickly and dramatically, with the distinctive rise of online learning. When facing the risk of service process disruption, the main goal of HEI's is to respond in a way to provide “service as usual”. Despite of a risk commonality, the strategic paths each school has chosen, the critical incidents it went through in a process, and the insights into the future of traditional education differ from school to school. The choice of the initial emergency responses is being researched in regards to business resilience plans.

Keywords: HEI, online-learning, risk response, risk appetite, business resilience, risk management, process disruption.

Цитирование: Matskevich, A. V. A study on risk response to pandemic-caused service process disruption in higher education / A. V. Matskevich // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 65–70. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-65-70>

Introduction. «Enterprise risk management is a process, effected by an entity's board of directors, management and other personnel, applied in strategy setting and across the enterprise, designed to identify potential events that may affect the entity, and manage risk to be within its risk appetite, to provide reasonable assurance regarding the achievement of entity objectives»¹.

«In 2003 the National Association of College and University Business Officers (NACUBO) released a report on risk management in higher education that encouraged HEI's to develop, implement and enhance their risk management programs» [1, p. 4].

Risks in HEI result from two types of sources: an internal cause (within the organization) or an external cause (outside the organization).

Thus, «in higher education risks are assigned to the following three domains:

- a. HEI as a microcosm of society (events related to social safety and security)
- b. HEI as an organization (events impacting organizational safety and security)
- c. HEI as a custodian of knowledge (events impacting the security of knowledge)» [2, p. 144].

Classified by the impact, risks may be of an internal or an external impact. In the case of an internal impact the HEI is the primary owner of the risk. In the case of an external impact managing risk will require consultation with external stakeholders such as, for instance, the authorities. Both types all risk might fall under «pure, speculative or uncertainty types of risk» [3].

In this article, «risk is defined as the likelihood of the event of educational process disruption occurring and the associated impact of the event. Likelihood refers to the probability or potential of the event occurring. Impact refers to process disruption consequences including financial, infrastructural, marketplace and reputational impacts. Risk assessment is a systematic process for gathering, assessing and documenting information to assign a level of risk»². Risk assessment aims to determine the likelihood and impact of events so that action can be taken to manage and reduce the negative con-

¹ Enterprise Risk Management – Integrated Framework, Executive Summary. [Electronic resource] // Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission. – Mode of access: www.coso.org/documents/COSO_ERM_ExecutiveSummary.pdf. – Date of access: 05.09.2021.

² Rapid risk assessment of acute public health events. [Electronic resource] // World Health Organization. – Mode of access: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/70810/1/WHO_HSE_GAR_ARO_2012.1_eng.pdf. – Date of access: 19.09.2021.

sequences. The process involves assessment of three components: the hazard, the possible exposure(s) to the hazard, and the context in which the event is occurring. In case with pandemic, the hazard can be identified as virus spread, to which staff and students are being exposed, causing educational process disruption. Context assessment will be different for each organization as it involves evaluation of the environment in which the event takes place with factors of internal and external environment considered. Each organization pursues various strategic value-adding objectives. An organization must consider its risk appetite and risk capacity when choosing their strategy and deciding upon operational tactics. Risk appetite is the amount of risk, on a broad level, an organization is willing to accept in pursuit of value. Risk capacity is the ability to take this risk, both financially and infrastructurally.

The risk assessment process helps identify the most significant risks based on the probability of occurrence and the severity of the impact. The next step in risk management process suggests «the selection of risk response strategy (avoid, transfer, accept, mitigate) and the introduction of loss prevention measures for the risks that can be treated or mitigated» [3]. When there is little ability to control a risk caused by external forces, the focus shifts to the potential impacts of the risk event and what could be done to respond. The choice of a risk response strategy depends on organization's risk appetite and risk capacity.

When talking about risks to HEI process disruption caused by global pandemic of COVID-19, the risk has an external cause, falls under all three of the above-mentioned domains, appears to be both pure and uncertainty risk, is an operational risk to a process (causing process disruption), and has both external and internal impacts. «The multifaceted nature of the event and the magnitude of the impact allow to identify the situation HEI's found themselves in after the announcement of the global pandemic, as a significant risk or a crisis»¹. As mentioned above, HEI as an organization is at loss exposure to the same risks as every organization is. However, in the educational sector, some of them may have a direct impact on the continuity of education and research. Thus, the primary objective of risk management function in HEI is to identify possible significant risks and come up with risk response strategies that will allow for business as usual. In the event of a crisis, a Business Continuity Plan provides guidelines for continuing primary, essential and or critical functions, embedded into a framework and approach for a most effective response to an emergent event. Moreover, BCP suggest a strategy to business resilience and return to «business as usual».

As reported by Pearson, currently «more than 300 million students worldwide are having their education disrupted by the spread of Coronavirus»². The COVID-19 pandemic has disrupted every aspect of university life and both staff and students have had to show tremendous resilience. When first facing this risk, the main goal of HEI was to find new ways that will allow them providing service as usual. Traditional education faced an urgent need to change their study approaches quickly and dramatically, giving the rise to online learning.

According to the latest report on the World Economic Forum, «online learning has been shown to increase retention of information, and take less time, meaning the changes coronavirus have caused might be here to stay»³. In HE sector institutions are often quite risk averse in their strategic objectives and thus, too slow to experiment with new learning approaches, such as, for instance, online learning, or other applications of ICT to learning process. However, significant shifts in science and business occur when unexpected events force widespread implementation of an innovative idea. Right now, the Coronavirus pandemic is forcing global experimentation with remote teaching and learning. If distant learning proves to be a success, it will transform traditional education for good.

«All industries are experiencing change and ongoing challenges since the announcement of the COVID-19 pandemic, but the higher education sector is among those that have experienced most sig-

¹ Managing risk in higher education: Higher education sector risk profile 2021. [Electronic resource] // PwC Risk. – Mode of access: <https://www.pwc.co.uk/government-public-sector/education/documents/higher-education-sector-risk-profile-2021.pdf> - Date of access: 18.09.2021.

² Continuing education during uncertainty. [Electronic resource] // Pearson education. – Mode of access: <https://www.pearson.com/news-and-research/working-learning-online-during-pandemic.html>. – Date of access: 05.09.2021.

³ The COVID-19 pandemic has changed education forever. This is how. [Electronic resource] // World Economic Forum. – Mode of access: <https://www.weforum.org/agenda/2020/04/coronavirus-education-global-covid19-online-digital-learning/>. – Date of access: 20.09.2021.

nificant business disruption»¹. In March 2020, universities switched their mode of teaching to distant learning in a matter of days with inevitable impact on both infrastructure and student experience, from closed campuses, students leaving dormitories and returning home, and teaching being moved online. Higher education sector has been gradually moving toward distance learning for years, but COVID-19 has made them go for it overnight. On one hand, HEI's should appreciate the challenge. On the other, any significant risk materializing and causing process disruption is a crisis for an organization.

The fundamental strategic objectives of higher education institutions are still the same: teaching students, preserving academic integrity, complying with state regulations, and achieving financial goals. For most HEI's what has changed is the operational process – from traditional in-class teaching to full-on distant learning. However, not every university adopted the same risk response strategy. Differences arise when looking into approaches not only in different countries, but also among the HEI's in the same country.

Among the reasons behind that are introduction of a lockdown in some countries, but not in the other, technological advances, staff preparedness and BCP approaches. For instance, traditional universities were not as quick to adopt online learning as their OER competitors. However, «traditional or innovative, educational establishments around the world seemed to be quite successful in their responses to a crisis of a global pandemic. Now society is examining the shift to virtual learning resulting from COVID-19, and what the long-term effect of that might be on the higher education sector and wonder whether the return to traditional on-campus classrooms and lectures is necessary»².

Faced with unprecedented challenges in response to the COVID-19 pandemic, Higher Education Institutions (HEIs) adapted quickly and proactively with an unprecedented level of agility. And the main tool that helped HEI's respond to the pandemic rather successfully was them implementing their business continuity management plans.

When responding to educational process disruption caused by global pandemic, HEI's adopted one or more of the following risk response strategies: a) accept: no changes introduced; b) tolerate: introduce safety measures such as wearing masks, checking students and staff for fever; c) transfer: partnerships, insurance; d) mitigate: online learning, blended learning, collaborations.

As both the changes and the pace of them are unprecedented, and uncertainty regarding the future still represents a risk, permanent monitoring of the effectiveness of responses among HEI's is required to allow for development of the most viable business model for business continuity planning.

Results and its discussion. Global pandemic caused disruption in traditional service provision in HEI's worldwide, which led many to pursue different risk response strategies.

The aim of this research is to investigate the risk response strategies different HE's have adopted as their emergency response to pandemic, the advantages and disadvantages of a strategy of choice, and the further plans on business continuity plan for business recovery in case global pandemic persists.

Three hypotheses have been developed:

1. HEI's under the same external environment conditions adopted different approaches to respond to service process disruption caused by global pandemic.
2. Online learning is here to stay, but the approaches to how much of it will be embedded into educational programs differ depending on risk appetite of each particular HEI.
3. Despite the abruptness of the event, and HEI's unpreparedness in response, staff experience with new mode of teaching is overall positive.

The conceptual model has been developed to test the hypothesis (see figure):

¹ Kelly, M. (2020) Lessons on COVID-19 risk management in higher education. [Electronic resource] // Galvanize. – Mode of access: <https://www.wegalvanize.com/risk/higher-education-covid-19/>. – Date of access: 19.09.2021.

² Govindarajan, V., Srivastava, A. (2020). What the Shift to Virtual Learning Could Mean for the Future of Higher Ed. [Electronic resource] // Harvard Business Review. – Mode of access: <https://hbr.org/2020/03/what-the-shift-to-virtual-learning-could-mean-for-the-future-of-higher-ed>. – Date of access: 11.09.2021.

Conceptual model

Source: author's own elaboration

From the conceptual model the following research questions have been identified:

1. What are the risk response strategies to educational process disruption among HEI's in CIS countries?
2. What are the advantages and disadvantages of each strategy of choice?
3. Would academic staff be willing to continue with the current strategy, why/why not?

The purpose of the research was to identify common themes and good practice between HEI's, the lessons learned and positive changes that were caused by the response to a risk event, and reveal whether these benefits will be locked for sustainable longer term change, as the sector is facing ongoing financial and operational challenges. Considering that the situation with global pandemic continues to evolve, particularly regarding national lockdown measures and other restrictions, going forward, HEI's will need to ensure that the risks are managed effectively despite of continuing uncertainty and instability.

The research framework for the risk survey conducted is presented in a form of a conceptual model. The risk survey, developed based on a model, used a structured questionnaire.

The objective of the survey was to reflect on both the opportunities and challenges that COVID-19 has presented a HEI with, identify the main risk response strategy HEI's have decided to adopt, reveal advantages and disadvantages of the choice made from the point of view of academic staff, and collect the expectations of future modes of operation.

The respondents were selected randomly among the academic staff from traditional universities in Belarus, Russia, Ukraine, and Georgia. The questionnaire was distributed by mail in a form of a Word document, along with a link to an online form.

After the first stage in new strategy implementation in response to the risk of service process disruption has past, now is the time to evaluate the first results. One of the most frequently asked questions is whether the adoption of online learning will continue to persist post-pandemic, to which extent, and what will be the best solution on incorporating the newly-acquired online-learning experience into traditional ways for different types of schools when "things go back to normal".

According to survey results, 64 % of HEI's gave up on its original educational strategy to implement a new one at the time of COVID-19 pandemic.

Among those 78,6 % implemented blended learning as their risk response strategy as a mitigation of adverse effect of COVID-19 pandemic, and 21,4 % implemented full online learning. However, 21,4 % still believe that accepting the risk and not trying to manage it would have no impact on academic process. At the same time, more than half of the participants believe that the response was timely and appropriate.

The respondents reported that implemented response strategies allowed for prevention in virus spread, increased computer literacy for both staff and students, as well as provided students with opportunity for self-study and prevented disruption to educational process. However, among the disadvantages of online/blended learning they mentioned lack of communication among teachers and students, boredom, lack of technology to support workshops, lack of staff preparedness to teaching remotely, pitfalls in process organization. It's interesting to note, that only 35,7 % of the respondents reported that their HEI was prepared for the challenge, whereas 21,4 % believe that it was not, and 42,9 % are not sure about it. The later makes one think that whatever BCP was implemented, it was not communicated to the staff.

Only 42,9 % of the participants noted that their HEI is still following first response strategy, but 70 % of them still consider the level of risk of educational process disruption to be significant. It is important to emphasize, that based on survey results over half of the respondents would prefer if their HEI goes “back to normal (traditional)” mode of teaching after the pandemic is over, and then 35,7 % are still not sure about their preferences. The main reason behind it are issues with organization of the distant learning process, such as difficulties with scheduling, the need for students’ physical presence for some of the classes, need for control over learning results. However, if the HEI decides to never return to old ways, 90 % said they’d prefer blended learning as their permanent mode of teaching. Among the reasons behind them not willing to work fully remotely are lack of communication between teachers and students, lack of control over learning process, difficulties with performing group activities remotely.

Conclusion. Despite of relative effectiveness of first response strategies, HEI’s still need to consider their approaches to manage the prolonged impact of the COVID-19 pandemic situation as it is still unfolding. The HEI’s need to continue to reflect on lessons learnt from their first risk response to the pandemic and ensure continuous improvement of their BCM capability by conducting interviews and group discussions with both academic staff and students, as their perceptions of the effectiveness of the implemented measures to mitigate the risk might differ. If making a decision to change the strategy, the HEI needs to take into account the benefits derived from the experience and embed them into organization long-term. If the HEI decides to continue with online/blended learning post-pandemic, the disadvantages should be taken into consideration, with lack of communication being one of the most significant, and need for more advanced technology introduced being the second most quoted.

References

1. Cassidy, D. et. al (2003) Developing a Strategy to Manage Enterprisewide Risk in Higher Education. *NACUBO*, 4-7.
2. Helsloot, I., Jong, W. (2006) Risk Management in Higher Education and Research in the Netherlands. *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 14(3), 142-159.
3. Hillson, D. (2001) Effective strategies for exploiting opportunities. *Paper presented at Project Management Institute Annual Seminars & Symposium*, Nashville, TN. Newtown Square, PA: Project Management Institute.

Статья поступила в редакцию 7 октября 2021 года

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕАКЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА РИСК НАРУШЕНИЯ ПРОЦЕССА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УСЛУГИ В СВЯЗИ С ПАНДЕМИЕЙ

Е. В. Мацкевич

Старший преподаватель кафедры «Бизнес-администрирование»
Институт бизнеса БГУ
г. Минск, Республика Беларусь

В мире более 300 миллионов студентов пострадали из-за нарушения учебного процесса в связи с распространением Ковид-19. В результате традиционное высшее образование вынуждено было срочно менять подходы к процессу обучения, зачастую отдав предпочтение онлайн-образованию. Столкнувшись с риском нарушения процесса оказания услуг, основной целью ВУЗов стал выбор наиболее эффективной стратегии реакции на риск, которая позволила бы предоставлять «услугу, как обычно». Несмотря на общность риска, каждый вуз выбирал свою собственную стратегию реагирования. В результате критические инциденты, произошедшие впоследствии этого выбора, и представления о будущем традиционного образования для каждого вуза свои. В статье исследуются варианты мер реагирования на риск и их взаимосвязь с обеспечением устойчивости процесса предоставления услуг в высшем образовании.

Ключевые слова: учреждения высшего образования, онлайн обучение, реакция на риск, аппетит к риску, устойчивость бизнеса, управление рисками, сбой процесса.

Список использованных источников

1. Cassidy, D. et. al. Developing a Strategy to Manage Enterprisewide Risk in Higher Education / D. Cassidy et al. // NACUBO. – 2003. – P. 4–7.
2. Helsloot, I. Risk Management in Higher Education and Research in the Netherlands / I. Helsloot, W. Jong // Journal of Contingencies and Crisis Management. – 2006. – Vol. 14, № 3. – P. 142–159.
3. Hillson, D. Effective strategies for exploiting opportunities / D. Hillson // Paper presented at Project Management Institute Annual Seminars & Symposium, Nashville, TN. Newtown Square, PA: Project Management Institute. – 2001.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 338.242

JEL F15

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-71-80>**ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН – УЧАСТНИЦ СНГ В НОВЫХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ****В. Л. Гурский**

vhurski@yandex.ru

доктор экономических наук, доцент, директор

ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси»

г. Минск, Республика Беларусь

В статье раскрыты актуальные вопросы и перспективные направления развития экономической интеграции стран – участниц СНГ; дана характеристика современным процессам и динамике развития внешнеэкономических отношений между странами – участницами СНГ и КНР; обоснована необходимость углубления интеграционных отношений между странами на принципах равноуровневой и разноразностной интеграции, на основе формирования общих цепочек добавленной стоимости; сформулированы предложения, направленные на снижение риска неопределенности в рамках межгосударственного взаимодействия, развитие устойчивых взаимосвязей между субъектами интеграционного объединения и повышение на этой основе целостности и внутренней устойчивости структуры экономик стран – участниц СНГ.

Ключевые слова: международные интеграционные объединения, экономическая интеграция, национальные интересы, белорусская экономическая модель.

Цитирование: Гурский, В. Л. Перспективы экономической интеграции стран – участниц СНГ в новых геоэкономических условиях / В. Л. Гурский // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 71–80. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-71-80>

Введение. Под влиянием стремительно меняющихся условий в мировом масштабе – от глобального изменения климата, структуры потребностей и модели поведения людей – изменяются технологический уклад, геополитический и геоэкономический расклад сил на мировой арене. При этом последние выступают и как исходные условия, и как задачи дальнейшего экономического развития государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) и самого интеграционного объединения в целом.

В 2021 г. Беларусь председательствует в СНГ, и в соответствии с концепцией председательства Республики Беларусь в СНГ в 2021 г. особое внимание уделяется таким вопросам как «достижение синергетического эффекта от сотрудничества государств-участников СНГ в международных интеграционных объединениях и организациях (ЕАЭС, ОДКБ, ШОС); тесное взаимодействие Исполнительного комитета и отраслевых органов СНГ с исполнительными органами международных интеграционных объединений и организаций в решении сходных задач; расширение и углубление интеграционных отношений на принципах равноуровневой и разноразностной интеграции, с привлечением к решению вопросов максимально широкого круга участников»¹.

Существенные изменения в структуре мировой экономики, обусловленные переделом сфер влияния, неизбежно ведут к повышению роли международных интеграционных объединений. Усиление процессов регионализации обуславливает углубление интеграции стран с целью объединения усилий по выживанию и развитию. Совершенно очевидно, что в современных международных условиях выжить и сохранить суверенитет в одиночку не получится ни у одной страны мира.

¹ Концепция председательства Республики Беларусь в Содружестве Независимых Государств в 2021 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/19314>. – Дата доступа: 01.09.2021.

Содружество Независимых Государств формировалось в условиях неопределенности 90-х гг. XX в. и позволило странам-участницам выжить и укрепиться в условиях хаоса того времени. Страны – участницы СНГ объединили усилия с целью преодоления последствий неопределенности после распада единого государства и общесоюзного народнохозяйственного комплекса, разрыва устоявшихся производственно-технологических и хозяйственных связей.

Сегодня процессы деградации сложившейся структуры международных экономических отношений, выражающиеся в нарастании неопределенности и непредсказуемости поведения торговых партнеров, расширении санкционного давления, недобросовестной конкуренции и двойных стандартов, неспособности международных организаций и институтов защищать декларируемые ими принципы и сложившиеся нормы международного права могут стать новым драйвером для международной интеграции на постсоветском пространстве.

Цель данной статьи – попытаться проанализировать, как новые геэкономические реалии влияют на перспективы развития интеграции стран – участниц СНГ.

Результаты и их обсуждение. За время реализации Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года, утвержденной решением Совета глав правительств СНГ от 14 ноября 2008 г., произошло сближение национальных промышленных политик по различным направлениям: приняты совместные планы развития химической и нефтехимической промышленности, автомобилестроения и энергетического машиностроения; развернуты работы по совместным проектам в области цифровизации; в значительной степени сформированы общие рынки мясомолочной продукции, сахара, овощей и фруктов; активизировано взаимодействие по развитию международных транспортных коридоров, соответствующей инфраструктуры и систем транспортной безопасности.

Практика показала, что устойчивые интеграционные связи между нашими странами позволяют преодолевать последствия экономических кризисов и других глобальных вызовов с меньшими потерями. Так, в 2020 г., вследствие пандемии коронавируса и мер по борьбе с ним, совокупный ВВП государств – участников СНГ уменьшился в реальном исчислении на 2,7 %, тогда как ВВП в странах ЕС снизился на 6,1 %, в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – на 4,8 %, в США – на 3,5 %. В целом доля стран – участниц СНГ в мировом ВВП в 2000–2020 гг. повысилась на 0,44 п. п. и составила в 2020 г. 4,38 %.

В период с 2001 по 2020 гг. товарооборот между странами СНГ вырос в 2,9 раза (рисунок 1).

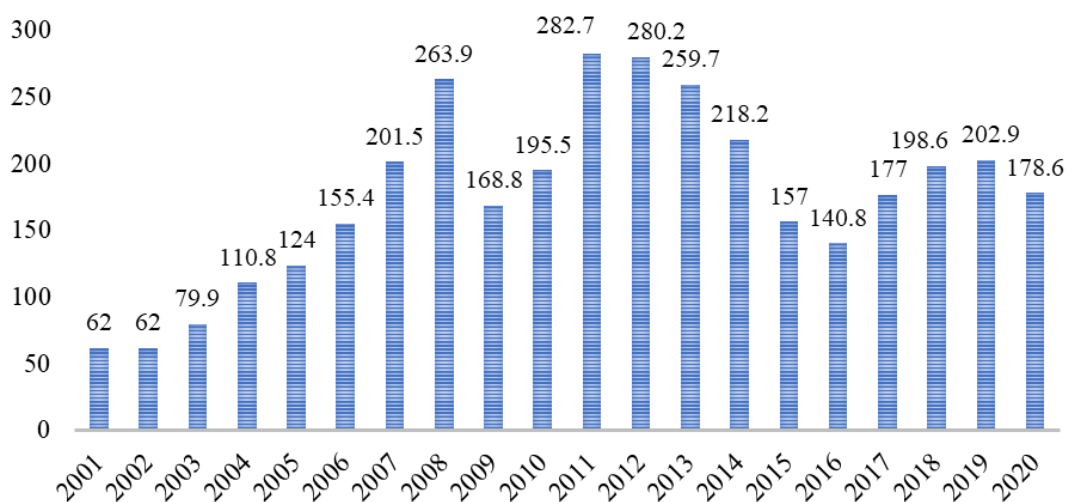

Рисунок 1 – Товарооборот стран – участниц СНГ, 2001–2020 гг. (млрд. долл. США)

Вместе с тем за тот же период доля взаимного товарооборота в общем товарообороте стран СНГ сократилась почти на 30 % (с 28 до 19 %) (рисунок 2).

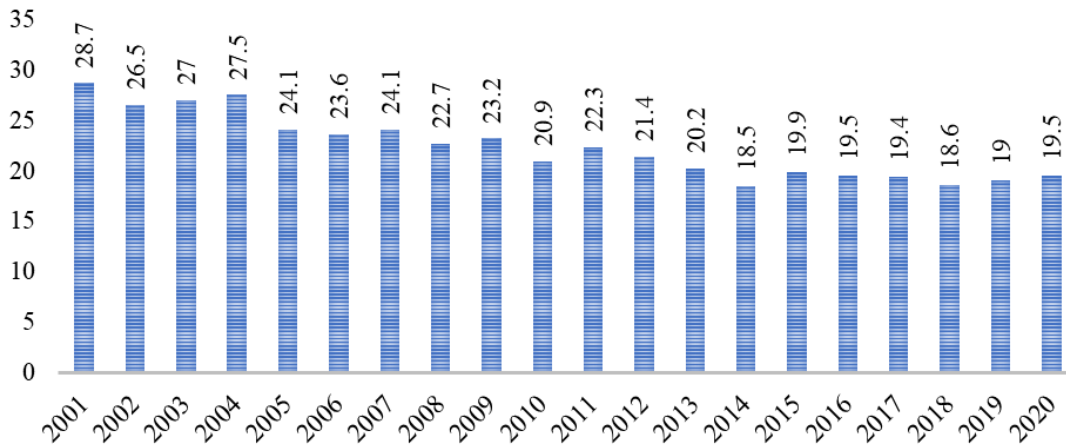

Рисунок 2 – Удельный вес в общем товарообороте стран СНГ взаимного товарооборота, %

Причины сокращения взаимного товарооборота стран СНГ следует искать не только в последствиях пандемии коронавируса, но и в изменении геоэкономических условий развития стран – участниц СНГ. Известно, что динамика экономического развития любой страны во многом зависит от изменений международной конъюнктуры и состояния экономик стран-партнеров. Изменение геоэкономических условий оказывает существенное влияние на доступность ресурсов и развитие рынков, обуславливает изменение направленности экономических интересов стран в мировом масштабе.

Глубинные тектонические сдвиги в мировой экономике, которые выражаются в существенном изменении баланса сил, сфер влияния, каналов товародвижения обусловлены историческими предпосылками и развитием научно-технического прогресса. На наш взгляд, существует две тенденции, обуславливающие неопределенность международных отношений на современном этапе: во-первых, это обострение борьбы между государствами за технологическое доминирование, вызванное переходом к новому технологическому укладу; во-вторых, обострение борьбы между ТНК и государственными структурами за контроль над ресурсами, вызванное растущей мощью ТНК и их стремлением избавиться от контроля со стороны государства.

Основной движущей силой обострения отношений как со стороны корпораций, так и со стороны государств становится стремление доминировать и диктовать свои условия на рынках. Возможность устанавливать свои условия и контролировать рынок становится самым главным конкурентным преимуществом, позволяющим не только усиливать свои позиции и снижать себестоимость своей продукции, но и ослаблять конкурентов, перекрывая им доступ к важным ресурсам. Это стремление не ново. Существенное отличие очередного витка усиления глобальной конкуренции заключается в необходимости для участников занять именно первое место, что обусловлено, с одной стороны, быстрым истощением ресурсов (особенно редких и стратегически важных), с другой стороны – появлением новых возможностей получения неограниченных конкурентных преимуществ за счет эффекта масштаба.

Появление новых драйверов экономического роста, связанных с развитием НТП и, прежде всего, ИКТ, обуславливает переориентацию потока инвестиций в страны с более быстрыми темпами цифровизации. Наблюдаемое обострение борьбы между глобальными игроками за технологическое доминирование вызвано переходом к новому технологическому укладу на основе цифровых технологий. Новые центры силы (Китай, Индия, Бразилия, Турция, Иран) демонстрируют опережающий экономический рост. С 2000 по 2020 г. ВВП по ППС США вырос в 2 раза, ЕС – в 2,1 раза, Китая – в 6,6 раз, России – в 4,1 раза, Индии – в 4 раза, Турции – в 3,9 раза (рисунок 3, 4).

Рисунок 3 – Условная гравитационная модель основных центров силы и стран СНГ в мировой экономике, 2000 г. (в соотношении к ВВП США по ППС), в млрд долл.

Рисунок 4 – Условная гравитационная модель основных центров силы и стран СНГ в мировой экономике, 2020 г. (в соотношении к ВВП США по ППС), в млрд долл.

Изменение геоэкономической и геополитической ситуации в мире в одинаковой степени влияет на перспективы развития всех стран СНГ. Как хорошо видно на рисунке 4, масштаб экономик всех стран СНГ – как по отдельности, так и вместе взятых – существенно уступает экономикам Китая, США, ЕС. Соотношение ВВП по ППС всех стран СНГ, кроме России, ставит их в заведомо проигрышную позицию. Вполне ожидаемо, что страны СНГ будут проигрывать в конкурентной борьбе за привлечение человеческих и финансовых ресурсов, инновации и инвестиции. Консолидация усилий в интеграционном объединении существенно увеличивает шансы повысить свою привлекательность.

Динамика спроса обуславливает смещение центров притяжения инвестиций и переориентацию торговых потоков. Идет передел рынков и сфер влияния, что существенно усложняет процессы, протекающие в мировой экономике. Показатель ВВП по ППС характеризует совокупный спрос в стране, который, в свою очередь, является силой притяжения для торговых потоков и инвестиций, драйвером инноваций. Объем совокупного спроса в стране определяет глубину разделения труда, которая, как известно, является основным фактором повышения производительности труда, снижения себестоимости единицы продукции, т. е. главным фактором

дальнейшего экономического роста, что и формирует силу экономического притяжения для стран-партнеров.

Эмпирическим подтверждением данного тезиса служит статистика взаимной и внешней торговли стран СНГ. В то время как товарооборот между странами – участниками СНГ с 2001 по 2020 гг. вырос в 2,9 раза, товарооборот стран СНГ с Китаем за тот же период вырос в 17 раз (рисунок 5). Доля взаимного товарооборота в общем товарообороте стран – участниц СНГ сократилась почти на 30 %, а доля Китая – выросла в 4,1 раза (с 4,2 до 17,1 % соответственно) (рисунок 6). При этом доля экспорта в общем товарообороте стран – участниц СНГ с Китаем сократилась на 37 %, а доля импорта – выросла 2,2 раза (рисунок 7). Наблюдается устойчивый дрейф экономических интересов и переориентация торговых потоков отдельных стран – участниц СНГ в сторону динамично развивающихся экономик таких стран как Китай, Турция, активно развиваются отношения с Индией и другими странами. Это несколько замедляет интеграционные процессы внутри СНГ, но активизирует процессы сближения с новыми государствами-партнерами. Возникает потребность в усилении сотрудничества в рамках действующих интеграционных объединений между странами-участницами (СНГ, ЕАЭС, ШОС, инициатива КНР «Один пояс – один путь»).

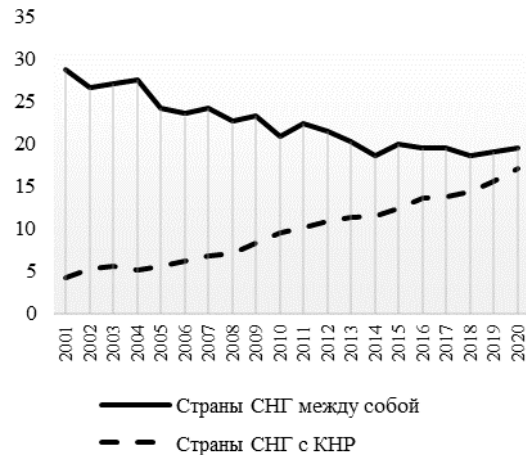
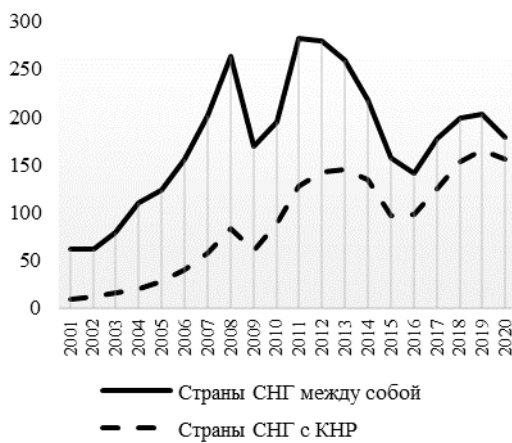

Рисунок 5 – Товарооборот между странами – участниками СНГ и Китаем, 2001–2020 гг., млрд долл. США

Рисунок 6 – Доля стран – участниц СНГ во взаимном товарообороте и товарообороте с Китаем, %

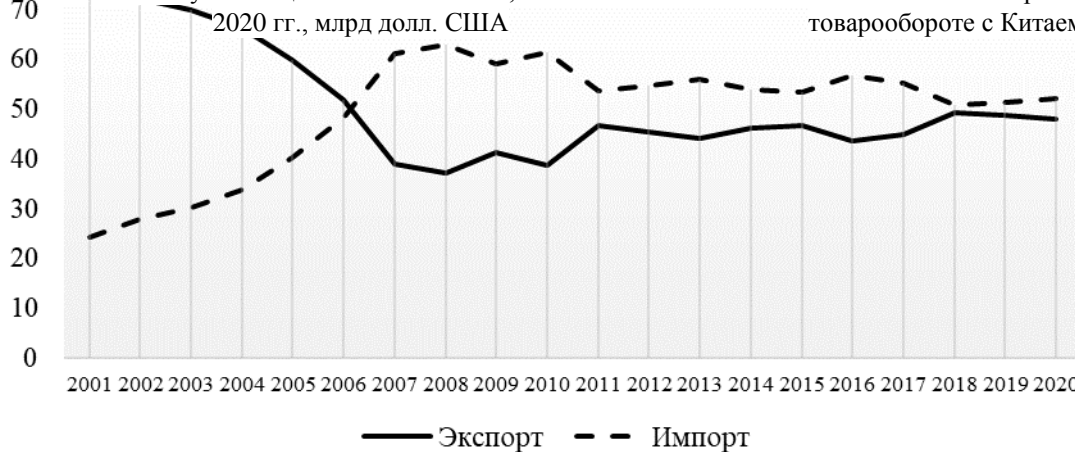

Рисунок 7 – Доля экспорта и импорта в товарообороте стран-участниц СНГ с Китаем, %

Как отмечает Д. Ш. Сариева, «международная экономическая интеграция представляет собой определенный процесс сближения и взаимопереплетения экономик нескольких государств с однородными социально-экономическими структурами, нацеленный на создание единого хозяйственного организма» [1, с. 35]. В справочнике А. С. Булатова дано более точное определение международной экономической интеграции: «процесс экономического и политического объеди-

нения стран на основе развития глубоких устойчивых взаимосвязей и разделения труда между национальными хозяйствами, взаимодействия их экономик на различных уровнях и в различных формах»¹.

Справедливо отметить, что сегодня для дальнейшего расширения и углубления интеграционных отношений в СНГ есть все основания. Динамика экономического развития стран – участниц СНГ во многом зависит от изменений международной конъюнктуры и состояния экономик стран-партнеров. Турбулентность мировой экономики и замедление ее экономического роста, высокая волатильность на сырьевых и фондовых рынках, растущая неопределенность внешнеэкономической конъюнктуры и санкционное давление со стороны ЕС и США порождают новые экономические и социальные риски, вызовы и угрозы для наших стран. В этих условиях сохранение стабильности экономической системы становится первоочередной задачей, а потребность наших стран в конструктивном взаимодействии и взаимной поддержке существенно возрастает.

Созданные в рамках СНГ механизмы и форматы межгосударственного взаимодействия, не ограничивающие самостоятельность государств-участников, предоставляют возможность для каждого из них формировать двухсторонние и многосторонние связи в интересующей их сфере, оставаясь участниками общего политико-экономического пространства и при необходимости выступать единым фронтом в решении значимых международных вопросов. Практической реализацией такой возможности и важнейшим, на наш взгляд, результатом функционирования СНГ стало углубление интеграции в рамках новых интеграционных объединений: Союзного государства Беларуси и России, ЕАЭС и ОДКБ.

Первой предпосылкой, обуславливающей закономерную необходимость согласования промышленных политик стран СНГ, является глобализация мировой экономики, проявляющаяся в форме интернационализации деловой активности хозяйствующих субъектов, которая влечет изменение сущностных характеристик и потребностей хозяйствующих субъектов, реализация социально-экономических интересов которых непосредственно связана с функционированием национального промышленного комплекса. Последнее же неизбежно будет предопределять их стремление изменить промышленную политику в своих частных и групповых интересах. Как отмечает Г. А. Яшева, «глобализация представляет процесс возрастания взаимозависимости стран мира вследствие все более тесной интеграции их национальных рынков товаров, услуг и капиталов. Факторы развития глобализации: политика свободной торговли; транснационализация производства; снижение транспортных и коммуникационных издержек; интеллектуализация экономики; национальная безопасность; единое информационное пространство; интернационализация стандартов» [2, с. 385]. В условиях интернационализации деловой активности существенно возрастает количество субъектов, участвующих в экономическом развитии страны, что обостряет конфликт интересов, приводит к росту конфликтности международных экономических отношений. Обеспечивая экономическую безопасность страны, правительство вынуждено реагировать на новые угрозы, в том числе согласовывая свою экономическую политику с политикой стран-партнеров.

Не менее важной предпосылкой стало нарушение цепочек поставок вместе с неопределенностью сроков и условий новых карантинных и нарастающих санкционных мер, которые могут ускорить процесс локализации производств в среднесрочной перспективе. «Тенденция усиления роли государства в экономике характерна в этот период для всех стран, – пишет Т. В. Сергиевич. – Стимулирование национальными правительствами экономической активности и занятости внутри страны порождает усиление регионализации и локализации производств» [3, с. 72–73]. Для стран – участниц СНГ, как и стран – членов ЕАЭС, оптимальная локализация – это общие рынки. Необходимо формировать региональный «пояс безопасности» путем ускорения создания импортозамещающих производств и локализации на территории СНГ критически важных отраслей. В этой связи международное интеграционное объединение СНГ по-прежнему сохраняет свою привлекательность для стран-участниц.

Взаимодействие стран СНГ в сфере промышленного развития на основе согласования даже отдельных инструментов их промышленной политики выступает одним из действенных факторов, позволяющих более полно использовать преимущества международного разделения труда и взаимного сотрудничества. В условиях научно-технического прогресса хозяйственная

¹ Страны и регионы мира: экономико-политический справочник / под ред. А. С. Булатова. – М. : Проспект, 2015. – 206 с. – С. 117.

деятельность, ограниченная масштабами отдельно взятых, особенно малых экономик, накладывает жесткие ограничения на возможности эффективного производства конкурентоспособной продукции и обеспечения возрастающих потребностей экономики и населения. Ни одна экономика в современном мире не может замыкаться на своем внутреннем рынке, какая бы сложная ситуация в мировой экономике и в отношениях с партнерами не сложилась. Интернационализация деловой активности расширяет масштабы производства, взаимоувязывает развитие стран и отраслей в мировой экономике. Как пишут С. Ю. Солодовников и Ю. В. Мелешко, «экономическая интеграция является способом коллективного протекционизма от третьих стран» [4, с. 124], и добавляют далее: «по мере усиления глобализации и, соответственно, ужесточения конкурентной борьбы на мировых рынках товаров и услуг роль экономической интеграции возрастает» [4, с. 125]. Вследствие этого государства – члены интеграционного объединения испытывают объективную потребность межгосударственной координации и субординации их интересов, а национальная промышленная политика в сложившихся условиях, становится объектом согласования с промышленной политикой государств-партнеров. При этом, как нами подчеркивалось ранее, «между многосторонним и двусторонним сотрудничеством <...> не должно существовать жестких границ, они должны органично сочетаться и дополнять друг друга» [5, с. 295].

Углубление интеграции, согласование экономической политики требует общего понимания в среде политических и научных элит стран – участниц СНГ следующих положений:

во-первых, кардинальные изменения в геоэкономике и геополитике оказывают одинаковое влияние на перспективы развития всех стран СНГ;

во-вторых, в условиях нарастания глобального противостояния мировых центров силы, широкого применения ими инструментов государственного протекционизма и санкционного давления существенно возрастает роль государственного регулирования национальных экономик и внешнеэкономической деятельности субъектов хозяйствования;

в-третьих, в условиях нарастания неопределенности международных экономических отношений, непредсказуемости поведения торговых партнеров, расширения санкционного давления, недобросовестной конкуренции и двойных стандартов, неспособности международных организаций и институтов защищать декларируемые ими принципы и сложившиеся нормы международного права возрастает роль устойчивых связей, достигнутых внутри интеграционного объединения;

в-четвертых, укрепление интеграции в СНГ, ЕАЭС, Союзном государстве Беларуси и России на практике означает расширение торгово-экономического сотрудничества и углубление международной производственной кооперации на основе международного разделения труда, что требует формирования общих рынков и согласования экономической политики;

в-пятых, ускоряющаяся регионализация мировой экономики диктует необходимость формирования евразийского пояса экономической безопасности путем создания и развития евразийских импортозамещающих цепочек добавленной стоимости ориентированных на сырье, комплектующие и рынки стран – участниц СНГ и, в первую очередь, стратегически важных, высокотехнологичных товаров;

в-шестых, проведение согласованной экономической политики и формирование евразийского пояса экономической безопасности требует расширения сотрудничества в научной, научно-технической и инновационной сферах.

В условиях углубления и диверсификации интеграционных процессов на пространстве СНГ, перехода государств-участниц к инновационным драйверам экономического роста возрастает значимость фундаментальной и прикладной науки. Экономические отношения становятся все более сложными, что требует от ученых-экономистов разработки новых методологических подходов при выявлении закономерностей развития экономики и общества. При этом экономическая наука в силу специфики отношений, которые она изучает, является не только инструментом познания закономерностей развития общества, она превращается в инструмент идеологической и политической борьбы. Политико-экономические идеи, теоретические концепции и конструкции активно используются как инструмент борьбы политических сил и стран за политическое превосходство и экономическое доминирование. В условиях насаждения (зачастую насильственного) политико-экономических идей, концепций и воззрений, активно используемых в борьбе за политическое превосходство и экономическое доминирование,

развитие собственной экономической науки приобретает для Беларуси и всех стран СНГ особую значимость.

Белорусская социально-экономическая модель имеет научную основу и выстраивалась на основе теоретико-методологических наработок белорусских ученых: экономистов, историков, социологов, философов, культурологов и других. Развитие собственной науки – один из приоритетов белорусской инновационной политики. Благодаря тому, что Республика Беларусь, как и многие страны – участницы СНГ, сохранила свою академию наук, сегодня есть возможность опираться на собственные исследования, анализировать международный опыт, вырабатывать независимую научно обоснованную позицию по всему спектру вопросов. Проводить национальную экономическую политику в соответствии с интересами общества невозможно без глубоких фундаментальных экономических исследований.

Большое значение для развития научного сотрудничества в рамках СНГ имеет деятельность Международной ассоциации академий наук (далее – МААН), полноправными членами которой являются национальные академии стран – участниц СНГ. С 2017 г. Национальная академия наук Беларуси выполняет функции базовой академии наук в организационном и методическом сопровождении МААН. Руководителем Международной ассоциации академий наук избран Председатель Президиума НАН Беларуси академик В. Г. Гусаков.

Белорусское научное сообщество активно участвует в развитии международного сотрудничества в рамках СНГ в области науки и технологий, научном сопровождении деятельности органов государственного управления. В частности, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси как ведущий научно-аналитический центр Беларуси в сфере экономических отношений проводит фундаментальные и прикладные исследования по актуальным вопросам развития национальной и мировой экономики. В структуре института функционируют Центр мировой экономики и Белорусско-китайский аналитический центр развития. Институт экономики осуществляет тесное научное сотрудничество и взаимодействие на основании подписанных договоров о сотрудничестве с 45 зарубежными научными и образовательными организациями, в т. ч. стран – участниц СНГ: Азербайджан, Армения, Казахстан, Молдова, Россия, Узбекистан и др. Институт экономики является членом Объединения юридических лиц «Ассоциация "Евразийский экономический клуб ученых"», созданного в 2008 г. по инициативе Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева с целью объединения усилий ученых-экономистов и практиков, представителей общественности и международных организаций для решения вопросов экономического развития и содействия экономическому и социальному прогрессу мирового сообщества. С июня 2019 г. Институт экономики – единственная организация-соучредитель из Республики Беларусь и полноправный член Цифровой платформы экономического информационного пространства инициативы Китая «Один пояс – один путь», что свидетельствует о лидирующей позиции Института экономики в вопросах аналитического сопровождения процессов углубления и развития торгово-экономического, кредитно-инвестиционного и научно-технологического сотрудничества Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой.

Выводы. В условиях глобальных изменений в мировой экономике для развития международной экономической интеграции стран – участниц СНГ необходим комплекс мер (в том числе институциональный, организационный и экономический блок), направленных на снижение риска неопределенности в рамках межгосударственного взаимодействия, развитие устойчивых взаимосвязей между субъектами интеграционного объединения и формирование на этой основе целостной, внутренне устойчивой структуры экономики стран-участниц на принципах равноправия и преимущественного удовлетворения национальных интересов.

Развитие взаимодействия и сотрудничества в рамках СНГ, на наш взгляд, должно включать следующие направления:

- согласование промышленных политик государств-участников в рамках интеграционных объединений, СНГ, ЕАЭС и Союзного государства Беларуси и России на основе равноправия субъектов хозяйствования и приоритета национальных интересов;
- разработка и реализация программ импортозамещения, ориентированное на ускоренное развитие высокотехнологичных направлений и товаров за счет поддержки национальных производителей высокотехнологичной продукции в рамках СНГ;
- развитие (создание) совместных производственных мощностей на территориях государств – участников СНГ, нацеленных на замещение импорта из третьих стран.

- государственная информационно-юридическая поддержка субъектов хозяйствования по продвижению продукции на новых рынках сбыта и поиску партнеров для производственной кооперации;
- устранение барьеров во взаимной торговле, упрощение процедур таможенного оформления с использованием современных информационных технологий;
- совместное внедрение новейших систем связи и средств информационно-коммуникационных технологий (реализация Стратегии сотрудничества государств – участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года и Стратегии обеспечения информационной безопасности государств – участников СНГ);
- разработка и внедрение межгосударственных стандартов и других документов в области технического регулирования;
- согласованное развитие трансграничных транспортных коридоров и их интеграция в международные транспортно-логистические цепи;
- обеспечение роста доли взаимных расчетов в национальных валютах во внешней торговле товарами и предоставлении финансовых услуг;
- взаимодействие органов СНГ с органами других интеграционных образований Евразийского пространства, участниками которых являются государства СНГ, по развитию институциональных основ межгосударственного сотрудничества в экономической сфере.

Список использованных источников

1. Сариева, Д. Ш. К вопросу о сущности международной экономической интеграции / Д. Ш. Сариева // Кронос. – 2019. – № 10 (37). – С. 38–40.
2. Яшева, Г. А. Глобализация и сетизация как основные тенденции современного экономического развития / Г. А. Яшева // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 70 регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 15 февр. 2018 г. : в 2-х т. / Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова. – Витебск, 2018. – Т. 1. – С. 385–387.
3. Сергиевич, Т. В. Социально-экономическая обусловленность роботизации экономики / Т. В. Сергиевич // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси. – Минск, 2020. – Вып. 1. – С. 68–77.
4. Солодовников, С. Ю. Евразийская экономическая интеграция / С. Ю. Солодовников, Ю. В. Мелешко // Весці Нац. Акад. нав. Беларусі. Сер. гум. навук. – 2016. – № 3. – С. 121–125.
5. Модернизация белорусской промышленности в новых технологических и геоэкономических условиях / В. Л. Гурский [и др.] ; науч. ред. С. Ю. Солодовников ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 728 с.

Статья поступила в редакцию 1 октября 2021 года

PERSPECTIVES FOR ECONOMIC INTEGRATION OF THE CIS MEMBER COUNTRIES IN NEW GEOECONOMIC CONDITIONS

V. L. Hurski

Doctor of Economics, Associate Professor,
Director of the SSI “Institute of Economics
of the National Academy of Sciences of Belarus”
Minsk, Republic of Belarus

The article discloses actual issues and perspective directions of the economic integration development of the CIS member states; the modern conditions and the dynamics of the foreign economic relations development between the CIS member states and the PRC are given; the need to deep integration relations between countries on the principles of multi-level and multi-speed integration is proved; the role of fundamental and applied economic science as an effective and efficient mechanism of ideological and political struggle is proved; the proposals for the development measures aimed to reducing the risk of uncertainty in the framework of interstate interaction, the development

of stable relationships between the member states and the formation on this basis an integral, internally stable economy structure of the CIS member states are formulated.

Keywords: *international integration associations, economic integration, national interests, Belarusian economic science.*

References

1. Sarieva, D. Sh. (2019) K voprosu o sushchnosti mezhdunarodnoi ekonomicheskoi integratsii [To the question of the essence of international economic integration]. *Chronos*. 10 (37), 38-40. (In Russian).
2. Yasheva, G. A. (2018) Globalization and setization as the main trends of modern economic development, *Materialy 70 regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov* [Materials of the 70 regional scientific-practical conference of teachers, researchers and graduate students], *Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike* [Science – to education, production, economy], Vitebsk, 15 febr. 2018, in 2 vol., VSU named after P. M. Masherov. Vol. 1, pp. 385-387. (In Russian).
3. Serhiyevich, T. V. (2020) Sotsial'no-ekonomicheskaya obuslovlennost' robotizatsii ekonomiki [Socio-economic conditionality of robotization of the economy]. *Bulletin of the Institute of Economics of NAS of Belarus*. (1), 68-77. (In Russian).
4. Solodovnikov, S. Yu., Meleshko, Yu. V. (2016) Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya [Eurasian economic integration]. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*. (3). 121-125. (In Russian).
5. Gursky, V. L., Solodovnikov, S. Yu., Serhiyevich, T. V., Meleshko, Yu. V. (2021) *Modernizatsiya belorusskoi promyshlennosti v novykh tekhnologicheskikh i geoekonomicheskikh usloviyakh* [Modernization of the Belarusian industry in the new technological and geo-economic conditions], Solodovnikov, S. Yu. (ed.) Minsk, Belaruskaya navuka publ. (In Russian).

УДК 332.1
JEL O13, L52
<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-81-86>

ПОСТПРИВАТИЗАЦИОННАЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

А. Н. Стратан

alex_stratan@yahoo.com

доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент Академии наук Республики Молдова, директор
Национальный институт экономических исследований Республики Молдова
г. Кишинев, Республика Молдова

По истечении вот уже более двух десятилетий с момента завершения массовой приватизации земель и других видов основных фондов сельское хозяйство Республики Молдова все еще остается неадекватно структурированным, отличается сравнительно низкой производительностью труда и продуктивностью сельскохозяйственных угодий, а также слабо развитым животноводческим сектором. Сравнительно низкими остаются также доходы сельских жителей, в результате чего значительная часть бывших работников отрасли, в первую очередь – молодежь, эмигрируют в города республики и даже за ее пределы в поисках более достойных и более высокооплачиваемых рабочих мест. Основываясь на результатах детального и систематического анализа аграрного сектора Республики Молдова на начальном этапе его постприватизационного развития, ученые нашего института выявили ряд специфических особенностей, суть которых можно выразить следующим образом – «приватизация завершена, реформа продолжается». Речь идет о структурных изменениях отрасли, о переводе ее производительных сил на интенсивную, конкурентоспособную основу, исходя из новых экономических реалий, новых производственных отношений, в первую очередь – качественно новых отношений собственности.

Ключевые слова: реструктуризация, инвестиционные потоки, интенсивное производство, инновационная политика, конкурентоспособность.

Цитирование: Стратан, А. Н. Постприватизационная реструктуризация сельского хозяйства Республики Молдова / А. Н. Стратан // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 81–86. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-81-86>

Введение. Согласно данным Общей аграрной переписи, в Республике Молдова функционируют 902 214 автономных сельскохозяйственных производств, включая подсобные домашние хозяйства сельских жителей, из которых только 4 428 или 0,49 % представляют собой официально зарегистрированные в качестве юридических лиц предприятия аграрного профиля¹. Как показывают данные последних кадастровых исследований, из общей площади 2 091 968,2 га в процессе массовой приватизации 1998–2000 гг. в целом были приватизированы 1 706 732,8 га или 81,6 %. Как следствие, в собственности государства остались 385 235,4 га сельскохозяйственных угодий, из которых 272 636,7 га составляют публичную собственность центральных органов власти и 112 598,7 га – собственность административно-территориальных единиц (местных органов власти)².

Если анализировать результаты приватизации земель с точки зрения организационно-правовых форм, то следует отметить безусловный приоритет обществ с ограниченной ответственностью, которые в настоящее время обрабатывают (с учетом арендованных земель) свыше 790 499,3 га сельскохозяйственных угодий. Крестьянские (фермерские) хозяйства (также с учетом арендованных земель) в настоящее время обрабатывают 483 360,5 га сельхозугодий. Вместе взятые, эти две организационно-правовые формы обрабатывают свыше 1 273 859,8 га или 74,6 % от общей площади приватизированных земель. Оставшиеся 25,4 % приватизиро-

¹ Recensământ General Agricol 2011 în Republica Moldova, Principalele Rezultate / Biroul Național de Statistică al Republicii Moldova. – Chișinău, 2016. – 145 p.

² Hotărâre Guvernului Republicii Moldova cu privire la aprobarea Cadastrului funciar conform situației la 1 ianuarie 2020 / Monitorul Oficial al Republicii Moldova. Nr.153–158 din 26 iunie 2020. – Pp. 70–90.

ванных сельхозугодий обрабатываются кооперативами различного профиля, акционерными обществами и другими видами агропроизводственных формирований.

Как следует из Постановления Правительства Республики Молдова «Об утверждении Земельного кадастра» от 1 января 2020 г.¹, свыше 879 903,0 га из общей площади приватизированных земель или 51,6 % даже спустя более 20 лет после завершения приватизации используются местными производителями сельскохозяйственной продукции на условиях аренды, что свидетельствует о намерениях их собственников в будущем создать на базе этих земель собственный аграрный бизнес, либо (в равной степени) о планах продажи полученных в процессе приватизации земельных участков.

В этой связи следует отметить, что в Республике Молдова вот уже более двух десятилетий успешно (хоть и с некоторыми ограничениями) функционирует рынок сельскохозяйственных угодий. Количество сделок только по группе «купля-продажа» земельных участков динамично растет из года в год и измеряется десятками тысяч транзакций ежегодно. Как показывает анализ, не менее динамично (в номинальной стоимости) растет также средняя рыночная цена земельных участков, которая в настоящее время колеблется в пределах 1,5–2 тыс. евро в расчете на один гектар пахотных земель.

Как уже было подчеркнуто ранее, несмотря на, в общем-то, успешный, хоть и весьма продолжительный (более двух десятилетий), период перехода от сверх централизованной (излишне огосударственной) административно-командной системы хозяйствования на земле (во времена бывшего Советского Союза) к рыночным отношениям, основанным преимущественно на частной собственности на средства производства, включая землю, предстоит еще многое сделать, чтобы сельское хозяйство Республики Молдова было по-настоящему современным и конкурентоспособным как на внутреннем, так и на внешнем рынках сбыта местной сельскохозяйственной продукции. «Переходный (транзитивный) характер экономики неразрывно связан с переходным характером общества в целом, что обуславливает и в свою очередь обуславливается трансформацией базовых институтов, институциональной матрицы» [1, с. 302], – справедливо отмечают экономисты. При этом, как подчеркивал А. Бузгалин, «содержанием переходной экономики является не столько реформирование экономической политики и методов хозяйствования, сколько преобразование системы социально-экономических отношений. Меняются практически все слагаемые экономики: способ аллокации ресурсов и отношения собственности, тип воспроизводства и модели мотивации, цели и средства экономического развития, институты и право» [2, с. 40], поэтому исследование проблематики постприватизационной реструктуризации сельского хозяйства Республики Молдова является особенно актуальным.

Результаты и их обсуждение. Краткий перечень основных недостатков функционирования сельского хозяйства Республики Молдова в годы переходного периода выглядит следующим образом: во-первых, в течение всего постприватизационного периода (2000–2020 гг.) вновь созданные, на этот раз частные сельскохозяйственные предприятия, которые на начальном этапе этого периода были полностью избавлены от каких-либо долгов, снова очутились в долговой «ловушке». По состоянию на 1 января 2020 г. общая сумма различных видов долгов в целом по отрасли превысила сумму в 20 726,7 млн леев, что эквивалентно примерно 1,0 млрд. евро; во-вторых, в целом по отрасли уровень инвестиций в сельское хозяйство остается относительно низким, составляя всего (вместе с субсидиями со стороны государства) 60,8 евро в расчете на один гектар ежегодно; в-третьих, чистый экспорт по трем основным (наиболее значимым) группам продуктов питания (мясо и мясные продукты, молоко и молочные продукты, овощи и корнеплоды) в последние годы является отрицательным и составляет (по состоянию на 2019 г.) 184,6 млн. долл. США; в-четвертых, в целом за годы переходного периода молдавские фермеры предпочитали выращивать низкочастотные и малотрудоемкие сельскохозяйственные культуры, среднегодовая валовая продукция которых (Standard Output – SO) не превышает 1 000 евро в расчете на один гектар; в-пятых, принимая во внимание тот факт, что свыше половины используемых сельскохозяйственных угодий в постприватизационный период эксплуатируются в режиме аренды, удельный вес площадей с внесением минеральных удобрений в последние годы составляет всего 0,38 %, а с внесением органических удобрений – практически сократился до нуля; в-шестых, в структуре посевных площадей сельскохозяй-

¹ Hotărâre Guvernului Republicii Moldova cu privire la aprobarea Cadastrului funciar conform situației la 1 ianuarie 2020 / Monitorul Oficial al Republicii Moldova. Nr.153–158 din 26 iunie 2020. – Pp. 70–90.

ственных предприятий доминируют, как уже было подчеркнuto, малозатратные, в целом – низкодоходные, культуры (практически вся группа зерновых культур, включая подсолнечник, рапс и сою), удельный вес которых превышает 88,6 %. Соответственно, на долю таких высокодоходных культур, как картофель, овощи (открытого и закрытого грунта), люцерна и других кормовых культур приходится только 11,4 %. Не удивительно, что все большая доля овощей, картофеля, мясной и молочной продукции поступает на внутренний рынок Молдовы в качестве импорта, уменьшая и без того низкие доходы местных аграрников [3].

Возвращаясь к итогам ранее упомянутой Общей аграрной переписи, следует подчеркнуть, что данная перепись четко выявила наличие двух экстремальных (очень мелких и очень крупных) групп сельскохозяйственных предприятий в нынешней структуре сельского хозяйства Республики Молдова. Так, например, всего 0,26 % предприятий (по численности), обрабатывая 100 га и более сельскохозяйственных угодий, в целом располагают свыше 63,38 % находящихся в использовании земель. С другой стороны, свыше 86,41 % (по численности) учтенных переписью сельскохозяйственных предприятий, включая домашние подсобные хозяйства сельских жителей, имея не более двух гектаров земель в расчете на каждое (если можно так выразиться) предприятие, обрабатывают всего 17,68 % сельскохозяйственных земель.

Исходя из произведенного анализа, можем сделать вывод, что наиболее перспективными для дальнейшего развития отрасли являются именно те производственные формирования, которые не попадают ни в экстремально мелкую, ни в экстремально большую группу предприятий. Располагая уже на данном этапе собственными и арендованными площадями в пределах от 2 до 100 га (в среднем 20–25 га) в расчете на одно хозяйство, представленная (в основном) крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, эта группа сельскохозяйственных предприятий, насчитывая в своем составе 13,33 % (по численности) и обрабатывая 18,94 % используемых земель, составляет основу будущего развития отрасли.

Имеющиеся в этой группе (на сегодняшний день) более 120 тыс. (в среднем примерно 100–120 хозяйств в расчете на одно село) вышеуказанных фермерских хозяйств находятся в центре внимания как местных органов публичного управления, так и центральных управленческих структур, включая все отраслевые научно-исследовательские институты и отраслевые учебные заведения. Учитывая то обстоятельство, что ни одно фермерское хозяйство, в принципе, не может позволить себе иметь в штатном расписании, предположим, бухгалтера, экономиста и т. д., сотрудники Национального института экономических исследований Республики Молдова (далее – НИЭИ Республики Молдова), например, на регулярной, систематической основе осуществляют информационное обеспечение данной сферы деятельности. Ежегодно разрабатываются (актуализируются) тарифы себестоимости механизированных работ, себестоимости произведенной продукции, нормативы получаемого чистого дохода в сельском хозяйстве и целый ряд других информационно-справочных материалов.

С целью обеспечения более целенаправленной и экономически аргументированной инвестиционной деятельности вновь формируемых в сельском хозяйстве производственных структур НИЭИ Республики Молдова в течение последних лет занят разработкой типовых инвестиционных проектов для фермерских хозяйств в наиболее эффективных и высокоокупаемых отраслях сельского хозяйства. В качестве научной платформы для достижения вышеуказанной цели сотрудниками института в 2020 г. была разработана и успешно прошла конкурсный отбор Государственная программа «Разработка новых экономических инструментов для оценки и стимулирования конкурентоспособности сельского хозяйства Республики Молдова на 2020–2023 годы», которая сегодня успешно реализуется на практике. Помимо ранее перечисленных информационно-справочных материалов, разрабатываемых на ежегодно актуализированной основе, упомянутая программа предусматривает разработку Каталога инвестиционных проектов для сельского хозяйства Республики Молдова, который (после обширного научного обсуждения) должен стать реальным путеводителем принятия аргументированных инвестиционных решений для постприватизационного (преимущественно – мелкого и среднего) аграрного бизнеса Республики Молдова. В этой связи уместно подчеркнуть, что с целью восстановления животноводческого сектора (кроме птицеводства), который наиболее сильно пострадал в ходе процесса приватизации, в состав вышеуказанного каталога предполагается включить ряд инвестиционных проектов по обоснованию закупки и импорта не просто отдельных видов технических средств и/или поголовья животных, но и полностью целых комплексов животноводческого бизнеса, разумеется, за исключением земельных ресурсов и рабочей силы.

Остановимся несколько подробнее на сути данной идеи. Как уже было отмечено, оставшись без ранее имевшихся в сельской местности рабочих мест, в том числе на бывших животноводческих фермах и комплексах, многие из бывших животноводов в поиске новых рабочих мест уехали за пределы Республики Молдова, в основном в страны Западной Европы. Многие из них и в новых условиях трудоустроились, что называется, по специальности, т. е. продолжают работать в животноводческом секторе и, в принципе, готовы вернуться домой при условии наличия рабочих мест.

С другой стороны, многие страны Европейского Союза осуществляют активную политику финансовой поддержки аграрного бизнеса. Как следствие, имеют место процессы реконструкции и обновления производственного потенциала, в результате которого морально устаревшие (по западноевропейским стандартам) производства вполне могут быть проданы новым владельцам, в том числе могут быть экспортированы за рубеж, в данном случае – в Республику Молдова. Аналогично тому, как это имеет место, например, при экспорте-импорте автомобилей «second-hand».

Согласно имеющимся предварительным договоренностям, активную поддержку вышеуказанным инвестиционным решениям готовы оказать местные и центральные органы власти, а также отраслевые структуры соответствующего профиля обоих – частного и публичного – секторов национальной экономики.

Параллельно с решением целого комплекса вопросов научно-производственного характера сотрудники нашего института не оставляют без внимания проблемы социального развития молдавского села. Необходимость социального развития сельских населенных пунктов, повышения уровня жизни сельских жителей и обеспечения их продовольственной безопасности особенно обострилась в условиях пандемии COVID-19. Жесткие ограничения с целью противодействия распространению вируса SARS-CoV-2, а также продолжительная летняя засуха 2020 г. стали основными причинами сокращения в прошлом году валового внутреннего продукта сельского хозяйства на 8,3 % по сравнению с 2019 г., что стало одной из основных причин более детального исследования проблем продовольственной безопасности республики.

Если сравнивать уровень развития социальной инфраструктуры городской и сельской местности Республики Молдова, то следует отметить, что, несмотря на определенное сближение этих уровней, различия в условиях жизни в городах и селах Молдавии остаются все еще довольно существенными (таблица 1).

Таблица 1 – Удельный вес жилых помещений, обеспеченных коммунальными услугами, %

Годы	Наименование видов услуг					
	Водопровод	Канализация	Центральное отопление	Ванная (душ)	Газопровод	Горячее водоснабжение
Городская местность						
2000	77,0	75,9	74,8	66,0	91,0	55,2
2005	79,0	77,9	73,8	67,3	92,1	55,0
2010	82,8	82,7	77,6	75,0	92,6	66,6
2015	86,3	85,8	80,5	79,2	94,4	72,5
2018	89,4	85,0	83,5	59,5	93,0	62,2
2019	89,6	85,4	83,8	59,9	93,2	72,6
Сельская местность						
2000	10,3	4,7	1,3	4,4	78,2	0,4
2005	11,3	6,1	3,3	4,2	81,2	0,8
2010	20,2	19,6	8,6	11,2	84,9	6,4
2015	31,7	31,6	15,7	18,4	87,4	12,2
2018	36,1	35,7	17,1	21,3	88,0	14,5
2019	37,1	36,6	17,3	21,7	88,0	14,8

Следует обратить внимание на тот факт, что несмотря, например, на более низкий уровень обеспечения природным газом сельских жителей, оба основных показателя газоснабжения – длина газопроводов и их стоимость в сельской местности уже в настоящее время в 2,3 раза превышают аналогичные показатели городской местности. И наоборот, экономическая

эффективность инвестиций в газоснабжение в городах республики более чем вдвое превышает соответствующие показатели в сельской местности. Аналогичная ситуация наблюдается и по другим видам инфраструктурных элементов – дорогам, линиям электропередач и т. д.

Отсюда следует вывод о необходимости более компактного размещения сельского жилого фонда, получившего название «джентрификация» (от англ. gentrification). Суть процесса джентрификации сводится к тому, что несмотря на высокую плотность заселения сельской местности Республики Молдова (1 616 сельских населенных пунктов или одно село в расчете на 20,1 км²) в республике традиционно отвергается политика разделения молдавских сел на перспективные и бесперспективные. В то же время численность сельского населения в Молдове сокращается более высокими темпами, чем городского, что и обуславливает необходимость пересмотра планов развития и застройки молдавского села. В качестве центров джентрификации, как правило, принимается исторически сложившаяся центральная часть сельского населенного пункта, где в первую очередь осуществляются инвестиции по благоустройству, размещаются торговые площади, обустраиваются места отдыха, занятий спортом, детские площадки и т. д. Естественно, что именно в зонах джентрификации предполагается, в первую очередь, строительство новых жилых домов, в основном индивидуальных, рассчитанных на одну семью. Периферийные зоны сельских населенных пунктов, в свою очередь, будут отведены под производственную застройку, а также под развитие таких интенсивных отраслей сельского хозяйства, как производство овощей, развитие животноводства и др.

В заключение следует подчеркнуть, что осуществленные в последние десятилетия масштабные изменения в отношении собственности, в политической структуре общества, в структуре организации производства и т. д., привели к необходимости пересмотра базисных основ социальной, экономической и продовольственной безопасности страны. Применительно к последней, речь идет о явном смещении ответственности за состояние продовольственной безопасности населения с верхних эшелонов власти к ее нижним эшелонам и даже к уровню семьи. Как показывают проведенные нами социальные опросы и предварительные (ориентировочные) расчеты, даже в условиях пандемии 2020–2021 гг. обеспечение продовольственной безопасности сельского населения в Республике Молдова остается на довольно высоком уровне и имеет следующую дифференциацию (таблица 2).

Таблица 2 – Обобщенные результаты исследования уровня продовольственной безопасности домашних хозяйств сельских жителей Республики Молдова

Уровень обеспечения продовольственной безопасности	Количество опрошенных домашних хозяйств	Результат (%)
Высокий (100 % и выше)	38	14,45
Хороший (75–100 %)	141	53,61
Удовлетворительный (50–75 %)	72	27,38
Низкий (50 % и меньше)	12	4,56

Что касается распределения ответственности за состояние продовольственной безопасности сельских жителей, принимая во внимание факт реальной передачи средств производства непосредственно в их собственность, эта ответственность (по экспертным оценкам) на данном этапе постприватизационного развития отрасли распределяется следующим образом: семья – 32,3 %; примэрия села – 26,8 %; примэрия района – 22,3 %; правительство Республики Молдова – 18,6 %.

Выводы. В результате исследования было установлено, что сегодня сельское хозяйство Республики Молдова все еще остается неадекватно структурированным, отличается сравнительно низкой производительностью труда и продуктивностью сельскохозяйственных угодий, а также слабо развитым животноводческим сектором. Доходы сельских жителей остаются сравнительно низкими, в результате чего значительная часть бывших работников отрасли, в первую очередь – молодежь, эмигрируют в города республики и за ее пределы. Основываясь на результатах детального и систематического анализа аграрного сектора Республики Молдова на начальном этапе его постприватизационного развития, ученые Национального института экономических исследований Республики Молдова выявили ряд специфических особенностей, суть которых можно выразить следующим образом – «приватизация завершена, реформа продолжается». Речь идет о структурных изменениях отрасли, о переводе ее производительных сил на интенсивную, конкурентоспособную основу, ис-

ходя из новых экономических реалий, новых производственных отношений, в первую очередь – качественно новых отношений собственности.

Список использованных источников

1. Модернизация белорусской промышленности в новых технологических и геоэкономических условиях / В. Л. Гурский [и др.] ; науч. ред. С. Ю. Солодовников ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 728 с.
2. Бузгалин, А. Закономерности переходной экономики: теория и методология / А. Бузгалин // Вопросы экономики. – 1995. – № 2. – С. 32–44.
3. Сакович, В. А. Продовольственная безопасность Республики Молдова в контексте современной мировой продовольственной проблемы / В. А. Сакович ; Кишинев: Академия экономических знаний Молдовы, 2020. – 543 с.

Статья поступила в редакцию 8 октября 2021 года

POST-PRIVATIZATION RESTRUCTURING OF AGRICULTURE OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA

A. N. Stratan

Doctor of Economics, Professor,
Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova, Director
National Institute for Economic Research of the Republic of Moldova
Chisinau, Republic of Moldova

More than two decades after the completion of the mass privatization of land and other types of fixed assets, the agriculture of the Republic of Moldova is still inadequately structured, characterized by relatively low labor productivity and productivity of agricultural land, as well as a poorly developed livestock sector. Incomes of rural residents also remain relatively low, as a result of which a significant part of former workers of agricultural industry, primarily young people, emigrate to the cities of the republic and even beyond its borders in search of more decent and better paid jobs. Based on the results of a detailed and systematic analysis of the agrarian sector at the initial stage of its post-privatization development, the scientists of our institute have identified a number of specific features, the essence of which can be expressed as follows – "privatization is complete, the reform continues." We are talking about structural changes in the agriculture, about transferring its productive forces to an intensive, competitive framework, based on new economic realities, new production relations, first of all, qualitatively new property relations.

Keywords: restructuring, investment flows, intensive production, innovation policy, competitiveness.

References

1. Gurskii, V. L., Solodovnikov, S. Yu., Serhiyevich, T. V., Meleshko, Yu. V. (2021) *Modernizatsiya belorusskoi promyshlennosti v novykh tekhnologicheskikh i geoekonomicheskikh usloviyakh* [Modernization of the Belarusian industry in the new technological and geo-economic conditions]. S. Yu. Solodovnikov (ed.) ; Institute of Economics of the NAS of Belarus. Minsk. Belaruskaya navuka Publ. (In Russian).
2. Buzgalin, A. (1995) *Zakonomernosti perekhodnoi ekonomiki: teoriya i metodologiya* [Patterns of an economy in transition: theory and methodology]. *Voprosy ekonomiki*. (2), 32-44. (In Russian).
3. Sakovich, V. A. (2020) *Prodovol'stvennaya bezopasnost' Respubliki Moldova v kontekste sovremennoi mirovoi prodovol'stvennoi problemy* [Food security of the Republic of Moldova in the context of the modern world food problem]. Kishinev. Akademiya ekonomicheskikh znaniy Moldovy. (In Russian).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 332.14 (985)

JEL R11, R13

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-87-100>

**АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ
И ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКИХ ПРИМОРСКИХ
РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ ИНДИКАТОРНОГО ПОДХОДА**

Г. Г. Гогоберидзе

gogoberidze.gg@gmail.com

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
руководитель информационно-аналитического центра
Мурманский арктический государственный университет
г. Мурманск, Российская Федерация

В. Е. Левкевич

доктор технических наук, профессор,
профессор кафедры «Водоснабжение и водоотведение»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Е. А. Румянцева

rumkate@rambler.ru

кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник
Мурманский арктический государственный университет
г. Мурманск, Российская Федерация

Т. В. Сергиевич

serhiyevich@bntu.by

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Арктическая зона является стратегически важным регионом для устойчивого развития Российской Федерации и Союзного государства. При этом абсолютно большая часть населения и экономической активности в Арктике сосредоточена в береговой зоне. Для процесса принятия решений по устойчивому развитию регионов необходима разработка научных обоснований реализации мероприятий арктических стратегий. В качестве такого инструментария может выступить информационно-аналитическая система поддержки принятия решений в виде модели стратегического пространственного планирования арктических приморских эко-социо-экономических систем, основанная на индикаторном подходе. В качестве апробации проанализированы текущее состояние и тенденции социально-экономического развития арктических приморских регионов России.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, комплексный анализ, береговая эко-социально-экономическая система, Арктика, индикаторный подход.

Цитирование: Анализ социально-экономического состояния и тенденций развития арктических приморских регионов на основе индикаторного подхода / Г. Г. Гогоберидзе, В. Е. Левкевич, Е. А. Румянцева, Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 87–100. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-87-100>

Введение. Контактная зона океан (море)-суша имеет огромную мировую значимость и как береговая экосистема, и как социально-экономический объект, обеспечивающий продовольственную безопасность, функционирование морской торговли и транспорта, способствующий развитию приморского и морского туризма и других видов экономической деятельности, и также предоставляющий работу миллионам людей. В целом под береговой зоной понимается территориальный комплекс, состоящий из приморской территории и прилегающей

акватории, включая расположенный под ней шельф, с присущими ему свойствами и ресурсами, характеризующийся площадью и протяженностью береговой линии, разделяющей приморскую территорию и прилегающую акваторию, географическим положением, социально-экономическими, политическими, экологическими и иными качествами [1].

Береговые зоны составляют существенную часть природного и культурного мирового наследия. Однако из-за чрезмерной эксплуатации, недостаточно эффективного управления и масштабных изменений климата берега подвергаются серьезным природным и антропогенным нагрузкам, что приводит к сложным и часто непредсказуемым последствиям [2–5]. Это свидетельствует о необходимости выделения береговой эко-социо-экономической системы в отдельный объект комплексного изучения, включая оценку и прогноз ее состояния, устойчивости и тенденций развития.

Российская арктическая зона, в которой проживает менее 2 % населения страны, создает до 15 % ВВП России и обеспечивает около четверти экспорта. Это делает регион крайне важным для устойчивого развития страны и Союзного государства. В то же время следует отметить, что абсолютная большая часть населения и экономической активности в Арктике сосредоточена именно в береговой зоне, вдоль Северного морского пути, как инфраструктурной связующей Арктики [6–9].

Все это подчеркивает необходимость сохранения и дальнейшего развития арктических морехозяйственных комплексов. Научным инструментарием для обоснования реализации стратегических мероприятий устойчивого развития, направленных на выполнение перспективных инновационных проектов и кумулятивного эффекта в масштабах различных отраслей экономики Арктики, может быть информационно-аналитическая система поддержки принятия решений в виде модели стратегического пространственного планирования приморских эко-социо-экономических систем.

В работе предлагается методика комплексной оценки социально-экономического состояния и тенденций развития арктических береговых региональных эко-социо-экономических систем, на основе индикаторного подхода. Основной новизной при этом является рассмотрение данной проблематики с помощью аналитического, индикаторного и геоинформационного методов, с использованием анализа статистической информации, получаемой из открытых источников. В результате применения совокупности указанных методов и разработанной методики получается унифицированная и количественно обоснованная многофакторная оценка устойчивости. Это дает возможность не только проводить анализ полученных численных оценок факторов устойчивости, но и оценивать и анализировать тренды развития береговых эко-социо-экономических систем.

Методология комплексного анализа социально-экономического состояния и тенденций развития приморских региональных территориальных объектов. В разных странах применяются различные подходы к оценке устойчивости береговой эко-социо-экономической системы со всей совокупностью расположенной на ней инфраструктуры, включая воздействие последней на окружающую среду [2, 5, 10–13]. При этом практически для всех стран общим итогом проведения оценок устойчивости являются разработанные рекомендации в виде национальных и/или рамочных законов, законодательных актов, которые включают в том числе методы оценки устойчивости береговых эко-социо-экономических систем. На этой основе далее разрабатываются отдельные региональные либо территориальные нормативные методики, цель которых – учесть особенности данного региона для снижения негативного воздействия на береговую зону и окружающую среду.

Методика комплексной оценки социально-экономического состояния и тенденций развития приморских региональных территориальных объектов и анализа факторных составляющих может применяться для решения следующих задач [5, 6, 13–16]:

- изучение и приоритизация факторов территориальной организации природы и общества в рамках береговой эко-социо-экономической системы;
- исследование структуры и функциональных зависимостей между компонентами (факторами, признаками, индикаторами) устойчивости, которые могут объяснить основные характерные сущности внутрисистемных связей, формирующих непосредственно интегральную оценку устойчивости и изменчивости рассматриваемой береговой эко-социо-экономической системы;

- получение комплексной оценки устойчивости береговых эко-социо-экономических систем как численного параметра, отражающего устойчивость функционирования и социально-экономического развития системы под воздействием различных факторов;
- районирование и типологизация береговых эко-социо-экономических систем как территориальных систем;
- разработка принципов стратегического развития береговых эко-социо-экономических систем и построение оперативных планов преобразования;
- научное обоснование принципов управления береговой эко-социо-экономической системой, включая совокупность расположенных на ней инфраструктурных объектов и населения, как единым территориальным объектом.

Одним из самых удобных для восприятия и анализа методов изучения устойчивости и развития береговых систем признан индикаторный подход, который подразумевает использование различных систем индикаторов и объединяет разные подходы к оценке и прогнозам развития морехозяйственной деятельности. Использование индикаторного метода позволяет оценить состояние береговых систем, давая возможность показать иерархию регионов и дать прогноз их изменчивости и уязвимости.

При разработке системы и методов показателей расчета были сделаны следующие предположения для всех разработанных индикаторов [15, 17]:

- приведение значений индикаторов к пределам от -1 до +1 (максимально отрицательная и максимально положительная степень воздействия рассматриваемого параметра на систему, соответственно), что позволит снизить вклад сильно превалирующих индикаторов в общей факторной совокупности;
- отказ от использования каких-либо весовых функций при расчете интегральных показателей как совокупности отдельных индикаторов, что позволит избежать неоднозначности при оценке важности каждого индикатора;
- независимость (отсутствие взаимного влияния) индикаторов в рамках одного фактора устойчивости.

Факторные подсистемы модели стратегического пространственного планирования морехозяйственной деятельности приморских регионов. Динамическая модель стратегического пространственного планирования морехозяйственной деятельности приморских регионов на основе комплексного анализа устойчивости и развития береговых эко-социо-экономических систем представляет собой информационно-аналитическую систему обработки пространственной информации в целях прогнозирования морехозяйственной деятельности с учетом климатических, экологических, социально-экономических и геополитических изменений. Это предполагает использование комплексной индикаторной системы, состоящей из пяти факторных подсистем.

1. **Общэкономические факторы устойчивости (5 индикаторов).** Данная группа факторов учитывает уровень общэкономического развития региона, включая такие индикаторы, как валовой региональный продукт (ВРП), величину привлеченных инвестиций, уровень внешнеэкономической деятельности, величины экономического роста и роста промышленного производства.

2. **Социально-демографические факторы устойчивости (6 индикаторов).** Важность социально-демографического признака определяется в первую очередь возможностью оценки перспективности освоения рассматриваемой береговой системы и инфраструктуры с точки зрения наличия и возможности использования трудовых ресурсов, а также социальной комфортности проживания. Эта группа является определяющей в развитии береговых морехозяйственных комплексов, и, как следствие, каждого вида деятельности, а также учитывает такие параметры, как величина трудовых ресурсов, прирост населения, уровень безработицы, обеспеченность населения объектами образования и здравоохранения, уровень заработной платы и индекс Джини.

3. **Ресурсно-отраслевые факторы устойчивости (6 индикаторов).** Степень и вариативность освоения и использования ресурсов определяется социально-экономическими потребностями общества и часто характеризуется крайней неравномерностью и зависимостью от природных и общественных факторов. Выделяя укрупненные направления развития береговых морехозяйственных комплексов, данная группа учитывает такие параметры, как уровень развитости отрасли добычи полезных ископаемых, добычи и производства биоресурсов, величина

грузооборота портовых хозяйств, уровень развитости обрабатывающей промышленности, уровень туристической значимости и уровень развитости наземной инфраструктуры.

4. Природно-экологические факторы устойчивости (5 индикаторов). Неотъемлемость природно-экологической группы факторов устойчивости береговых систем и соответствующей береговой инфраструктуры обуславливается тем, что природно-географическая среда является сложным образованием, которое оказывает сильнейшее воздействие на развитие и сохранение береговой эко-социо-экономической системы в целом. Данная группа учитывает такие параметры, как величина площади особоохраняемых природных территорий (далее – ООПТ) региона, уровень загрязнения атмосферы и выбросов сточных вод, затрат на охрану окружающей среды и заболеваемости населения региона.

5. Политико-географические факторы устойчивости (5 индикаторов). Сущность данной группы факторов, являющейся частью политической регионалистики, есть определение пространственной (территориальной) организации политической жизни общества и социально-политических (политико-географических) систем и их внутренней структуры на социально-экономическом пространстве береговых эко-социо-экономических систем с учетом комфортности обитания человека. Данная группа учитывает такие параметры, как степень внутриполитической устойчивости в регионе, уровень миграции, степень береговой концентрации проживающего населения, уровень дозируемости региона и преступности в регионе.

Рассмотрение арктических регионов накладывает свои особенности в выборе параметров для каждого из определенных выше факторов устойчивости. Комплексный интегральный показатель оценки устойчивости региона рассчитывается как среднее из всех 27 показателей, являясь комплексным индикатором, получаемым для каждого арктического регионального образования. При этом методика расчета индикаторов делает возможным проведение оценки отдельных индикаторов устойчивости и развития относительно общероссийского уровня, что позволяет оценивать состояние и уровень развития арктического региона (субъекта Российской Федерации) в целом. Методики расчета индикаторов и комплексного показателя рассмотрены в работе [17].

Отметим, что учет указанных параметров и факторов даст возможность проведения комплексной оценки текущей устойчивости арктического региона, включающую в себя не только комплексный показатель, но и комплексные покомпонентные факторные оценки устойчивости.

Оценка социально-экономического состояния и тенденций развития арктических приморских субъектов Российской Федерации. В качестве арктического приморского региона рассматривалось территориальное образование, объединяющее береговую составляющую и прилегающую морскую акваторию. Всего были проанализированы 8 арктических регионов: Мурманская область; Республика Карелия; Архангельская область; Ненецкий автономный округ; Ямало-Ненецкий автономный округ; Красноярский край; Республика Саха (Якутия); Чукотский автономный округ.

Сухопутные границы каждого арктического приморского региона определялись согласно Указу Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 02.05.2014 № 296, с учетом поправок от 27.06.2017 № 287 и от 13.05.2019 № 220. Согласно этим определениям, для Республики Карелия, Архангельской области, Красноярского края и Республики Саха (Якутия) при расчете индикаторов и интегральных показателей принимались поправки на частичное (несколько муниципальных образований районного уровня управления) территориальное вхождение данных субъектов Российской Федерации в Арктическую зону Российской Федерации (далее – АЗРФ).

В качестве исходных данных использовалась статистическая информация из открытых источников за 2006, 2011, 2016 и 2018 гг., что позволило также оценить тенденции изменчивости обстановки в арктических регионах по отдельным факторам.

При анализе общеэкономического индекса устойчивости в 2018 г. (рис. 1) было выявлено, что в наихудшем положении из всех арктических регионов находится Республика Карелия (значение индекса составляет -0,50), что связано с отрицательными значениями всех индикаторов, кроме индикатора роста промышленного производства. Наилучшие показатели экономической устойчивости имеет Ямало-Ненецкий АО (величина индекса составляет 0,87), для которого только значение индикатора внешнеэкономической деятельности меньше максимального значений +1.

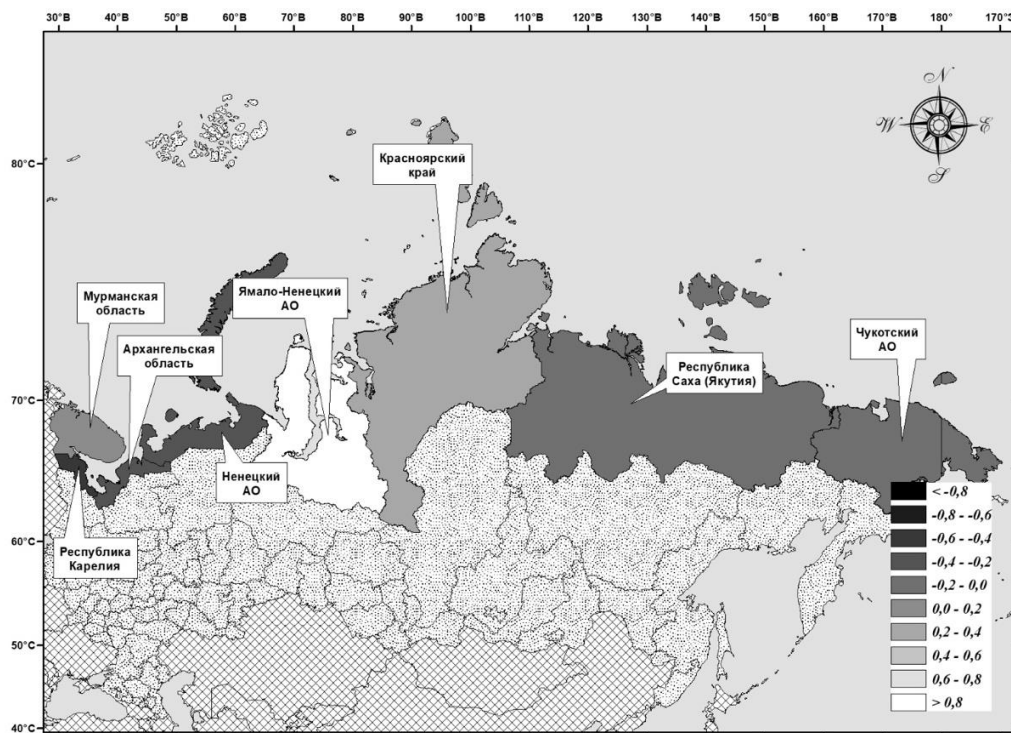

Рисунок 1 – Общеэкономический индекс устойчивости арктических приморских регионов Российской Федерации, 2018 г.

Положительный общеэкономический индекс устойчивости в 2018 г. также имеют Красноярский край (величина индекса составляет 0,29) и Мурманская область (индекс равен 0,10). Однако, не смотря на достаточно высокие показатели общеэкономического индекса устойчивости, у Красноярского края положение самое благоприятное по индикаторам экономического роста и роста промышленного производства, в то время как индикаторы ВРП и внешнеэкономической деятельности говорят о неустойчивости экономической ситуации. По индикатору ВРП это, в частности, связано с невысокой экономической активностью арктических районов края. На данном фоне общеэкономический индекс устойчивости Мурманской области, хотя и имеет меньшее значение, но, в то же время, является более устойчивым за счет объема ВРП и внешнеэкономической деятельности, и также регион – один из лидеров по привлеченным инвестициям. Отрицательный общеэкономический индекс устойчивости в 2018 г. имеют Архангельская область (индекс равен -0,26) и Ненецкий АО (величина индекса составляет -0,20). Значения общеэкономического индекса устойчивости для Республики Саха (Якутия) и Чукотского АО чуть меньше 0 (значения индекса равны -0,04). Для Ненецкого АО на кризис указывают индикаторы экономического роста и роста промышленного производства, которые отрицательны в абсолютных величинах, а также внешнеэкономическая деятельность. Также отрицательные индикаторы роста зафиксированы для Чукотского АО.

Социально-демографический индекс устойчивости в 2018 г. показывает наиболее стабильное положение у Ямало-Ненецкого АО (величина индекса составляет 0,40) и Чукотского АО (величина индекса составляет 0,42) (рис. 2). Это достигается за счет положительных значений всех индикаторов кроме показателей обеспеченности объектами образования и здравоохранения и распределения дохода (индекс Джини) в Ямало-Ненецком АО.

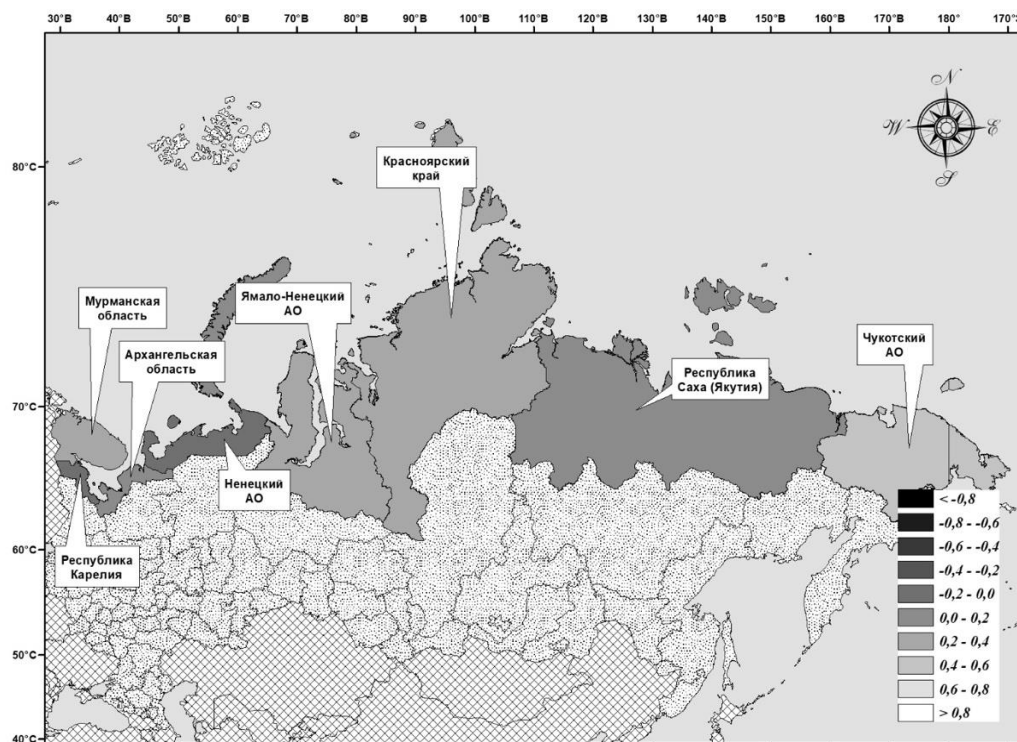

Рисунок 2 – Социально-демографический индекс устойчивости арктических приморских регионов Российской Федерации, 2018 г.

Высокие значения в Мурманской области (величина индекса составляет 0,22) и Красноярском крае (величина индекса составляет 0,21) обусловлены относительной устойчивостью регионов по всем показателям, за исключением показателя безработицы, которая имеет довольно высокие значения в этих субъектах. Республика Саха (Якутия) и Архангельская область также имеют положительные значения социально-демографического индекса устойчивости: 0,13 и 0,05 соответственно. Более низкие величины рассматриваемого показателя связаны, с одной стороны с нехваткой квалифицированных трудовых ресурсов, а с другой – с высоким уровнем безработицы. Также на Архангельскую область свое негативное влияние оказывают низкие демографические показатели (низкая рождаемость и высокая смертность населения), и ее недостаточное обеспечение объектами образования и здравоохранения. Наименее устойчивыми являются социально-демографические индексы в Республике Карелия (величина индекса составляет -0,06) и в Ненецком АО (индекс равен -0,03), в которых в большей мере, чем в рассмотренных выше арктических регионах, ощущается нехватка квалифицированных трудовых ресурсов и высокий уровень безработицы. В Республике Карелия ухудшение ситуации также связано с низкими демографическими показателями, главным образом в арктических районах.

Существующее в 2018 г. положение по ресурсно-отраслевому направлению демонстрирует довольно сложную ситуацию во всех регионах АЗРФ, с наименьшими показателями менее -0,3 в Республике Саха (Якутия) (ресурсно-отраслевой индекс устойчивости составляет -0,49), Ненецком АО (индекс равен -0,48), Чукотском АО (индекс равен -0,45), Архангельской области (индекс равен -0,43), Ямало-Ненецком АО (индекс равен -0,33) (рис. 3).

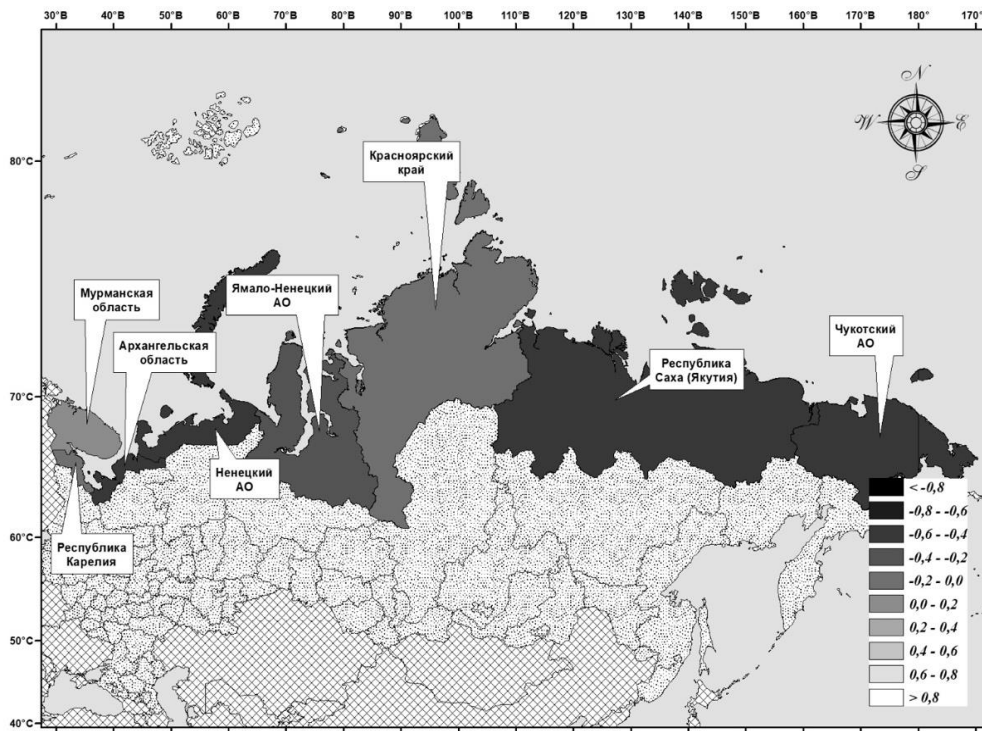

Рисунок 3 – Ресурсно-отраслевой индекс устойчивости арктических приморских регионов Российской Федерации, 2018 г.

Данная ситуация связана с низкими значениями грузооборота портовых хозяйств, слабо развитой промышленностью (кроме Архангельской области), низким уровнем развития наземной инфраструктуры, низкой туристической привлекательностью регионов и почти полным отсутствием добычи и производства биоресурсов. Такое положение не спасает даже высокий уровень добычи полезных ископаемых (кроме Архангельской области, где значение данного показателя невелико).

Немного более устойчиво выглядит ресурсно-отраслевая ситуация в оставшихся регионах АЗРФ, в Мурманской области (ресурсно-отраслевой индекс устойчивости составляет 0,00, самое высокое значение среди всех арктических приморских регионов), Республике Карелия (индекс равен -0,09) и Красноярском крае (индекс равен -0,17). В Мурманской области такая картина стала возможна в первую очередь благодаря высокому грузообороту портовых хозяйств, хотя значения всех остальных индикаторов отрицательные, но без кризисных значений -1. В Республике Карелия ситуация относительно благоприятная в связи с высокой туристической значимостью региона, положительными значениями индикаторов ресурсов полезных ископаемых и промышленности. Для Красноярского края свое положительное влияние оказывают положительные значения индикаторов добычи полезных ископаемых и развитости промышленного производства.

Рассматривая ситуацию в регионах по природно-экологическому индексу устойчивости в 2018 г., обращаем внимание на то, что, в целом, в АЗРФ положение нестабильное (рис. 4).

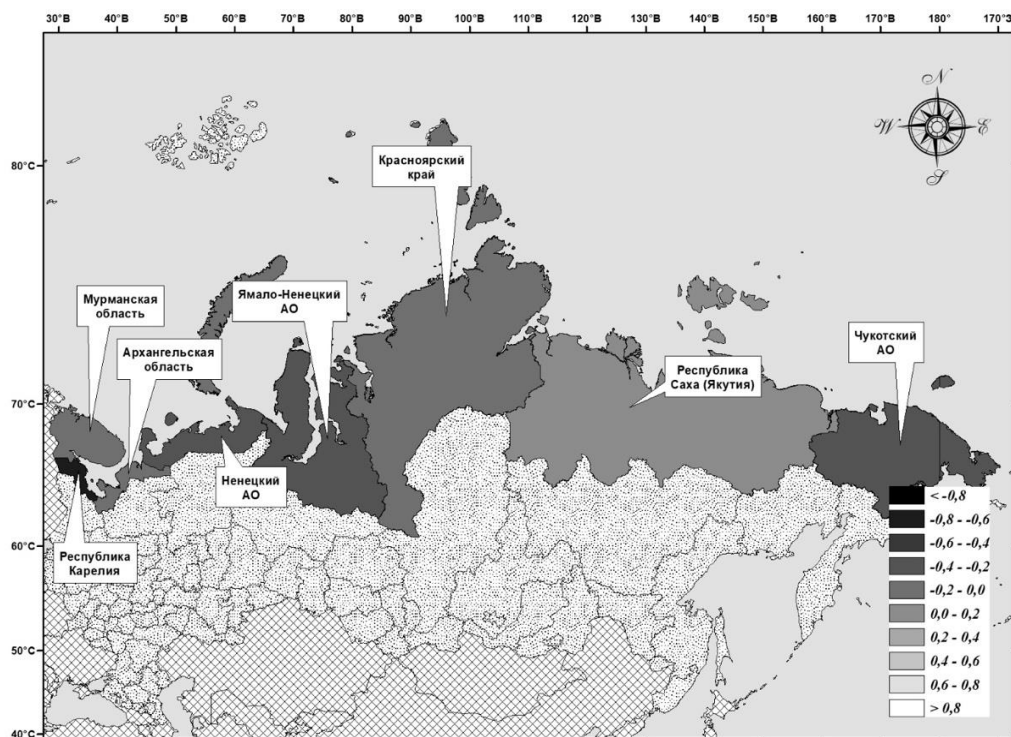

Рисунок 4 – Природно-экологический индекс устойчивости арктических приморских регионов Российской Федерации, 2018 г.

Худшая ситуация наблюдается в Республике Карелия (индекс имеет величину $-0,65$). В этом единственном регионе все индикаторы имеют отрицательные значения, но наибольший отрицательный вклад вносят загрязнения региона сточными водами, загрязнение атмосферы и малые площади ООПТ. Наиболее благоприятная ситуация сложилась в республике Саха (Якутия), где природно-экологический индекс устойчивости имеет положительную величину $0,12$. Такая ситуация стала возможной благодаря большим территориям ООПТ, незначительных показателей загрязнения региона и арктических районов сточными водами и достаточно больших вложений субъекта на мероприятия по охране окружающей среды.

Остальные субъекты имеют отрицательные значения рассматриваемого индекса устойчивости. Наибольшее негативное влияние на природно-экологический индекс устойчивости в 2018 г. на все эти регионы оказали индикаторы загрязнения атмосферы и уровень заболеваемости населения. Также свою отрицательную роль в природно-экологическом индексе устойчивости Красноярского края сыграло низкое значение индикатора площади ООПТ, что значительно снизило положительный вклад высоких затрат на охрану окружающей среды. В Архангельской и в Мурманской областях отрицательного влияния на индекс устойчивости к уже указанным добавило загрязнение сточными водами. В Ненецком АО снижению природно-экологического индекса устойчивости поспособствовал также низкий уровень затрат на охрану окружающей среды.

Политико-географический индекс устойчивости показывает комфортность проживания человека в зависимости от социально-политической устойчивости в регионе (рис. 5).

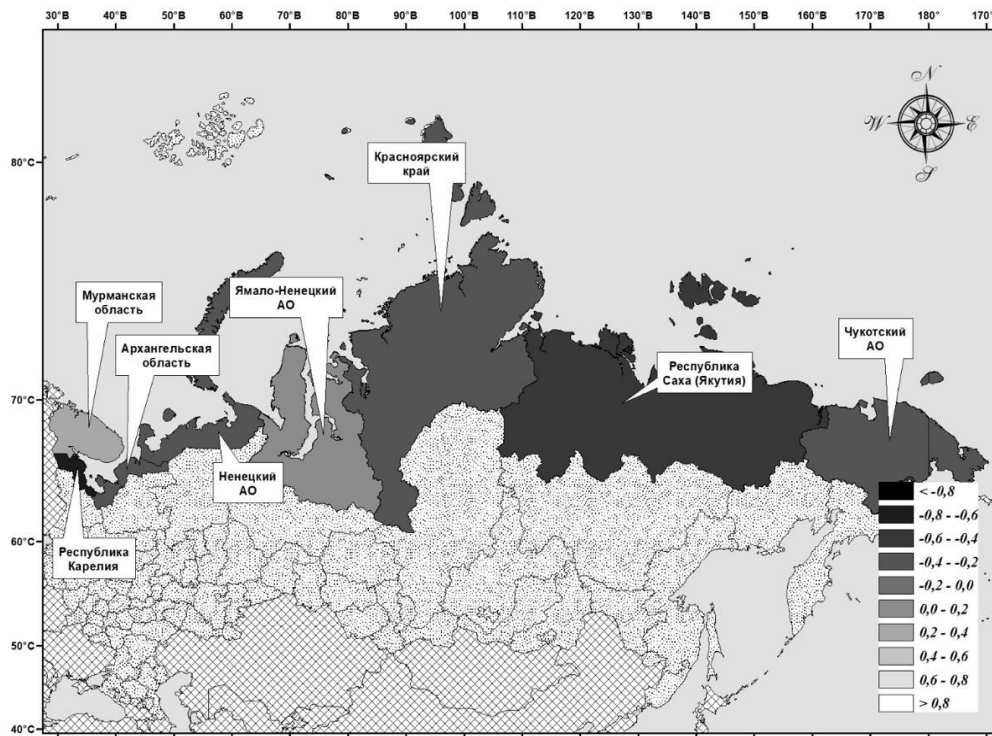

Рисунок 5 – Политико-географический индекс устойчивости арктических приморских регионов Российской Федерации, 2018 г.

В 2018 г. наименьшая устойчивость наблюдалась в Республике Карелия (индекс имеет величину $-0,67$), причиной чему являются отрицательные значения всех показателей, особенно индикаторов концентрации населения и дотируемости региона, близких к -1 . Республика Саха-Якутия также имеет отрицательное значение индекса ($-0,45$) и неблагоприятную ситуацию по всем показателям за исключением уровня преступности, который в регионе является максимальным среди всех арктических субъектов. В Красноярском крае индекс имеет величину ($-0,32$), что связано с относительно высоким уровнем преступности и крайне низкой концентрацией населения в арктических районах. Положительные значения политико-географического индекса устойчивости регистрируются для Мурманской области (индекс равен $0,21$) и Ямало-Ненецкого АО ($0,18$). Это связано с низким уровнем дотируемости регионов (как и для Ненецкого АО) и низким уровнем преступности. Также для политико-географический устойчивости Мурманской области положительное влияние оказывает высокая береговая концентрация населения, а для Ямало-Ненецкого АО – устойчивость политической ситуации в регионе. Остальные области имеют близкие отрицательные величины индекса устойчивости: $-0,26$ для Архангельской области, $-0,24$ для Ненецкого АО и $-0,22$ для Чукотского АО. Причины таких величин для каждого региона свои:

- в Архангельской области это связано с высокой дотируемостью региона и значительным оттоком населения, главным образом из арктических районов;
- в Ненецком АО свою негативную роль главным образом сыграли такие факторы, как отток населения и малая концентрация населения;
- в Чукотском АО отрицательное воздействие на устойчивость оказали главным образом низкая концентрации населения и высокие значения дотаций региону. При этом все остальные значения индикаторов положительные.

Рассматривая совокупность всех полученных индексов устойчивости и вычисляя на их основе комплексный индекс устойчивости, в 2018 г. из всех регионов АЗРФ наиболее устойчивыми арктическими субъектами являются Ямало-Ненецкий АО и Мурманская область (рис. 6). Эти субъекты имеют положительные значения комплексного индекса устойчивости, $0,18$ и $0,08$. При этом для Мурманской области только природно-экологический индекс имеет значение ниже нуля.

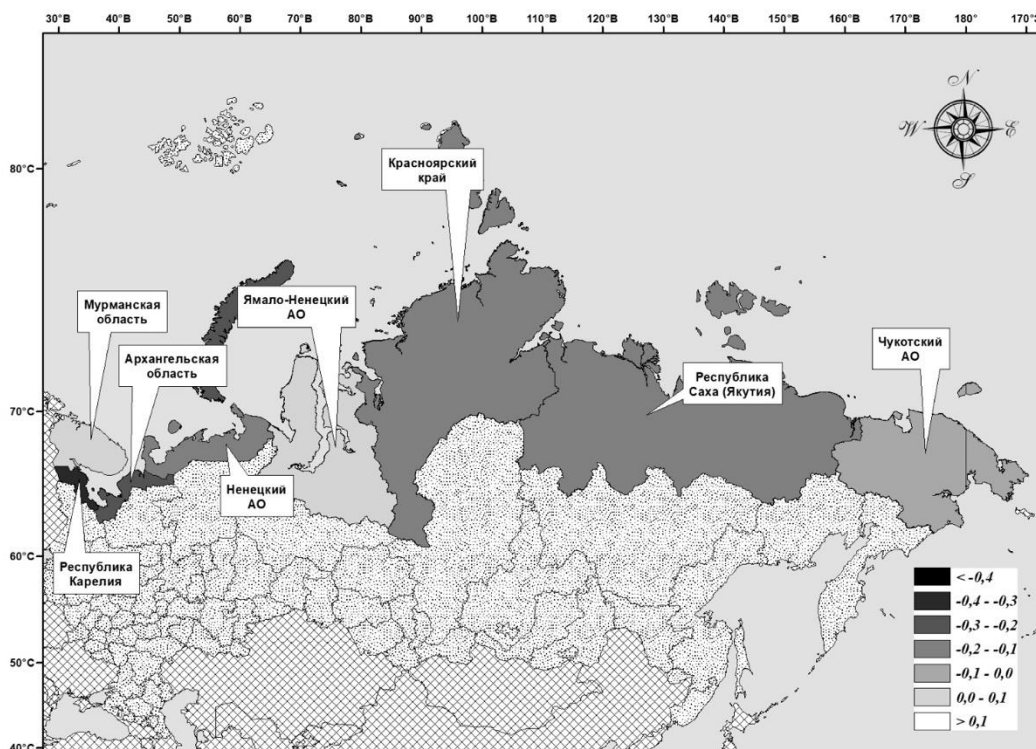

Рисунок 6 – Комплексный индекс устойчивости арктических приморских регионов Российской Федерации, 2018 г.

Отрицательные, но близкие к нулю значения комплексного индекса устойчивости имеют Красноярский край и Чукотский АО, с величинами $-0,01$ и $-0,09$, соответственно. Республика Саха (Якутия), Ненецкий АО и Архангельская область также обладают отрицательными значениями комплексного индекса устойчивости, и основными негативными индексами для этих трех регионов являются ресурсно-отраслевой и политико-географический, говорящие об односторонности либо неразвитости отраслей экономики и некомфортной социально-политической ситуации. Наиболее неблагоприятная ситуация наблюдается в Республике Карелия, величина комплексного индекса устойчивости для которой составляет $-0,38$, и значения всех индексов устойчивости (как и для Ненецкого АО) являются отрицательными.

Рассматривая изменчивость комплексного индекса устойчивости за период с 2006 по 2018 гг., можно увидеть, что, в период с 2006 по 2016 гг. для регионов АЗРФ в основном наблюдался рост устойчивости (рис. 7). В указанный период такие регионы, как Республика Карелия, Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО и Республика Саха (Якутия) демонстрировали неуклонный рост комплексного индекса устойчивости. Мурманская область и Чукотский АО также показывали рост после некоторого спада в 2011 г., а Архангельская область и Красноярский край демонстрировали достаточно резкий рост в период 2006–2008 гг. и стабильность в 2011 г.

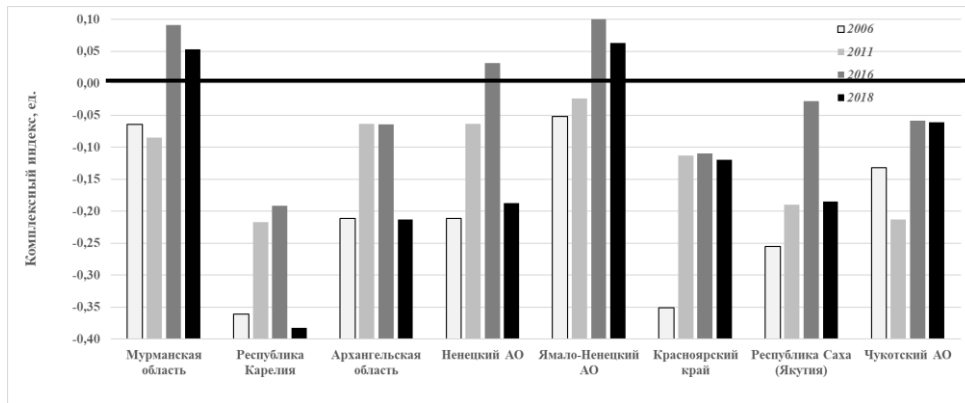

Рисунок 7 – Изменчивость значений комплексного индекса устойчивости арктических приморских регионов Российской Федерации, за период 2006–2018 гг.

Однако в 2018 г. все арктические регионы показали снижение комплексного индекса устойчивости. По сравнению с 2016 г. из всех регионов АЗРФ наибольшую устойчивость демонстрируют Ямало-Ненецкий АО и Мурманская область, что связано с достаточно высокими значениями рассмотренных индексов. Однако незначительное падение комплексного индекса устойчивости на 0,06 и 0,04 единицы, соответственно, связано в Ямало-Ненецком АО с ухудшением природно-экологического индекса, что не смогло компенсироваться улучшением политико-географического и общеэкономического индексов устойчивости, а для Мурманской области – со значительным падением общеэкономического и ресурсно-отраслевого индексов устойчивости, что не компенсировалось улучшением политико-географического индекса.

Чукотский АО – единственный арктический регион, который сохранил значение комплексного индекса устойчивости, что произошло благодаря компенсации резкого падения общеэкономического индекса улучшением ресурсно-отраслевого и политико-географического индексов с величиной индекса -0,06 в 2018 г., который с 2016 г. упал со значения 0,01.

Самое значительное ухудшение ситуации в Ненецком АО и падение значения комплексного индекса устойчивости на 0,22 единицы связано с резким падением общеэкономической устойчивости, а также ресурсно-отраслевого и политико-географического индексов.

Наиболее неустойчивый арктический регион – Республика Карелия – также еще больше снизила значение устойчивости на 0,19 единицы, главным образом за счет сильного падения природного-экологического индекса устойчивости, а также снижения общеэкономической и ресурсно-отраслевой устойчивости.

Достаточно существенное снижение комплексной устойчивости для Архангельской области и Республики Саха (Якутия) сформировано, прежде всего, падением ресурсно-отраслевого индекса устойчивости для первого региона, и общеэкономического индекса устойчивости – для второго.

Выводы. Представленная динамическая прогностическая модель стратегического пространственного планирования морехозяйственной деятельности арктических регионов на основе комплексного анализа устойчивости береговых эко-социо-экономических систем может быть использована не только с целью оценки текущей ситуации, но и для кратко-, средне- и долгосрочного прогнозирования морехозяйственной деятельности с учетом климатических, экологических, экономических и геополитических изменений.

Благодаря индикаторному подходу и применению данной методики использования численных статистических параметров появляется возможность получения количественных оценок как по отдельным факторам устойчивости, так и по их совокупности в виде комплексного интегрального показателя устойчивости береговой эко-социо-экономической системы. Такое представление позволяет проводить:

- пофакторный анализ устойчивости береговой эко-социо-экономической системы с выделением «слабых» и «сильных» факторов устойчивости;
- пространственный анализ различных береговых систем одного пространственного уровня (регион, район, локальное образование и т. д.) с выявлением устойчивых (узловых) и неустойчивых береговых систем;

– временной анализ с выявлением трендов изменчивости и прогнозом состояния береговой эко-социо-экономической системы как в целом, так и по факторам устойчивости.

Результаты расчетов и анализа комплексной и пофакторной устойчивости арктических приморских регионов показали применимость данной модели для возможности проведения ретроспективного анализа и прогноза развития морехозяйственного комплекса, в том числе для различных сценариев социально-экономического развития регионов Арктики. Реализация модели в виде ГИС-оболочки «Арктические береговые эко-социо-экономические системы» позволит осуществлять пространственное территориальное планирование и давать прогноз устойчивого развития арктических береговых эко-социо-экономических систем в целях обеспечения национальных интересов с учетом средне- и долгосрочных экологических и социально-экономических изменений, а также повысить эффективность принятия управленческих решений.

Список использованных источников

1. Айбулатов, Н. А. Деятельность России в прибрежной зоне моря и проблемы экологии / Н. А. Айбулатов. – М. : Наука, 2005. – 364 с.
2. Дворцова, Е. Н. Прибрежные территории: зарубежный опыт хозяйственного освоения и управления / Е. Н. Дворцова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2010. – № 7. – С. 13–18.
3. Берега / П. А. Каплин [и др.]. – М. : Мысль, 1991. – 479 с.
4. Научные основы прогнозирования и прогнозные показатели социально-экономического и научно-технологического развития России до 2030 года с использованием критериев стратегических рисков / Н. А. Махмутов [и др.]. – М. : ИНЭС-ИЭС, 2011. – 136 с.
5. Bowen, R. E. Socio-economic indicators and integrated coastal management / R. E. Bowen, C. Riley // *Ocean & Coastal Management. Special issue: the role of indicators in integrated coastal management.* – 2003. – Vol. 46. – № 3–4. – Pp. 299–312. [https://doi.org/10.1016/S0964-5691\(03\)00008-5](https://doi.org/10.1016/S0964-5691(03)00008-5)
6. Баландин, Д. А. Приоритеты пространственного развития арктических территорий / Д. А. Баландин, Е. Д. Баландин, А. Н. Пыткин // *Экономические отношения.* – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 1735–1746. <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40926>
7. Лаженцев, В. Н. Социально-экономическое пространство и территориальное развитие севера и Арктики России / В. Н. Лаженцев // *Экономика региона.* – 2018. – Т. 14. – № 2. – С. 353–365. <https://doi.org/10.17059/2018-2-2>
8. Порфирьев, Б. Н. Роль технологической модернизации в формировании социально ориентированной экономики и обеспечении устойчивого развития российской Арктики / Б. Н. Порфирьев, В. Н. Лексин // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие).* – 2017. – Т. 8. – № S4 (32). – С. 629–639. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2017.8.4.629-639>
9. Landauer, M. Loss and Damage in the Rapidly Changing Arctic / M. Landauer, S. Juhola // *Loss and Damage from Climate Change. Climate Risk Management, Policy and Governance.* – Springer International Publishing, 2019. – Pp. 425–447.
10. Belfiore, S. The growth of integrated coastal management and the role of indicators in integrated coastal management: introduction to the special issue / S. Belfiore // *Ocean & Coastal Management. Special issue: the role of indicators in integrated coastal management.* – 2003. – Vol. 46. – № 3–4. – P. 225–234. [https://doi.org/10.1016/S0964-5691\(03\)00005-X](https://doi.org/10.1016/S0964-5691(03)00005-X).
11. Ehler, C. Marine spatial planning A step-by-step approach toward ecosystem-based management / C. Ehler, F. Douvère. – Paris: UNESCO IOC, 2009. – 99 p.
12. Kosyan, R. D. Coastal zone – Terra (and aqua) incognita, Integrated Coastal Zone Management in the Black Sea Estuarine / R. D. Kosyan, V. N. Velikova // *Estuarine, Coastal and Shelf Science.* – Elsevier Ltd., 2016. – P. A1–A16. <https://doi.org/10.1016/j.ecss.2015.11.016>
13. Silva, M. C. Environmental Indicators as Management Tools of Estuaries Methodology and the Case Study of the Tejo Estuary / M. C. Silva, A. C. Rodrigues // *Littoral 2002: Proceedings of the 6th International Multi-Disciplinary Symposium on Coastal Zone Research, Management and Planning. September 22-26, 2002, Porto, Portugal.* – Vol. 1. – Pp. 193–204.
14. Гогоберидзе, Г. Г. Морские портово-промышленные комплексы как ключевые экономические субъекты приморских территориальных узлов / Г. Г. Гогоберидзе, М. А. Мамаева // *Проблемы современной экономики.* – 2011. – № 4. – С. 291–294.

15. Gogoberidze, G. Tools for comprehensive estimate of coastal region marine economy potential and its use for coastal planning / G. Gogoberidze // Journal of Coastal Conservation. – 2012. – Vol. 16. – Iss. 3. – Pp. 251–260. <https://doi.org/10.1007/s11852-011-0155-2>.
16. Kuroda, K. Classification of Coastal Zone by multivariate Analysis. In: Coastlines of Japan II / K. Kuroda, T. Nanaura. – New York: American Society of Civil Engineers, 1993. – Pp. 83–92.
17. Гогоберидзе, Г. Г. Методика комплексной оценки устойчивости береговых эко-социо-экономических систем на основе индикаторного подхода / Г. Г. Гогоберидзе, Р. Д. Косьян, Е. А. Румянцева // Экологическая безопасность прибрежной и шельфовой зон моря. – 2020. – № 3. – С. 122–141. <https://doi.org/10.22449/2413-5577-2020-3-122-141>.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2021 года

INDICATOR APPROACH FOR ANALYSIS OF THE SOCIO-ECONOMIC STATE AND DEVELOPMENT TRENDS OF THE ARCTIC COASTAL REGIONS

G. G. Gogoberidze

gogoberidze.gg@gmail.com

Doctor of Economics,

Lead research fellow, Head of International research center

Murmansk Arctic State University

Murmansk, Russia

V. E. Levkevich

Doctor of Technical Sciences, Professor,

Professor of the department “Water supply and sewerage”

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

E. A. Rumiantceva

runkate@rambler.ru

PhD in Physics and Mathematical Sciences, Senior research fellow

Murmansk Arctic State University

Murmansk, Russia

T. V. Serhiyevich

PhD in Economics, Associate Professor,

Associate Professor of the Department “Economics and Law”

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The Arctic zone is a strategically important region for the sustainable development of the Russian Federation and the Union State. At the same time, an absolutely large part of the population and economic activity in the Arctic is concentrated in the coastal zone. For the effective decision-making process support on the sustainable development of Arctic regions, it is necessary to develop scientific justifications for the implementation of Arctic strategies. As a such tool an information and analytical system can be used in the form of a model of strategic spatial planning of Arctic coastal eco-socio-economic systems based on an indicator approach. The current state and trends of socio-economic development of the Arctic coastal regions of Russia are analyzed as an approbation of this model.

Keywords: socio-economic development, integrated analysis, coastal eco-socio-economic system, Arctic, indicator approach.

References

1. Aibulatov, N. A. (2005) *Deyatel'nost' Rossii v pribrezhnoi zone morya i problemy ekologii* [Russia's activities in the marine coastal zone and environmental problems]. Moscow, Nauka. (In Russian)
2. Dvortsova, E. N. (2010) *Pribrezhnye territorii: zarubezhnyi opyt khozyaistvennogo osvoeniya i upravleniya* [Coastal territories: foreign experience of economic development and management]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*. 7. 13-18. (In Russian)
3. Kaplin, P. A., Leont'ev, O. K., Luk'yanova, S. A., Nikiforov, L. G. (1991) *Berega* [Coasts]. Moscow, Mysl'. (In Russian)

4. Makhmutov, N. A., Kuzyk, B. N., Abrosimov, N. V., Akhmetkhanov, R. S., Baranov, V. V., Gadenin, M. M., Kuksova, V. I., Maslennikova, A. V., Petrov, V. P., Reznikov, D. O., Dubinin, E. F., Karepova, E. I., Prelov, V. V., Yudina, O. N. (2011) *Nauchnye osnovy prognozirovaniya i prognozyne pokazateli sotsial'no-ekonomicheskogo i nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossii do 2030 goda s ispol'zovaniem kriteriev strate-gicheskikh riskov* [Scientific bases of prediction and forecast indicators of socio-economic and scientific-technological development of Russia until 2030 using strategic risks criteria]. Moscow, INES-IES. (In Russian)
5. Bowen, R. E. (2003) Socio-economic indicators and integrated coastal management. *Ocean & Coastal Management. Special issue: the role of indicators in integrated coastal management*. 46 (3-4), 299-312. [https://doi.org/10.1016/S0964-5691\(03\)00008-5](https://doi.org/10.1016/S0964-5691(03)00008-5).
6. Balandin, D. A., Balandin, E. D., Pytkin, A. N. (2019) Prioritety prostranstvennogo razvitiya arkticheskikh territorii [The priorities of spatial development of the Arctic territories]. *Journal of international economic affairs*. 9 (3), 1735-1746. <https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40926>. (In Russian)
7. Lazhentsev, V. N. (2018) Sotsial'no-ekonomicheskoe prostranstvo i territorial'noe razvitie severa i Arktiki Rossii [Socio-economic space and territorial development of the North and the Arctic of Russia]. *Economy of region*. 14 (2), 353-365. <https://doi.org/10.17059/2018-2-2>. (In Russian)
8. Porfir'ev, B. N., Leksin, V. N. (2017) Rol' tekhnologicheskoi modernizatsii v formirovanii sotsial'no orientirovannoi ekonomiki i obespechenii ustoichivogo razvitiya rossiiskoi Arktiki [Drifting to socially-oriented economy and sustainable development of the Russian Arctic: the input of technological modernization]. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 8 (S4, 32), 629-639. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2017.8.4.629-639>. (In Russian)
9. Landauer, M., Juhola, S. (2019) Loss and Damage in the Rapidly Changing Arctic. In: *Loss and Damage from Climate Change. Climate Risk Management, Policy and Governance*. Springer International Publishing, 425-447.
10. Belfiore, S. (2003) The growth of integrated coastal management and the role of indicators in integrated coastal management: introduction to the special issue. *Ocean & Coastal Management. Special issue: the role of indicators in integrated coastal management*. 46 (3-4), 225-234. [https://doi.org/10.1016/S0964-5691\(03\)00005-X](https://doi.org/10.1016/S0964-5691(03)00005-X).
11. Ehler, C., Douvère, F. (2009) *Marine spatial planning A step-by-step approach toward ecosystem-based management*. Paris, UNESCO IOC.
12. Kosyan, R. D., Velikova, V. N. (2016) Coastal zone – Terra (and aqua) incognita, Integrated Coastal Zone Management in the Black Sea Estuarine. In: *Estuarine, Coastal and Shelf Science*. Elsevier Ltd., A1–A16. <https://doi.org/10.1016/j.ecss.2015.11.016>.
13. Silva, M. C., Rodrigues, A. C. (2002) Environmental Indicators as Management Tools of Estuaries Methodology and the Case Study of the Tejo Estuary. *Littoral 2002: Proceedings of the 6th International Multi-Disciplinary Symposium on Coastal Zone Research, Management and Planning. September 22-26, 2002, Porto, Portugal*. 1, 193-204.
14. Gogoberidze, G., Mamaeva, M. (2011) Morskie portovo-promyshlennye komplekсы kak klyuchevye ekonomicheskie sub"ekty primorskikh territorial'nykh uzlov [Marine port industrial complexes as key economic subjects of the seaside territorial junctures]. *Problemy sovremennoi ekonomiki [Modern economy problems]*. 4, 291-294. (In Russian)
15. Gogoberidze, G. (2012) Tools for comprehensive estimate of coastal region marine economy potential and its use for coastal planning. *Journal of Coastal Conservation*. 16 (3), 251-260. <https://doi.org/10.1007/s11852-011-0155-2>.
16. Kuroda, K., Nanaura, T. Classification of Coastal Zone by multivariate Analysis. In: *Coastlines of Japan II*. New York, American Society of Civil Engineers, 83-92.
17. Gogoberidze, G. G., Kosyan, R. D., Rumiantceva E. A. (2020) Metodika kompleksnoi otsenki ustoichivosti beregovykh eko-sotsio-ekonomicheskikh sistem na osnove indikatornogo podkhoda [Method for comprehensive assessment of stability of coastal eco-socio-economic systems on the indicator approach]. *Ekologicheskaya bezopasnost' pribrezhnoi i shel'fovoi zon morya [Environmental safety of the coastal and offshore marine zone]*. 3, 122-141. <https://doi.org/10.22449/2413-5577-2020-3-122-141>. (In Russian)

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

УДК 330.341.1

JEL D24, D83, O14, O33

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-101-109>**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА
ПРИМЕНЕНИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ****М. П. Сташевская**

m.stashevskaya@bntu.by

аспирант кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена исследованию формирования организационно-экономического механизма применения больших данных. Рассматриваются факторы, которые оказали влияние на его формирование, показываются особенности трудовых отношений, отношений собственности, потребностных отношений и отношений социально-экономического определения поведения субъектов в цифровой экономике. Демонстрируется, что обстоятельства становления организационно-экономического механизма применения больших данных и специфические черты отношений в условиях цифровой экономики определяют особенности этого механизма, состоящие в его низкой степени институциональной формализованности, виртуальности, гиперсвязности и многомерности.

Ключевые слова: большие данные, применение больших данных, цифровая экономика, экономическая система, экономический механизм, организационно-экономический механизм применения больших данных, цифровая платформа, информационно-коммуникационные технологии, цифровые технологии.

Цитирование: Сташевская, М. П. Теоретические основы формирования организационно-экономического механизма применения больших данных / М. П. Сташевская // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 101–109. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-101-109>

Введение. В качестве самостоятельной экономической категории организационно-экономический механизм применения больших данных в экономической литературе не выделялся и не рассматривался. Для выработки теоретических основ формирования этого механизма использовались работы Н. В. Герасимова [1], С. Ю. Солодовникова [2–7], посвященные исследованию экономической системы; И. З. Гелисханова, Т. Н. Юдиной, А. В. Бабкина [8], отражающие вопросы развития цифровой экономики; В. В. Богатыревой, М. Ю. Бобрик, Т. В. Сергиевич [9], показывающие особенности отношений, складывающихся в условиях цифровой экономики; С. Ю. Глазьева [10], Б. В. Сорвирова [11], демонстрирующие влияние информационно-коммуникационных технологий на экономическое развитие. Последовательное изучение влияния информационно-коммуникационных технологий на экономику показывает, что оформление организационно-экономического механизма применения больших данных происходит в условиях цифровой экономики. Под влиянием цифровизации происходит формирование новой подсистемы в экономической системе общества – организационно-экономического механизма применения больших данных. Его созданию предшествует несколько этапов развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий, ключевыми из которых становятся те, которые направлены на обработку больших данных. Всесторонняя направленность распространения цифровых технологий определяет особенности отношений, складывающихся в условиях цифровой экономики и в самом исследуемом механизме.

Результаты и их обсуждение. Организационно-экономический механизм применения больших данных представляет собой систему (подсистему) социально-экономической системы общества, сформированной в условиях цифровой экономики. Функционирование этого механиз-

ма направлено на обеспечение и поддержание деятельности внутри экономической системы, которая представляет собой «единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно самостоятельный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение, социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества и создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни» [1, с. 25–26].

Представление организационно-экономического механизма применения больших данных как системы предполагает определение этой категории и ее внутренней структуры. Под системой нами вслед за С. Ю. Солодовниковым понимается «комплексное целое, которое состоит из множества элементов, объединенных различными взаимосвязями и обособленными от того, что их окружает, какими-либо границами» [2, с. 7]. «В качестве центральных категорий при исследовании систем выступают элемент и отношение. Элемент системы – это предмет, который, являясь составной частью системы, выполняет определенную функцию и не подлежит дальнейшему расчленению при проведении данного исследования» [7, с. 8].

К элементам рассматриваемого механизма относятся: организационная деятельность которых обеспечивает применение больших данных в экономике (создатели инфраструктурной основы такого механизма – цифровых платформ и технологий обработки больших данных); организации, хозяйственная деятельность которых основана на применении больших данных (субъекты, использующие цифровые платформы и технологии обработки больших данных в организации основного вида деятельности); лица и организации, хозяйственная деятельность которых является источником больших данных («поставщики» больших данных); организации-регуляторы применения больших данных (правовые и технические). Организации-создатели цифровых платформ могут осуществлять ее использование для организации своего основного вида деятельности («платформенные компании»). Объединение элементов организационно-экономического механизма применения больших данных происходит посредством цифровой платформы.

Отметим, подробно не останавливаясь, что входит в понятие «цифровая платформа». И. З. Гелисхановым, Т. Н. Юдиной, А. В. Бабкиным под цифровыми платформами понимаются «гибридные структуры (гибриды рынков, фирм, сообществ и технологических систем), ориентированные на создание ценности путем обеспечения прямого взаимодействия и осуществления транзакций между несколькими группами сторонних пользователей», в понятие таких платформ, по мнению упомянутых авторов, входят технологическая конструкция, платформенная бизнес-модель – «модель обеспечения посредством технологической площадки прямого взаимодействия и осуществления транзакций между субъектами с использованием новых способов и форм взаимодействия, создания ценности и ценообразования», а также платформенная экосистема – «совокупность сообществ различных участников ЦП (*цифровой платформы – примечание М. С.*), создающих ценность путем взаимодействия и конкуренции в рамках ЦП, а также система отношений между ними» [8, с. 25]. В ходе организации взаимодействия владельцы цифровых платформ могут определять его условия и характер. «Цифровые платформы стали сегодня точкой притяжения участников различных рынков: крупный бизнес строит на их основе свои экосистемы, а остальные игроки подключаются к таким платформам, чтобы трансформировать свой бизнес» [12, с. 28]. Цифровая платформа может функционировать на уровне отдельного предприятия (микро-платформы, в числе которых различные CRM-системы – системы управления взаимоотношениями с клиентами: Bitrix24, Salesforce), отрасли (мезо-платформы, например, «Унофактор»), национальной экономики (макро-платформы, например, Qiwi) или объединять несколько стран или регионов (мега-платформы, например, Facebook, Instagram, YandexTaxi).

Для раскрытия теоретических аспектов формирования организационно-экономического механизма применения больших данных обратимся, во-первых, к факторам, которые оказали влияние на его формирование, поскольку «любое реальное общественное явление не может быть первоначально рассмотрено в статике, а затем уже в динамике, поскольку и происхождение, и функционирование, и изменение любых социальных объектов это непрерывный <...> процесс» [4, с. 117]; во-вторых, к особенностям трудовых отношений, отношений собственности, потребностных отношений и отношений социально-экономического определения поведения субъектов, сформированным в условиях цифровой экономики и отражающихся на отношениях внутри самого механизма и его особенностях.

При определении факторов, оказавших влияние на формирование организационно-экономического механизма применения больших данных, учитывалось их условное разделение на внешние и внутренние. С. Ю. Солодовников при разделении социально-экономических факторов на внешние (экзогенные) и внутренние (эндогенные) отмечает их тесную связь и взаимообусловленность [4, с. 117–121]. Основываясь на подходах технологического детерминизма, определяющего направление развития системы хозяйствования, в качестве основного внешнего фактора, повлиявшего на формирование организационно-экономического механизма применения больших данных, выделим развитие информационно-коммуникационных технологий, отразив этапы их развития.

Во-первых, этап развития цифровой вычислительной техники, который сопровождается увеличением ее надежности и производительности, совершенствованием программного обеспечения благодаря созданию эффективных операционных систем и систем программирования. Во-вторых, этап создания и распространения аппаратной среды, оснащенной цифровыми устройствами, мобильных устройств и развитие сети Интернет. В-третьих, этап формирования больших данных, происходящий благодаря масштабному распространению датчиков – источников больших данных о функционировании разнообразных систем, стремлению «человека передать действия по обработке информации определенным устройствам», ключевым из которых становится смартфон, а также развитию сети высокоскоростной передачи данных [11, с. 47]. Происходит развитие «инноваций двух типов»: формирование «аппаратной среды (часы, диктофон, измерительный прибор, печатающее устройство, компьютер, сотовый телефон, спутник)» и создание «программного обеспечения (искусственные и компьютерные языки)» [11, с. 47]. В-четвертых, этап развития средства производства полезной информации на основе больших данных – технологий обработки больших данных.

Влияние на создание рассматриваемого механизма также оказали интернационализация и интенсификация деловой активности, виртуализация коммуникаций, развитие форм конкурентной борьбы. В качестве причин, повлиявших на формирование организационно-экономического механизма применения больших данных, выделим поиск способов снижения информационной асимметрии, развитие гибкого и индивидуализированного производства, создание правовой среды регулирования применения больших данных.

Благодаря процессу интернационализации обмен товарами и услугами, сопровождаемый обменом данными, приобретает мировой масштаб. Рост интенсивности деловой активности приводит к росту объема данных и их разнообразия. С развитием Интернета происходит виртуализация коммуникаций. По состоянию на март 2021 г. количество пользователей Интернета составило 5,17 млрд, что больше 65 % населения Земли. Наибольшее количество пользователей приходится на азиатский регион – 53,4 %¹. Перемещение социальных практик в Интернет приводит к созданию нового способа коммуникации в том числе с органами государственного регулирования, учреждениями образования, здравоохранения, банками и т. д. В результате интернационализации и интенсификации деловой активности, опосредованной большими данными, виртуализации коммуникаций, формируется цифровое отражение всех сфер общественной жизни.

Развитие форм конкурентной борьбы приводит к созданию новых общественно-функциональных технологий (информационного оружия), которое направлено «на нелетальное разрушение социальных субъектов» и ориентировано «на противодействие этому разрушению» [5, с. 50–51]. «Информационное оружие как общественно-функциональная инновация представляет собой такой вид информационного оружия, который подвергает воздействию определенные группы социальных субъектов с целью навязывания им нужного манипулятору социально-экономического поведения» [5, с. 52]. В условиях цифровой экономики, когда коммуникации становятся все более виртуализированными, воздействие на социальных субъектов оказывается посредством ресурсов Интернета. Результат этого воздействия определяется эффективностью использования больших данных, в том числе персональных. Благодаря применению больших данных происходит как реализация общественно-функциональных технологий (информационного оружия), так и анализ его воздействия.

Развитие способов разрешения информационной асимметрии как причину, обуславливающую формирование организационно-экономического механизма применения больших дан-

¹ Internet world stats [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>. – Date of access: 29.09.2021.

ных, необходимо рассматривать с учетом роста значения знаний в условиях неограниченного и постоянно возрастающего количества данных. Чрезмерное количество данных, их некачественная обработка может отрицательно отразиться на тех решениях, которые принимаются на их основании. В своем исследовании глубинных изменений, вызванных цифровыми технологиями, К. Шваб пишет, что «использование преимуществ "больших данных" позволит лучше и быстрее принимать решения в широком диапазоне отраслей и приложений» [13, с. 227]. Применение больших данных и технологий их обработки позволяет различать малозаметные тенденции и обнаруживать ранее неизвестные закономерности. Для общества, «пришедшего на смену индустриальному, характерно изменение роли и функций информации в хозяйственной жизни в увеличении значения знаний для развития экономики. В современную эпоху информация, постоянно воспроизводящаяся и катастрофически разрастающаяся в интернете, приходит в свою противоположность» [3, с. 38]. Развитие организационно-экономического механизма применения больших данных направлено на формирование данных, обработка которых позволит получить полезную для принимаемых решений информацию.

В качестве причины, оказывающей влияние на формирование организационно-экономического механизма применения больших данных, рассмотрим развитие индивидуализированного производства. «Сбор и анализ больших данных, – подчеркивает Т. В. Сергиевич, – позволяет на самых ранних этапах выявлять изменения потребительских предпочтений и открывать тем самым доступ к конкурентным преимуществам в скорости реагирования на изменения спроса» [14, с. 236]. Применение больших данных позволяет установить индивидуальные потребительские предпочтения. В результате сбора и обработки больших данных о функционировании реализованных товаров, а также о сделанном выборе потребителей, об отзывах о товарах и услугах, о поиске в Интернете определенных товаров и услуг, производитель получает источник информации для принятия решений о необходимых товарах, их количестве и качестве.

Правовой фактор как фактор формирования организационно-экономического механизма применения больших данных рассмотрим с двух позиций: недостаточности правовых норм, регламентирующих применение больших данных, и чрезмерного числа правовых норм, ведущих к ограничениям применения больших данных. В исследовании социальной и политической составляющих цифровой революции С. Ю. Глазьев подчеркивает, что «система государственно-правового регулирования явно отстает от вызовов новых технологических возможностей» [10, с. 75]. Л. Я. Косалс и М. М. Ячник со ссылкой на С. Ф. Сайфуллина отмечают, что «отсутствие четкой нормативной базы, которая бы регулировала инновационную деятельность (в том числе связанную с применением больших данных – примечание М. С.), часто выделяется в качестве одного из факторов медленного внедрения новых технологий в производственные практики в России» [15, с. 14]. Похожим образом складывается ситуация и для Республики Беларусь. На сегодняшний день отсутствует системный подход к управлению развитием организационно-экономического механизма применения больших данных в условиях цифровой экономики.

Отдельные авторы-правоведы настаивают на чрезмерности правовых норм, регулирующих применение больших данных. Так, на примере персональных данных, являющихся частью больших данных, подчеркивается присутствие значительного числа ограничений их коммерциализации, что приводит к недоиспользованию этого цифрового ресурса. Исследователями при этом отмечается, что такая коммерциализация должна проходить с учетом необходимости защиты «конституционных прав граждан, в том числе права на неприкосновенность частной жизни» [16, с. 177]. В качестве отправной точки для регулирования правоведами называется закрепление в гражданском праве такого объекта как «данные», что позволит разрешить неопределенность «в установлении обладателя прав на данные» [16, с. 182], защите персональных данных и регулировании сбора больших данных. Также целесообразна разработка правовых норм, определяющих степень ответственности в отношении товаров, функционирующих на основе применения больших данных.

В результате рассмотрения факторов, обусловивших формирование организационно-экономического механизма применения больших данных, приходим к следующему. Прежде всего, отметим ключевую роль информационно-коммуникационных технологий. Развитие технологий, позволяющих осуществлять обработку больших данных, становится определяющим этапом в формировании организационно-экономического механизма применения больших данных. Интернационализация и интенсификация деловой активности, а также виртуализация

коммуникаций служит источником для формирования объема больших данных, всецело отражающего сферы жизнедеятельности как отдельного человека, так и общества в целом.

Использование информационного оружия и противодействие его разрушающему воздействию создает условия для дальнейшего развития организационно-экономического механизма применения больших данных, в частности больших персональных данных. В качестве фактора, который оказывает влияние на формирование и развитие организационно-экономического механизма применения больших данных, нами рассмотрено разрешение информационной асимметрии, которое подразумевает тщательный выбор и подготовку как самих больших данных, учитывая их количество, разнообразие и скорость формирования, так и технологий обработки больших данных, определяющих качество получаемой информации. Развитие индивидуализированного производства на основе применения больших данных становится нормой для формирования конкурентоспособности предприятия в условиях цифровой экономики.

Правовые меры регулирования должны быть достаточными для применения больших данных, не ограничивающими условия для развития такого применения. Риски потери конфиденциальных больших данных и, как следствие, конкурентных преимуществ могут быть преодолены с помощью восприятия их ценности и фиксации такой ценности в правовых нормах.

Перейдем к особенностям трудовых отношений, отношений собственности, потребностных отношений и отношений социально-экономического определения поведения субъектов, формирующимся в условиях цифровой экономики. Для характеристики особенностей трудовых отношений обратимся к анализу качественных изменений трудовых отношений в Республике Беларусь в контексте цифровой трансформации, проведенному В. В. Богатыревой, М. Ю. Бобрик и Т. В. Сергиевич. Эти авторы отмечают, что в условиях цифровой экономики «правомерно говорить о новых формах организации и эксплуатации наемного труда» [9, с. 8]. Возникновение новых форм организации и эксплуатации труда обусловлено, во-первых, тем, что «собственник на средства производства (факторы производства) всегда стремится к увеличению своего персонализированного дохода <...> его готовность передавать большую долю добавленной стоимости наемному работнику ограничивается многими субъектными факторами»; во-вторых, «значительное количество работников цифрового хозяйственного уклада обладают навыками и компетенциями, получение которых требует незначительного времени»; в-третьих, «удаленная занятость, как показывает практика, в ряде случаев оказывает негативное влияние на производительность труда»; в-четвертых, «опыт дистанционной работы программистов в период коронавирусной пандемии показал, что достаточно часто работнику со стороны нанимателя доводятся такие задания <...>, для выполнения которых он тратит намного больше времени, чем если бы он работал 40 часов в неделю в соответствии с Трудовым кодексом Республики Беларусь»; в-пятых, «дифференциация в оплате труда между цифровой элитой и большинством работников цифровой экономики, обладающих средней и низкой квалификацией, достигает колоссальных размеров» [9, с. 8].

Развитие трудовых отношений в условиях цифровой экономики сопровождается автоматизацией и роботизацией труда, что, с одной стороны, вытесняет человека из ряда сфер (торговля, банковская сфера, транспорт и т. п.), с другой стороны, формирует спрос на специалистов новых профессий, например, в сфере обеспечения кибербезопасности [9, с. 10–11]. «Эффективное использование "больших данных" для замены процессов, которые сегодня выполняются вручную, может привести к тому, что некоторые рабочие места станут ненужными, и одновременно появятся новые категории рабочих мест и возможностей, которые в настоящее время на рынке отсутствуют» [13, с. 228]. Применение больших данных сопряжено с трудом, требующим определенных компетенций персонала: аналитические навыки, прежде всего, умение находить зависимости в разрозненных, неструктурированных больших данных; умение систематизировать данные, их критически оценивать; навыки по оптимизации существующих на предприятии процессов с применением больших данных; владение методиками по визуализации больших данных. «Согласно исследованию консалтинговой компании Deloitte [Deloitte, 2018], начиная с 1970-х гг. доля провальных проектов организационных преобразований составляет порядка 60–70 %. При этом одной из ключевых причин неудач является человеческий фактор. Цифровая стратегия, даже более чем любая другая функциональная, зависит от <...> наличия необходимых компетенций» [17, с. 396].

Оформление условий производства в производственном процессе происходит благодаря отношениям собственности, суть которых составляют отношения присвоения-отчуждения

[6, с. 9]. «Присвоение представляет собой совокупность отношений между субъектами по поводу отторжения благ от одних лиц к другим различными способами на эквивалентных или неэквивалентных началах и обращения этих благ или полезного эффекта. Отчуждение – это отношения, противоположные присвоению» [6, с. 9–10]. Отношения собственности в условиях цифровой экономики формируются за счет присвоения-отчуждения цифровых ресурсов, основной круг хозяйственных субъектов – организаций, присваивающих этот ресурс. В качестве основных объектов отношений собственности в цифровой экономике выступают средства цифрового производства, результаты цифрового производства (потребительные стоимости), информационные и социальные условия этого производства, а также «производственные и социальные способности индивидов и сами производственные и социально-экономические функции»¹.

Перейдем к характеристике потребностных отношений, на удовлетворение которых направлены любые экономические действия, трудовые отношения и отношения собственности². При позитивном понимании потребности состояние ее удовлетворения понимается как норма, неудовлетворения – отклонение от нормы³. Изменения, происходящие в экономической системе в условиях цифровой экономики, приводят к трансформации скорости формирования и удовлетворения потребностей. Благодаря организационно-экономическому механизму применения больших данных потребности индивидов, групп и общества в целом подвергаются подробному анализу, результаты которого позволяют определить пути воздействия на их формирование. Содержание потребностей становится манипулируемым.

Реализация трудовых отношений, отношений собственности и потребностных отношений происходит через отношения социально-экономического определения поведения субъектов, которые «представляют собой специальную совокупность отношений по поводу осуществления каких-либо отношений, т. е. производство социально-необходимого поведения субъектов» [1, с. 61]. Эти отношения, как указывает С. Ю. Солодовников, «в отличие от трудовых отношений и отношений собственности, складывающихся по поводу создания и использования материальных благ, возникают по поводу самих экономических отношений, их организационных форм и способов организации»⁴, их основы составляют отношения социально-экономического управления, а их функциональная цель «состоит в том, чтобы посредством формирования и осуществления определенного поведения субъектов обеспечить производство, присвоение и использование материальных благ в интересах господствующих классов и групп, общества в целом, других субъектов»⁵.

В условиях цифровой экономики реализация целей социально-экономического управления осуществляется с помощью цифровых технологий. Особенностями этих отношений является увеличение скорости принятия управленческих решений. В обстоятельствах, требующих учета значительного количества параметров при принятии решения, их качество определяется применением больших данных. Функционирование организационно-экономического механизма применения больших данных должно быть направлено на совершенствование как управления материальными объектами, так и социального управления, т. е. на воздействия «на общество с целью его упорядочения, сохранения системной целостности, совершенствования и развития»⁶.

Исходя из факторов, оказавших влияние на формирование организационно-экономического механизма применения больших данных, а также с учетом тех отношений, которые складывают в условиях цифровой экономики, к особенностям организационно-экономического механизма применения больших данных отнесем низкую степень его институциональной формализованности, виртуальность, гиперсвязность и многомерность. Низкая степень институциональной формализованности связана с началом его формирования, отсутствием единой правовой системы регулирования. Виртуальность организационно-экономического механизма применения больших данных объясняется основой его воплощения – цифровой платформой, виртуализацией коммуникаций и роботизацией. Усиление взаимосвязи всех сфер жизнедеятельно-

¹ Солодовников, С. Ю. Экономическая система / С. Ю. Солодовников // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1008 с. – С. 957. – С. 959.

² Там же. – С. 960.

³ Там же. – С. 961.

⁴ Там же. – С. 961.

⁵ Там же. – С. 961.

⁶ Там же. – С. 961.

сти человека в условиях цифровой экономики отражается на организационно-экономическом механизме применения больших данных, в котором происходит сближение субъектов и объектов. Применение больших данных распространяется на материальное производство, социальное и духовное, что определяет многомерность этого механизма.

Выводы. Таким образом, в результате рассмотрения теоретических аспектов формирования организационно-экономического механизма применения больших данных, установлено, что этот механизм есть система (подсистема) экономической системы общества в условиях цифровой экономики. Инфраструктурной основой этого механизма является цифровая платформа, закрепляющая формы отношений между его элементами, зачастую соответствующие интересам цифровых элит. В условиях цифровой экономики происходит трансформация трудовых отношений благодаря возникновению новых форм организации и эксплуатации труда, отношений собственности – за счет появления новых субъектов (организаций, присваивающих цифровой ресурс – цифровых элит) и объектов (средств, результатов и условий цифрового производства), потребностных отношений – ввиду масштабного применения цифровых технологий, с помощью которых происходит манипуляция процессом формирования потребностей, и отношений социально-экономического определения поведения субъектов – благодаря их реализации через цифровые технологии, значительно ускоряющих процесс принятия решения. Показано, какие факторы (развитие информационно-коммуникационных технологий, интернационализация и интенсификация деловой активности, виртуализация коммуникаций, развитие форм конкурентной борьбы) и причины (поиск способов снижения информационной асимметрии, развитие гибкого и индивидуализированного производства, создание правовой среды регулирования применения больших данных) повлияли на формирование организационно-экономического механизма применения больших данных. Определены особенности исследуемого механизма: низкая степень институциональной формализованности, виртуальность, гиперсвязность и многомерность.

Список использованных источников

1. Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; редкол.: Э. А. Лутохина [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 349 с.
2. Солодовников, С. Ю. Понятие хаоса и его место в развитии сложных систем / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 5–18. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-7-5-18>
3. Солодовников, С. Ю. Экономика рисков / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 16–55. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-8-16-55>
4. Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск: БНТУ, 2014. – 378 с.
5. Солодовников, С. Ю. Модернизация белорусской экономики и экономика рисков: актуальные проблемы и перспективы / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич, Ю. В. Мелешко ; под науч. ред. С. Ю. Солодовникова. – Минск: БНТУ, 2019. – 491 с.
6. Солодовников, С. Ю. Собственность как политико-экономическая категория в XXI веке / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 10. – С. 5–14. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2019-10-5-14>
7. Модернизация белорусской промышленности в новых технологических и геоэкономических условиях / В. Л. Гурский [и др.] ; науч. ред. С. Ю. Солодовников ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 728 с.
8. Гелисханов, И. З. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития / И. З. Гелисханов, Т. Н. Юдина, А. В. Бабкин // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2018. – Т. 11, № 6. – С. 22–36. DOI: 10.18721/JE.11602.
9. Богатырева, В. В. Эволюция трудовых отношений в Республике Беларусь в контексте цифровизации и роботизации экономики / В. В. Богатырева, М. Ю. Бобрик, Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 13. – С. 6–14. [HTTPS://DOI.ORG/10.21122/2309-6667-2021-13-6-14.](https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-13-6-14)

10. Глазьев, С. Ю. Информационно-цифровая революция / С. Ю. Глазьев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2018. – № 1 (23). – С. 70–83.
11. Сорвилов, Б. В. Информационный вектор экономической системы / Б. В. Сорвилов, А. М. Баранов, Р. М. Нижегородцев. – Минск : Право и экономика, 2019. – 256 с.
12. Прозоров, А. Архитектура цифровых платформ будущего / А. Прозоров, Р. Шнырев, Д. Волков // Открытые системы. СУБД. – 2021. – № 02. – С. 24–28.
13. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Эксмо, 2020. – 288 с.
14. Сергиевич, Т. В. Инновационные аналитические инструменты коммерческих организаций как фактор становления бизнес-модели быстрой моды / Т. В. Сергиевич // Аналитические инструменты коммерческих организаций в инновационной экономике : сборник научных трудов круглого стола, посвященного юбилейному году РГУ им. А. Н. Косыгина, Москва, 14 мая 2020 г. / под ред. А.В. Генераловой. – М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина», 2020. – С. 232–237.
15. Косалс, Л. Я. Рынок технологий искусственного интеллекта в России: социальные условия зарождения. Статья 2. Разработчики, потребители и государство: взаимоотношения и перспективы / Л. Я. Косалс, М. М. Ячник // Общественные науки и современность. – 2020. – № 3. – С. 5–17. DOI: 10.31857/S086904990010066-4.
16. Савельев, А. И. На пути к концепции регулирования данных в условиях цифровой экономики / А. И. Савельев // Закон. – 2019. – № 4. – С. 174–195.
17. Ценжарик, М. К. Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели / М. К. Ценжарик, Ю. В. Крылова, В. И. Стешенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – Т. 36. – Вып. 3. – С. 390–420.

Статья поступила в редакцию 3 октября 2021 года

THEORETICAL BASIS OF FORMATION ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM OF BIG DATA USE

M. P. Stashevskaya

Postgraduate student of the Department of “Economics and Law”
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the study of the formation of the organizational and economic mechanism for the use of big data. The factors that influenced its formation are considered, the features of labor relations, property relations, needs relations and relations of socio-economic determination of the behavior of subjects in the digital economy are shown. It is shown that the circumstances of the formation of the organizational and economic mechanism for the use of big data and the specific features of relations in the digital economy determine the features of this mechanism, consisting in its low degree of institutional formalization, virtuality, hyper-connectivity and multidimensionality.

Keywords: big data, use of big data, digital economy, economic system, economic mechanism, organizational and economic mechanism of big data use, digital platform, information and communication technologies, digital technologies.

References

1. Gerasimov, N. V. (1991) *Ekonomicheskaya sistema: genezis, struktura, razvitiye* [Economic system: genesis, structure, development], Lutohina, A. (ed.) Minsk, Navuka i tekhnika publ. (In Russian).
2. Solodovnikov, S. Yu. (2018) Ponyatie khaosa i ego mesto v razvitiy slozhnykh sistem [Chaos definition and its role in complicated systems' development]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (7), 5-18. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-7-5-18> (In Russian).
3. Solodovnikov, S. Yu. (2018) *Ekonomika riskov* [Risk economy]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (8), 16–55. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-7-5-18> (In Russian).
4. Solodovnikov, S. Yu. (2014) *Klassy i klassovaya bor'ba v postindustrial'nom obshchestve: metodologicheskie osnovy politiko-ekonomicheskogo issledovaniya* [Classes and class struggle

in a post-industrial society: methodological foundations of political and economic research] Minsk, BNTU publ. (In Russian).

5. Solodovnikov, S. Yu., Sergievich, T. V., Meleshko, Yu. V. (2019) *Modernizatsiya belorusskoi ekonomiki i ekonomika riskov: aktual'nye problemy i perspektivy* [Modernization of the Belarusian economy and risk economy: current problems and prospects] Minsk, BNTU publ. (In Russian).

6. Solodovnikov, S. Yu. (2019) *Sobstvennost' kak politiko-ehkonomicheskaya kategoriya v XXI veke* [Property as a political and economic category in the XXI century]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (10), 5-13. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2019-10-5-14> (In Russian).

7. Gurskii, V. L., Solodovnikov, S. Yu., Serhyevich, T. V., Meleshko, Yu. V. (2021) *Modernizatsiya belorusskoi promyshlennosti v novykh tekhnologicheskikh i geoekonomicheskikh usloviyakh* [Modernization of the Belarusian industry in the new technological and geo-economic conditions] Minsk, Belaruskaya navuka publ. (In Russian).

8. Geliskhanov, I. Z., Yudina, T. N., Babkin, A. V. (2018) Digital platforms in economics: essence, models, development trends, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 11 (6), 22–36. Available from: doi: 10.18721/JE.11602 (In Russian).

9. Bogatyreva, V. V., Bobrik, M. Yu., Sergievich, T. V. (2021) *Evolyutsiya trudovykh otnoshenii v Respublike Belarus' v kontekste tsifrovizatsii i robotizatsii ekonomiki* [Evolution of labor relations in the Republic of Belarus in the context of digitalization and robotization of the economy]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (13), 6-14. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-13-6-14> (In Russian).

10. Glaz'yev, S. Yu. (2018) *Informatsionno-tsifrovaya revolyutsiya* [Information and digital revolution]. *Eurasian integration: economics, law, politics*. 1 (23), 70-83. (In Russian).

11. Sorvirov, B. V., Baranov, A. M., Nizhegorodtsev, R. M. (2019) *Informatsionnyi vektor ekonomicheskoi sistemy* [Information vector of the economic system]. Minsk, Pravo i ekonomika. (In Russian).

12. Prozorov, A, Shnyrev, R, Volkov, D. (2021) *Arkhitektura tsifrovyykh platform budushchego* [The architecture of digital platforms of the future]. *Otkrytye sistemy. SUBD*. 2, 24-28. (In Russian).

13. Schwab, K. (2020) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Translated from English Moscow, Eksmo publ. (In Russian).

14. Sergievich, T. V. (2020) «Innovation analytical instruments of commercial organization as a factor of fast fashion business-model establishment», *Sbornik nauchnykh trudov kruglogo stola, posvyashchennogo yubileinomu godu RGU im. A. N. Kosygina* [Collection of scientific works of round table, dedicated to anniversary of RSU named after A. N. Kosygin], *Analiticheskie instrumenty kommercheskikh organizatsii v innovatsionnoi ekonomike* [Analytical instruments of commercial organizations in innovative economy], Moscow, 14 may 2020, RGU im. A. N. Kosygina, pp. 232–237. (In Russian).

15. Kosals, L., Yachnik, M. (2020) The market for technologies of artificial intelligence in Russia: social conditions of emergence. Article 2. The developers of artificial intelligence, consumers and government: interactions and perspectives. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. (3), 5–17. Available from: doi:10.31857/S086904990010066-4. (In Russian).

16. Saveliev, A. I. (2019) *Na puti k kontseptsii regulirovaniya dannykh v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki* [Towards a data regulation concept in the digital economy]. *Zakon*, 4, 174-195. (In Russian).

17. Tsenzharik, M., Krylova, Y., Steshenko, V. (2020). Digital transformation in companies: Strategic analysis, drivers and models. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 36 (3), 390-420. Available from: doi: 10.21638/spbu05.2020.303. (In Russian).

УДК 331.101.262+316.37

JEL O15

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-110-116>

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЭВОЛЮЦИЮ ФОРМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И МОТИВАЦИИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Ю. Ш. Салахова

y.salakhova@vsu.by

старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
г. Витебск, Республика Беларусь

Статья посвящена исследованию содержания и характеристик социально-экономических факторов, определяющих эволюцию форм человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития цифровой экономики в Республике Беларусь. Было исследовано влияние социально-экономических факторов на более широкий объект, и определено их изменение в направлении их расширения и уточнения. Поскольку объект исследования становится сложнее, а исследовать вместо трудовой мотивации и трудовую мотивацию, и человеческий капитал сложнее, то значит, и количество факторов, влияющих на этот процесс, будет больше. При этом уже выделяемые в экономической литературе факторы, определяющие названный процесс, в ходе исследования были дополнены с учетом авторского подхода. Известные ранее факторы по-новому структурированы и системно описаны.

Ключевые слова: человеческий капитал, мотивация труда, цифровая экономика, цифровизация.

Цитирование: Салахова, Ю. Ш. Социально-экономические факторы, определяющие эволюцию форм человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития цифровой экономики / Ю. Ш. Салахова // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 110–116. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-110-116>

Введение. Раскрыть и содержательно охарактеризовать социально-экономические факторы, определяющие эволюцию форм человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития цифровой экономики в Республике Беларусь, можно только на основе системного подхода. В экономической науке ключевым концептом этого подхода является экономическая система общества, представляющая собой «культурный феномен, представляющий собой единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно самостоятельный, материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство, прис-воение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни» [1, с. 13–14].

Под фактором в экономической науке понимается причина, побуждающая и движущая сила рассматриваемого процесса или явления, определяющая те или иные его характеристики или черты. Соответственно, под социально-экономическими факторами, определяющими эволюцию форм человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития цифровой экономики в Республике Беларусь, нами будут пониматься причины, побуждающие и движущие силы этой эволюции, формирующие новые формы человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития цифровой экономики в Беларуси и Румынии. Значительный вклад в развитие теории трудовых отношений в Республики Беларусь внесла А. П. Морова, которая сумела не только дать базовое определение трудовых отношений, под которыми она понимала «отношения, возникающие между субъектами в сфере трудовой деятельности» [2, с. 6], но и определить трудовую деятельность «как целесообразную общественно необходимую и практически полезную производственную деятельность человека, направленную на обеспечение экономической жизнеспособности общества и его членов» [2, с. 7]. Вслед за Н. В. Герасимо-

¹ Работа выполнена при поддержке БРФФИ (договор с БРФФИ № Г20РА–011 от 04.05.2020 г.).

вым под жизненностью будем понимать «способность сохранять себя, развертывать и воспроизводить в реальных условиях» [3, с. 290–315]. А. П. Морова сумела категориально определить трудовые отношения «как отношения, которые возникают и устанавливаются между субъектами в процессе трудовой деятельности при создании материальных средств и благ, а также услуг, необходимых для удовлетворения экономических потребностей и нужд общества и его членов с целью обеспечения их жизненности» [2, с. 8].

С. Ю. Солодовников, развивая теоретические взгляды Н. В. Герасимова и А. П. Моровой, показал, что «именно трудовые отношения выступают в качестве основы социальной дифференциации и политико-экономической динамики общества» [4, с. 2], а «система трудовой мотивации непрерывно, постоянно, с той или иной быстротой, эволюционирует, т. е. в ней происходят процессы изменения (преимущественно необратимого характера)» [5, с. 297]. Сергей Юрьевич также разработал модель социально-экономических факторов, определяющих изменение системы трудовой мотивации в новых социально-экономических условиях, которая нами будет использоваться в дальнейшем в качестве основы при раскрытии содержательной характеристики социально-экономических факторов, определяющих эволюцию форм человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития цифровой экономики в Республике Беларусь. «Социально-экономические факторы, – отмечает С. Ю. Солодовников, – определяющие изменение системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях в Беларуси можно условно разделить на три группы: условия, предпосылки и причины. Все эти названные социально-экономические факторы непосредственно связаны друг с другом и взаимообусловлены» [5, с. 298]. Далее названный автор пишет: «В качестве условий, предопределяющих изменения системы трудовой мотивации, выступают: глобализация; либерализация рынков товаров и услуг; доминирование в мировой экономике глобальных финансов; концентрация капитала; социальный характер белорусского государства» [5, с. 208].

Названный перечень условий, по нашему мнению, когда мы говорим не только о мотивации труда, но и об эволюции новых форм человеческого капитала, должен быть дополнен цифровизацией и гуманизацией (радикальным усилением роли человеческого фактора в новой экономике) производственных процессов. В. В. Богатырева пишет по этому поводу: «Становление новой экономики, обозначившее необходимость развития инновационных подходов в управлении, выявленные нерешенные проблемы в отношении важнейшего фактора экономического роста – человеческого капитала – обострили актуальность исследования человеческого ресурса как важного актива отдельно взятой организации и национальной экономики в целом, изучения процесса финансового управления формированием и использованием человеческого капитала» [6]. Также можно заметить, что «главным отличием человеческого капитала от других форм заключается в процессе его коммерциализации, что позволило выработать принцип не полной коммерциализации индивидом совокупности накопленных профессиональных знаний, умений, навыков и компетенций, получаемых в процессе образования, повышения квалификации и трудовой деятельности, а только их части» [7, с. 90].

Развивая эту мысль, Валентина Васильевна подчеркивает, что «основополагающим фактором производства и важнейшим элементом национального богатства выступает человеческий капитал как задействованная в производственно-хозяйственной деятельности часть человеческих ресурсов» [8]. Немаловажен тот факт, что «человеческий капитал за счет своего вовлечения в процесс производства экономических благ представляет собой определенную задействованную в экономических системах часть человеческого потенциала» [9, с. 159].

«В качестве предпосылок изменения системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях, – пишет С. Ю. Солодовников, – следует выделять: изменение системы приоритетов деятельности предприятий (коммерческих организаций) в условиях преимущественно рыночной экономики, пришедшей на смену административно-командной советской системе; множественность форм собственности, пришедшая на смену доминированию государственной формы собственности в СССР; изменение в постсоветский период форм и методов управления коммерческими организациями, находящимися в государственной собственности» [5, с. 298]. Названный перечень предпосылок, исходя из задачи нашего исследования, включая в числе прочего эволюцию новых форм человеческого капитала, можно дополнить. Используем для этого теоретические разработки В. В. Богатыревой, которая отмечает, что «предпосылками возникновения теории человеческого капитала стали произошедшие в XX столетии коренные изменения не только в технике и технологии, но и в произво-

дительных силах. Весь мир был качественно преобразован, поднявшись на новую ступень не только материального, но и интеллектуального развития. В этих условиях особо пристальное внимание стало уделяться созидательной человеческой деятельности: новым научным изысканиям и происходящим на их основе технико-технологическим процессам. Результатом чего стали исследования ресурсов и возможностей человека» [10, с. 2].

Исходя из идеи, изложенной в вышеприведенной цитате, в качестве предпосылок, определяющих эволюцию форм человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития цифровой экономики в Республике Беларусь, наряду с предложенных С. Ю. Солодовниковым, нами будут выделяться: изменение характера труда; усиление в нем творческой, созидательной, инновационной компоненты; рост значения науки о природе, человеке и обществе.

«В качестве причин изменения системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях, – отмечает С. Ю. Солодовников, – следует выделять: научно-техническая революция, обуславливающая смену технологических укладов; усиление социально-классовой дифференциации в обществе; развитие и широкое распространение общественно-функциональных технологий, позволяющих навязывать работникам псевдомотивы, отвечающие интересам не их носителей, а манипуляторов; потеря рыночным хозяйственным укладом доминирующего положения в национальных экономических системах и в международных экономических отношениях, что существенно нарушает рыночные принципы оплаты и стимулирования труда; постоянное усиление государства как конфигуратора социально-трудовых отношений; ослабление материальных стимулов к труду и усиление нематериальных стимулов» [5, с. 299]. Соглашаясь с вышеназванными факторами, следует, однако, отметить, что названные причины, в отличие от условий и предпосылок, должны быть дополнены намного значительнее. Это обусловлено тем, что если вместо исследования социально-экономических факторов, влияющих на условия, предпосылки и причины изменения трудовой мотивации, нами исследуется влияние социально-экономических факторов на более широкий объект, а именно на эволюцию форм человеческого капитала и мотивацию труда в условиях развития цифровой экономики, то все названные факторы будут меняться в направлении их расширения и уточнения. Поскольку объект исследования становится сложнее, а исследовать вместо трудовой мотивации и трудовую мотивацию, и человеческий капитал сложнее, то значит, и количество факторов, влияющих на этот процесс, будет больше.

Как известно, «источник трансформации системы или ее функций находится обычно в самой системе; поскольку это связано с возможностью (или невозможностью) восприятия той или иной информации системой и с вытекающим из этого целесообразным характером ее поведения» [11, с. 8], следовательно, причины изменения рассматриваемой системы всегда будут более вариативны, чем условия и предпосылки. Соответственно, в нашем случае усложнение (расширение) объекта исследования должно повлечь за собой большее дополнение факторов-причин, чем факторов-условий и факторов-предпосылок.

Многие отечественные и зарубежные исследователи пишут о возникновении и развитии цифрового общества. Т. Н. Юдина по этому поводу отмечает: «Десять лет XXI в. – это время, когда человек связал себя со смартфоном – по сути суперкомпьютером. Можно даже сказать, что человек со смартфоном – это и есть "цифровая экономика" и/или "цифровое общество", позволившие взойти на современный хроматистический, финансово-экономический олимп ИТ-гигантам (Apple, Amazon, Facebook и др.), которые стали обладать новым видом капитала – большими данными, BIG DATA – по сути источником цифровой ренты» [12, с. 14]. Названный автор также замечает, что «с появлением и использованием больших данных (BIG DATA – BD) как одной из важнейших цифровых технологий институциональные изменения среды принятия решений достигли фундаментальных основ мировой и глобальных экономик – процессов накопления нового капитала. Этим капиталом стали большие данные (BIG DATA). <...> В среде больших данных информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) превращаются в инструмент извлечения не только прибыли непосредственно из информационных процессов, но и получения новой глобальной ренты – цифровой ренты» [13, с. 15]. Признавая правильность данных умозаключений, можно рассматривать в качестве одного из социально-экономических факторов (причин), определяющих эволюцию форм человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития цифровой экономики в Республике Беларусь: развитие цифрового общества, сопровождаемое возникновением цифрового капитала и его производной – цифровой ренты.

Поскольку наряду с виртуальной экономикой продолжает развиваться экономика реаль-

ная, без которой человечество не может в принципе обойтись, параллельно цифровизации происходит роботизация. Необходимость проведения роботизации национального промышленного комплекса Республики Беларусь сегодня поддерживается многими белорусскими экономистами. Мы ранее писали, что «одним из перспективных направлений технико-технологической модернизации национальной экономики, обуславливающих трансформацию социально-трудовых отношений, является роботизация. Расширение производства и использования роботов в экономике нашей страны как компонент модернизации позволит совершить технологический скачок, который повлечет за собой изменения в цепочках создания стоимости, в отношениях производитель-потребитель, повышение конкурентоспособности отечественной экономики» [13, с. 68]. Роботизация не только значительно повышает безопасность, экологичность и экономическую эффективность реального сектора экономики, но и выступает социально-экономическим фактором, определяющим эволюцию форм человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития цифровой экономики в Республике Беларусь.

Ю. В. Мелешко в качестве важного фактора функционирования промышленности в новой экономике выделяет современные трудовые отношения, характеризующиеся «гибкостью управления, форм занятости и условий найма, возрастающими требованиями к квалификации и личным качествам работников на фоне повышения требований работников к условиям труда» [14, с. 44]. Названный автор отмечает, что такие новые трудовые отношения, формирующиеся под влиянием неоиндустриализации (Индустрии 4.0), получили название «Труд 4.0» [15, с. 87].

Поскольку «мировая тенденция усиления роли человеческого капитала как важнейшего условия устойчивого развития экономики характерна и для Республики Беларусь» [16, с. 84], а в Республике Беларусь, «как и в других странах, на этапе формирования экономики инновационного типа развитие человеческого капитала является приоритетным направлением» [17, с. 38], то в качестве еще одного социально-экономического фактора, определяющего эволюцию форм человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития цифровой экономики в Республике Беларусь, следует рассматривать усиление роли человеческого капитала и его опережающее развитие по сравнению финансовым и материальными формами капиталов.

Выводы. В процессе исследования были определены и содержательно охарактеризованы социально-экономические факторы, которые определяют изменение форм человеческого капитала и мотивации труда в условиях развития цифровой экономики Республики Беларусь.

В то же время, факторы, которые были определены в экономической литературе в рамках представленного процесса, были дополнены нижеследующими:

- изменение характера труда, усиление в нем творческой, созидательной, инновационной компоненты, рост значения науки о природе, человеке и обществе;
- развитие цифрового общества, сопровождаемое возникновением цифрового капитала и его производной – цифровой ренты;
- усиление роли человеческого капитала и его опережающее развитие по сравнению с финансовым и материальными формами капиталов.

Ранее известные факторы в ходе проведенного исследования были структурированы и системно описаны по-новому.

Список использованных источников

1. Солодовников, С. Ю. Цивилизация, экономическая система общества, институциональные матрицы, изучение иностранного языка и национальная безопасность / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2020. – Вып. 11. – С. 12–17. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2020-11-12-17>
2. Морова, А. П. Социальная политика в сфере трудовых отношений / А. П. Морова. – Мн.: ИСПИ, 2000. – 174 с.
3. Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; редкол.: Э. А. Лутохина [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 349 с.
4. Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.
5. Солодовников, С. Ю. Социально-экономические факторы, определяющие изменение

системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях в Беларуси / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 296–308. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2017-5-296-308>

6. Богатырёва, В. В. Человеческий капитал как фактор повышения инвестиционной активности и экономического роста / В. В. Богатырёва, С. В. Бословяк // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2017. – № 2 (53). – С. 85–95.

7. Салахова, Ю. Ш. Особенности формирования человеческого потенциала и человеческого капитала в современных экономических условиях Республики Беларусь / Ю. Ш. Салахова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2020. – № 14. – С. 89–94.

8. Богатырёва, В. В. Человеческий капитал, инвестиции и инновации: фундаментальный и прикладной аспекты исследования взаимосвязи / В. В. Богатырёва // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2015. – № 5. – С. 94–97.

9. Салахова, Ю. Ш. Теоретические аспекты построения финансового механизма управления человеческим потенциалом региона / Ю. Ш. Салахова // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2020. – Вып. 11. – С. 157–163. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2020-11-157-163>

10. Богатырева, В. В. Теория финансового управления воспроизводством человеческого капитала: концептуальные основы, методологические принципы / В. В. Богатырева // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2014. – № 5. – С. 2–11.

11. Солодовников, С. Ю. Понятие хаоса и его место в развитии сложных систем / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 5–18. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-7-5-18>

12. Юдина, Т. Н. «Подглядывающий капитализм» как «цифровая экономика» и/или Цифровое общество» / Т. Н. Юдина // Теоретическая экономика. – 2018. – № 4. – С. 13–17.

13. Сергиевич, Т. В. Социально-экономическая обусловленность роботизации экономики / Т. В. Сергиевич // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики НАН Беларуси. – Минск, 2020. – Вып. 1. – С. 68–77.

14. Мелешко, Ю. В. Направления и механизмы трансформации организационно-управленческой структуры производства в контексте новой индустриальной экономики / Ю. В. Мелешко // Право. Экономика. Психология. – 2019. – № 3 (15). – С. 41–51.

15. Мелешко, Ю. В. Индустрия 4.0 как инструмент достижения технологического лидерства германии: эволюция подходов к реализации / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 10. – С. 79–93. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2019-10-79-93>

16. Богатырева, В. В. Концепция финансового управления воспроизводством человеческого капитала как инструмент устойчивого развития экономики / В. В. Богатырева // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2013. – № 6. – С. 82–94.

17. Богатырева, В. Финансовые аспекты управления человеческим капиталом / В. В. Богатырева // Общество и экономика. – 2012. – № 11. – С. 38–55.

Статья поступила в редакцию 3 октября 2021 года

SPECIFICS OF HUMAN CAPITAL AND HUMAN POTENTIAL FORMATION AND ACCUMULATION IN THE CONDITIONS OF DIGITAL ECONOMY DEVELOPMENT

Yu. Sh. Salakhava

Senior lecturer of the department of civil law and civil procedure
Vitebsk state University named after P. M. Masherov
Vitebsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the study of the content and characteristics of socio-economic factors

that determine the evolution of forms of human capital and labor motivation in the conditions of the development of the digital economy in the Republic of Belarus. The influence of socio-economic factors on a broader object was investigated, and their change in the direction of their expansion and refinement was determined. Since the object of research is becoming more complex, and it is more difficult to study both labor motivation and human capital instead of labor motivation, it means that the number of factors influencing this process will be greater. At the same time, the factors already identified in the economic literature that determine this process were supplemented in the course of the study, taking into account the author's approach. Previously known factors are structured in a new way and systematically described.

Keywords: human capital, labor motivation, digital economy, digitalization.

References

1. Solodovnikov, S. Yu. (2020) *Civilizaciya, ekonomicheskaya sistema obshchestva, institucional'nye matricy, izuchenie inostrannogo yazyka i nacional'naya bezopasnost'* [Civilization, the economic system of society, institutional matrices, foreign language learning and national security]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (11), 12-17. (In Russian).
2. Morova, A. P. (2000) *Social'naja politika v sfere trudovyh otnoshenij* [Social policy in the field of labor relations], Minsk, ISPI. (In Russian).
3. Gerasimov, N. V. (1991) *Ekonomicheskaya sistema: genezis, struktura, razvitiye* [Economic system: genesis, structure, development], Lutohina, A. (ed.) Minsk, Navuka i tekhnika publ. (In Russian).
4. Solodovnikov, S. Yu. (2015) *Tendencii i perspektivy razvitiya zanyato-sti i sozdaniya social'no-nauchnogo soob-shchestva v usloviyah modernizacii tranzitivnoj ekonomiki: na primere Respubliki Belarus'* [Trends and prospects for the development of employment and the creation of a socio-scientific community in the conditions of modernization of the transitive economy: on the example of the Republic of Belarus]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta*. (6), 2-9. (In Russian).
5. Solodovnikov, S. Yu. (2017) *Social'no-ekonomicheskie faktory, opredelyayushchie izmenenie sistemy trudovoj motivacii v novyh social'no-ekonomicheskikh i tekhnologicheskikh usloviyah v Belarusi* [Socio-economic factors determining the change in the system of labor motivation in the new socio-economic and technological conditions in Belarus]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (5), 296-308. (In Russian).
6. Bogatyreva, V. V., Boslovyak S. V. (2017) *Chelovecheskij kapital kak faktor povysheniya investicionnoj aktivnosti i ekonomicheskogo rosta* [Human capital as a factor of increasing investment activity and economic growth]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*. (2), 85-95. (In Russian).
7. Salakhova, Yu. Sh. (2020) *Osobennosti formirovaniya chelovecheskogo potenciala i chelovecheskogo kapitala v sovremennyh ekonomicheskikh usloviyah Respubliki Belarus'* [Theoretical aspects of building a financial mechanism for managing the human potential of the region]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta*. (14), 89-94. (In Russian).
8. Bogatyreva, V. V. (2015) *Chelovecheskij kapital, investicii i innovacii: fundamental'nyj i prikladnoj aspekty issledovaniya vzaimosvyazi* [Human capital, investment and innovation: fundamental and applied aspects of the study of interconnection]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta*. (5), 94-97. (In Russian).
9. Salakhova, Yu. Sh. (2020) *Teoreticheskie aspekty postroeniya finansovogo mekhanizma upravleniya chelovecheskim potencialom regiona* [Theoretical aspects of building a financial mechanism for managing the human potential of the region]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (11), 157-163. (In Russian).
10. Bogatyreva, V. V. (2014) *Teoriya finansovogo upravleniya vosproizvodstvom chelovecheskogo kapitala: konceptual'nye osnovy, metodologicheskie principy* [Theory of financial management of reproduction of human capital: conceptual foundations, methodological principles]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta*. (5), 2-11. (In Russian).
11. Solodovnikov, S. Yu. (2018) *Ponyatie haosa i ego mesto v razvitii slozhnyh sistem* [The concept of chaos and its place in the development of complex systems]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (7), 5-18. (In Russian).

12. Yudina, T. N. (2018) «*Podglyadyvayushchij kapitalizm*» kak «*cifrovaya ekonomika*» i/ili *Cifrovoe obshchestvo* ["Peeping Capitalism" as a "digital economy" and/or a Digital Society"]. *Teoreticheskaya ekonomika*. (4), 13-17. (In Russian).

13. Serhiyevich, T. V. (2020) *Social'no-ekonomicheskaya obuslovlennost' robotizatsii ekonomiki* [Socio-economic conditionality of the robotization of the economy]. *Vestnik Instituta ekonomiki NAN Belarusi*. (1), 68-77. (In Russian).

14. Meleshko, Yu. V. (2019) *Napravle-niya i mekhanizmy transformatsii organizatsionno-upravlencheskoj struktury proizvodstva v kontekste novej industrial'noj ekonomiki* [Directions and mechanisms of transformation of the organizational and managerial structure of production in the context of the new industrial economy]. *Pravo. Ekonomika. Psihologiya*. (3), 41-51. (In Russian).

15. Meleshko, Yu.V. (2019) *Industriya 4.0 kak instrument dostizheniya tekhnologicheskogo liderstva Germanii: evolyuciya podhodov k realizatsii* [Industry 4.0 as a tool for achieving German technological leadership: the evolution of approaches to implementation]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (10), 79-93. (In Russian).

16. Bogatyreva, V. V. (2013) *Koncepciya finansovogo upravleniya vosproizvodstvom chelovecheskogo kapitala kak instrument ustojchivogo razvitiya ekonomiki* [The concept of financial management of reproduction of human capital as a tool for sustainable economic development]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta*. (6), 82-94. (In Russian).

17. Bogatyreva, V. V. (2012) *Finansovye aspekty upravleniya chelovecheskim kapitalom* [Financial aspects of human capital management]. *Obshchestvo i ekonomika*. (11), 38-55. (In Russian).

УДК 330.342.2

JEL O14, O33

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-117-122>

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Ю. Ю. Рунков

yura.runkov@mail.ru

младший научный сотрудник

кафедры инноватики и предпринимательской деятельности

Белорусский государственный университет

г. Минск, Республика Беларусь

В статье анализируются техника и технологии индустриальной эпохи – периода эволюции земной цивилизации, связанного с масштабным продуцированием и повсеместным распространением технических устройств. Выделены и охарактеризованы основные типы и фазы индустриализации. В контексте индустриального прогресса исследован современный этап эволюции техники и технологий, связанный с цифровой трансформацией экономики и социума.

Ключевые слова: техника, технический прогресс, промышленность, индустриализация, постиндустриальная экономика, четвертая промышленная революция, цифровизация экономики.

Цитирование: Рунков, Ю. Ю. Индустриализация как фактор технико-технологического прогресса / Ю. Ю. Рунков // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 117–122. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-117-122>

Введение. С момента изобретения в XVIII в. первой (паровой) машины запущен отсчет времени индустриальной эпохи. И хотя в научной среде с подачи американского ученого Д. Белла бытует точка зрения о том, что с конца прошлого века земная цивилизация вступила в постиндустриальный период своего развития [1], следует признать, что индустриализация как процесс масштабного оснащения всех сфер экономики и социума современными техническими устройствами отнюдь не завершилась, а наоборот, лишь ускоряется. Исходя из этого многие современные отечественные и зарубежные ученые (В. Байнев, С. Глазьев, С. Губанов, С. Солодовников и др.) полагают, что стратегической магистралью развития мировой экономики в XXI в. является формирование неоиндустриального (сверхиндустриального, технотронного, роботизированного и т. п.) общества, где ключевая роль будет принадлежать полностью автоматическим, в том числе безлюдным и управляемым искусственным интеллектом производствам [2, 3, 4, 5, 6, 7].

В связи с этим основной целью данного научного исследования стало изучение феномена индустриализации, включая осуществление ретроспективного анализа эволюции техники и технологий и трансформации роли технических устройств в производственных процессах с момента появления первой (паровой) машины вплоть до наших дней. При этом предпринята попытка раскрыть политико-экономическое содержание нынешнего этапа эволюции техники и технологий, в том числе выявить значение инновационной техники в жизни современного человека – на этапе четвертой индустриальной революции [8].

Результаты и их обсуждение. Индустриализация как процесс производства, внедрения и использования техники в производственной, финансовой, коммерческой, социальной, бытовой и даже духовной сфере жизнедеятельности людей с определенного момента времени стала играть ключевую роль в обеспечении технологичности и конкурентоспособности экономических систем. Эта ведущая роль непосредственно проистекает из очевидного и исторически не один раз доказанного факта – военное и экономическое противостояние при прочих равных условиях выигрывает тот, кто располагает более современной техникой, позволяющей реализовывать более прогрессивные технологии. Согласно исследованиям китайского ученого Чжан Биня, индустриально-промышленный комплекс связан с продуцированием как промышленной продукции, предназначенной для промежуточного или конечного потребления (промышленный компонент указанного комплекса), так и технических средств производства, используемых не только в промышленности, но и в других секторах национальной экономики и социума (ин-

дустриальный компонент) [9]. Таким образом, технико-технологический прогресс национальной экономики как процесс совершенствования используемой ею техники и, соответственно, реализуемых на ее основе технологий во многом предопределяется состоянием ее индустриально-промышленного комплекса.

Как известно, с точки зрения концепции постиндустриализма Д. Белла [1] эволюция земной цивилизации включает три этапа развития человечества, в том числе: *доиндустриальное общество*, для которого было характерно, прежде всего, развитое земледелие и скотоводство (так называемый первичный сектор); *индустриальное общество* с его развитой промышленностью (вторичным сектором); *постиндустриальное общество*, где доминирует сфера услуг (третичный сектор экономики). На наш взгляд, данный подход к классификации этапов эволюции земной цивилизации с точки зрения доминирования той или иной экономической сферы (аграрный сектор, промышленность либо сфера услуг) обладает существенным недостатком. Так, движение к «постиндустриальной экономике» через целенаправленное снижение роли промышленности во имя возрастания значимости сферы услуг возможно через деиндустриализацию – разрушение промышленного потенциала, что, к сожалению, наблюдалось во многих бывших республиках бывшего СССР, дружно устремившихся после его демонтажа в «постиндустриальное будущее». Мы убеждены, что в основу периодизации эволюции земной цивилизации необходимо положить принципиально иной подход, связанный с выделением этапов и фаз именно индустриализации как перманентного процесса совершенствования технических устройств (см. таблицу).

Классификация этапов и фаз индустриализации

Этап эволюции техники и технологий (его примерные исторические рамки)	Индустриальная эпоха (с XVIII в.)			
	Первая индустриальная революция (XVIII-XIX вв.)	Вторая индустриальная революция (конец XIX-первая половина XX вв.)	Третья индустриальная революция (вторая половина XX в.)	Четвертая индустриальная революция (с начала XXI в.)
Тип индустриализации	Энергетическая индустриализация		Информационная индустриализация	
	Теплоэнергетическая фаза	Электроэнергетическая фаза	Информационно-коммуникационная фаза	Информационно-интеллектуальная фаза
Базовые технические устройства	Теплотехника (тепловые машины и аппараты)	Электротехника (электрические машины и аппараты)	Электроника (электронные машины и аппараты)	Интеллектуальная электроника – интеллектуальная электроника (интеллектуальные машины и аппараты)
Базовый вид энергии	Тепловая энергия сжигаемого топлива	Энергетическое электричество	Информационно-коммуникационное электричество	Информационно-интеллектуальное электричество
Роль техники в производственных процессах	Теплофикация и механизация производства	Механизация и электрификация	Информатизация и автоматизация	Автоматизация и интеллектуализация техники
Роль человека во взаимодействии с техникой	Ручное непосредственное управление техникой; проектирование техники	Ручное опосредованное управление техникой; проектирование техники	Опосредованное программное управление техникой; проектирование и программирование техники	Проектирование техники и систем ее автоматического программирования

Источник: собственная разработка автора на основе [2].

Проведенный нами анализ существующих технических устройств позволил выявить, что они могут осуществлять [10, 11]:

а) *энергетические процессы*, когда технические устройства в более или менее значительных масштабах вовлекают в производство стороннюю природную энергию, которая вместо человека или совместно с ним осуществляет требуемые преобразующие воздействия на предметы труда. При этом сторонняя природная энергия при посредничестве *машинной техники*¹ (например, экскаватора, подъемного крана, автомобиля и т. п.) полностью или частично замещает собой мускульную энергию человека, осуществляя *механизацию* производственных процессов, либо в составе *аппаратной техники*² (нагревателя, прожектора, аккумулятора и т. п.) реализует аппаратурные производственные процессы (освещение, нагрев, излучение, электролиз и т. п.). Масштабное продуцирование, внедрение и использование техники, реализующей на производстве и в быту энергетические процессы, суть *энергетическая индустриализация* (см. таблицу);

б) *информационные процессы*, когда технические устройства получают, запоминают, хранят, транслируют, преобразуют информацию, используемую для управления техническими, экономическими и социальными системами. Такие технические устройства также делятся на машины и аппараты, причем машины (ЭВМ, автопилот, автомат управления автомобилем и т. п.) замещают в информационных процессах функции человека, а аппараты (радиолокатор, радиопередатчик, электронный микроскоп и т. п.) нет, поскольку реализуют принципиально неподвластные человеку производственные процессы. Распространение технических устройств, реализующих на производстве и в быту информационные процессы, суть *информационная индустриализация* (см. таблицу);

Исследование энергетической индустриализации показало, что она, в свою очередь, делится на две фазы по виду энергии, используемой в передовых образцах техники. Так, первая – *теплоэнергетическая фаза* энергетической индустриализации связана с использованием *тепловых машин* (паровоза, парохода, парового молота и т. п.) и *тепловых аппаратов* (корогаза, газового фонаря, газовой плиты и т. п.), вовлекающих в производственные процессы тепловую энергию сжигаемого топлива. Таким образом, теплотехника дает возможность осуществлять *теплофикацию* и *механизацию* производственных процессов.

Вторая – *электроэнергетическая фаза* энергетической индустриализации базируется на применении электротехнических устройств – *электрических машин* (трамвая, троллейбуса, электровоза и т. п.) и *электрических аппаратов* (электропечи, электроплиты, электролампы, электролизера и т. п.). Таким образом, на данной фазе техника используется для *механизации* и *электрификации* производственных процессов, причем эти характерные для электроэнергетической фазы *электротехнические устройства*, именуемые также *электротехникой*, используют *энергетическое электричество*, применяемое для передачи преимущественно энергии.

Вместе с тем известно, что электричество наряду с транспортом энергии может использоваться и для передачи информации – в этом случае его следует именовать *информационно-коммуникационным электричеством*. Технические устройства, чей принцип действия связан с использованием информационно-коммуникационного электричества, стали массово продуцироваться и применяться на этапах *информационной индустриализации*, а именно в ее первой *информационно-коммуникационной фазе* (см. таблицу).

Как известно, совокупность технических устройств, применяемых для получения, хранения, передачи и преобразования наличной информации, именуют *электронной техникой*, или *электроникой*. По аналогии с электротехническими устройствами в составе электроники различают *электронные машины* (ЭВМ, компьютер, автопилот, автомат управления автомобилем и т. п.) и *электронные аппараты* (телевизор, телефон, радио, радар и т. п.), чья роль заключается в *информатизации* и *автоматизации* производственных процессов.

¹ Под машинами (машинной техникой) мы подразумеваем технические устройства, которые, во-первых, потребляют (расходуют) стороннюю (не имеющую отношение к человеку) природную энергию, во-вторых, преобразуют ее из одного вида в другой, а в-третьих, замещают труд (функции, способности) человека.

² Под аппаратами (аппаратной техникой, аппаратурой) нами подразумеваются технические устройства, которые подобно машинам потребляют (расходуют) стороннюю природную энергию и преобразуют ее из одного вида в другой, однако в отличие от машин не замещают труд (функции, способности) человека, поскольку реализуют принципиально неподвластные человеку, не вооруженному техникой, процессы.

Современную стадию развития цивилизации отождествляют с цифровой трансформацией экономики и социума. Однако данный подход отражает лишь техническую сторону данной трансформации, связанной с расширением использования цифровой электронной техники взамен аналоговой (об этом подробнее см. [12]). При этом собственно политико-экономическая составляющая процесса цифровизации остается вне поля зрения. По нашему убеждению, адекватно осознать сущность и содержание нынешнего этапа технико-технологического прогресса можно лишь при его осмыслении в контексте нескончаемого исторического процесса индустриализации, а именно в качестве *информационно-интеллектуальной фазы информационной индустриализации* (см. таблицу). При этом следует учитывать, что электричество наряду с осуществлением функций носителя энергии и информации (см. выше) может выступать в его третьей сущностной ипостаси – оно может использоваться для получения (генерации) новой информации и знаний. Такое, *информационно-интеллектуальное электричество*, позволяющее генерировать новую информацию и новые знания, будет циркулировать в составе *интеллектуальных машин и интеллектуальных аппаратов*, совокупность которых мы, по предложению профессора В. Ф. Байнева, считаем возможным именовать *интеллектрономикой*¹, или *интеллектрономической техникой* – по аналогии с электротехникой и электроникой. С учетом этого развитие (эволюцию) техники, на наш взгляд, можно охарактеризовать следующей последовательностью ее видов: «теплотехника» – «электротехника» – «электроника» – «интеллектрономика».

Еще один значимый результат проведенного нами исследования – анализ изменения роли человека в его взаимодействии с техникой (см. таблицу). Поначалу, на начальной стадии энергетической индустриализации, оператор вручную непосредственно управлял техническими устройствами. Появление приспособлений, облегчающих такое управление (реле, пускатели, реостаты, потенциометры, пульта и т. п.) привело к распространению ручного опосредованного управления техникой. Затем, на заре информационной индустриализации, появились вычислительные процессоры, способные по заданной программе управлять электрическими машинами и аппаратами, что дало старт опосредованному программному управлению ими. В перспективе исключительной прерогативой человека в его взаимоотношениях с техносферой, на наш взгляд, останется лишь проектирование новой техники и систем ее автоматического программирования с использованием искусственного интеллекта.

Таким образом, технико-технологический прогресс земной цивилизации, трактуемый в качестве нескончаемого процесса совершенствования технических устройств и, соответственно, реализуемых с их помощью технологий, есть проявление и прямое следствие индустриализации. На наш взгляд, выделенные нами этапы и фазы индустриализации (см. таблицу) вполне могут быть использованы для обозначения как этапов технико-технологического прогресса, так и периодов эволюции нашей цивилизации в целом.

Выводы. Индустриализация – это начавшийся в XVIII в. нескончаемый процесс оснащения машинной и аппаратной техникой всех сфер жизнедеятельности человека. Основные этапы этого процесса – энергетическая и информационная индустриализация – также делятся на фазы, связанные с использованием характерных для них видов техники и приводящей ее в действие энергии в соответствии с таблицей. Технико-технологический прогресс, определяющий общий вектор развития земной цивилизации, связан с выполнением новой техникой все более и более сложных функций, с замещением ею мускульно-двигательной силы и интеллектуальных, включая творческие, способностей человека.

Современный этап эволюции техники и технологий, именуемый цифровой трансформацией экономики и социума, следует рассматривать исключительно в контексте индустриального прогресса земной цивилизации. С политико-экономической точки зрения этот этап представляет собой информационно-интеллектуальную фазу второго этапа индустриализации, именуемого информационной индустриализацией. Ее ключевая особенность – проектирование, распространение и использование интеллектуальной электроники (интеллектрономики) – интеллектуальных (интеллектрономических) машин и аппаратов, выполняющих интеллектуальные и даже творческие функции, связанные не только с получением, хранением, передачей, преобразованием имеющихся данных, но и с генерацией новой информации вплоть до получения (создания) техникой новых знаний.

¹ Известно, что первый персональный компьютер впервые запатентовал в 1968 г. (т. е. за несколько лет до фирмы Apple) советский инженер А. Горохов, назвавший его «программируемым интеллектором».

Восприятие нынешнего этапа технико-технологического прогресса в качестве очередного этапа индустриализации требует решительно отказаться от засилья в науке «постиндустриальной догмы» и по примеру демонстрирующего впечатляющий технико-технологический прогресс Китая [6, 9] придать новой индустриализации статус главного стратегического приоритета развития Беларуси на средне- и долгосрочную перспективу.

Список использованных источников

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 2004. – 944 с.
2. Байнев, В. Ф. История экономики знаний: технико-технологический и политико-экономический анализ / В. Ф. Байнев. – Минск: Право и экономика, 2020. – 158 с.
3. Глазьев, С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых мирохозяйственном и технологическом укладах / С. Ю. Глазьев. – М. : Книжный мир, 2018. – 768 с.
4. Губанов С. С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / С. С. Губанов. – М. : Книжный мир, 2012. – 224 с.
5. Солодовников, С. Ю. Модернизация белорусской экономики и экономика рисков: актуальные проблемы и перспективы / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич, Ю. В. Мелешко. – Минск : БНТУ, 2019. – 491 с.
6. Чжан Бинь. Наш пропуск в технотронное будущее / Чжан Бинь, В. Ф. Байнев // Беларуская думка. – 2021. – № 1. – С. 47–56.
7. Сергиевич, Т. В. Роботизация и экономическая безопасность промышленного предприятия / Т. В. Сергиевич // Технико-технологические проблемы сервиса. – 2020. – 3 (53). – С. 54–58.
8. Шваб, К. Четвертая промышленная революция: перевод с англ. / К. Шваб – М. : Издательство «Э», 2017 – 208 с.
9. Чжан Бинь. Индустриальный марш Китая / Чжан Бинь, В. Ф. Байнев // Беларуская думка. – Минск, 2020. – № 4. – С. 54–62.
10. Байнев, В. Ф. Техника как энергетический и политико-экономический феномен / В. Ф. Байнев, Ю. Ю. Рунков // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2020. – Вып. 11. – С. 28–37. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2020-11-28-37>
11. Байнев, В. Ф. Индустриализация как энергетический, технический и экономический феномен / В. Ф. Байнев, Ю. Ю. Рунков // Экономист. – 2020. – № 5. – С. 10–15.
12. Байнев, В. Ф. Электронная (цифровая) экономика как технико-технологический и политико-экономический феномен / В. Ф. Байнев // Наука и инновации. – Минск, 2019. – № 7 (197). – С. 23–27.

Статья поступила в редакцию 24 сентября 2021 года

INDUSTRIALIZATION AS A FACTOR OF TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL PROGRESS

Y. Y. Runkov

Junior Researcher of the Department of Innovation and Entrepreneurship
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus

The article analyzes the technique and technology of the industrial era – the period of evolution of the earthly civilization associated with large-scale production and widespread distribution of technical devices. The main types and phases of industrialization are highlighted and characterized. In the context of industrial progress, the modern stage of the evolution of technology and technology, associated with the digital transformation of the economy and society, has been investigated.

Keywords: *technique, technical progress, industry, industrialization, postindustrial economy, fourth industrial revolution, digitalization of the economy.*

References

1. Bell, D. (2004) Gryadushcheye postindustrialnoye obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya [The Coming Post-Industrial Society. Experience of social forecasting]. Moscow, *Academia* publ. (In Russian).
2. Baynev, V.F. (2020) Istoriya ekonomiki znaniy: tekhniko-tehnologicheskii i politiko-ekonomicheskii analiz: monografiya [History of the knowledge economy: technical-technological and political-economic analysis: monograph]. Minsk, *Law and Economics* publ. (In Russian).
3. Glaz'ev, S. Yu. (2018) Ryvok v budushcheye. Rossiya v novykh mirokhozaystvennom i tekhnologicheskome ukladakh [Leap into the Future. Russia in new world economic and technological structures]. Moscow, *Knizhnyy mir* publ. (In Russian).
4. Gubanov, S. S. (2012) Derzhavnyy proryv. Neoindustrializatsiya Rossii i vertikal'naya integratsiya [Sovereign breakthrough. Neoinustrialization of Russia and vertical integration]. Moscow, *Academia* publ. (In Russian).
5. Solodovnikov, S. Yu., Sergievich, T. V., Meleshko, Yu. V. (2019) Modernizatsiya belorusskoi ekonomiki i ekonomika riskov: aktualnye problemy i perspektivy [Modernization of the Belarusian economy and risk economy: current problems and prospect]. Minsk, *BNTU* publ. (In Russian).
6. Zhang Bin, Baine, V.F. (2021) Nash propusk v tekhnotronnoye budushcheye [Our pass to the technotronic future]. *Belaruskaya Dumka*. (1), 47-56. (In Russian).
7. Sergiyevich, T. V. (2020) Robotizatsiya i ekonomicheskaya bezopasnost' promyshlennogo predpriyatiya [Robotization and economic security of an industrial enterprise]. *Technical and technological problems of service*. (53), 54-58. (In Russian).
8. Shvab, K. (2017) Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya: perevod s angl [The Fourth Industrial Revolution: Translated from English]. Moscow, *Publishing house "E"* publ. (In Russian).
9. Zhang Bin, Baine, V. F. (2020) Industrialnyi marsh Kitaya [Industrial March of China]. Minsk, *Belaruskaya Dumka*. (4), 54-62. (In Russian).
10. Baynev, V. F., Runkov, Yu. Yu., (2020) Tekhnika kak energeticheskii i politiko-ekonomicheskii fenomen [Technology as an energy and political-economic phenomenon]. Minsk, *Science and innovation*. (11), 28-37. (In Russian).
11. Runkov, Yu. Yu., Baynev, V. F., (2020) Industrializatsiya kak energeticheskii, tekhnicheskii i ekonomicheskii fenomen [Industrialization as an energy, technical and economic phenomenon]. *Economist*. (5), 10-15. (In Russian).
12. Baynev, V. F. (2020) Elektronnaya (tsifrovaya) ekonomika kak tekhniko-tehnologicheskii i politiko-ekonomicheskii fenomen [Electronic (digital) economy as a technical-technological and political-economic phenomenon]. Minsk, *Science and innovation*, (7), 23-27. (In Russian).

УДК 338.23
JEL F52, H56, O10
<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-123-132>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Е. А. Бидзюра

bidziura@bntu.by

аспирант, старший преподаватель кафедры «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена теоретическим основам исследования экономической безопасности, в результате которого безопасность определена как норма функционирования, возникающая при использовании актуальных и потенциальных возможностей, ориентированных на усиление своей жизнеспособности в условиях внутренних и внешних угроз. Предложена авторская интерпретация понятия «экономическая безопасность» на основании выделенных подходов и методологии Н. В. Герасимова при определении «экономической системы общества»: экономическая безопасность – это поддержание нормы функционирования субъекта, обеспечивающееся путем создания единого, устойчивого, организационно оформленного, относительно самостоятельного комплекса механизмов, ориентированного на реализацию социально-экономических интересов и намеченных стратегических целей в условиях актуализированных и потенциальных угроз. Выявлена взаимообусловленность экономической безопасности и потребностей субъектов.

Ключевые слова: безопасность, экономическая безопасность, потребности, жизнеспособность, угрозы, риски, вызовы, ресурсы, интересы, устойчивое развитие.

Цитирование: Бидзюра, Е. А. Теоретические аспекты определения экономической безопасности как экономической категории / Е. А. Бидзюра // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 123–132. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2021-14-123-132>

Введение. Исторический процесс, приведший человечество к новым открытиям и изобретениям, позволил приобрести новые возможности, но данный процесс неразрывно связан с множеством вызовов и угроз различного характера. На данном этапе развития наиболее актуальными задачами для государства являются обеспечение устойчивого экономического и социального развития. Обеспечение экономической безопасности не только неразрывно связано с решением данных проблем, но и является гарантией сохранения суверенитета, стабильности и развития.

Исследованию понятия «экономическая безопасность» посвящено множество научных работ, среди которых можно выделить следующих авторов: Л. И. Абалкин [1], А. А. Вишневецкий [2], М. А. Булгакова [3], М. В. Савина [4], А. Р. Шафиева [5], В. И. Орехов [6], Т. Р. Орехова [6], Е. В. Прудюс [6], Е. А. Григорьева [7], О. В. Карагодина [8], В. А. Попелов [9], В. П. Оболенский [9], В. В. Моргунов [10], А. В. Орлова [11], О. П. Чечин [12], В. К. Сенчагов, М. И. Кротов [13], В. И. Мунтиян [13], В. В. Пузиков [14], А. И. Громович [14]. Вместе с тем, до настоящего времени не выработан единый подход к определению данного феномена, что связано с тем, что экономическая безопасность столь же динамична, как и экономическая система общества, под воздействием трансформации трудовых и потребностных отношений трансформируется и само понятие экономической безопасности. Кроме того, при исследовании того или иного экономического явления присутствует большое количество точек зрения, так как исследование ограничено когнитивными способностями исследователя, средой, окружающей его, общественной группой и местом в структуре трудовых отношений, идеологией, культурными установками и в особенности практико-ориентированной целью, поставленной перед исследователем. В нашем исследовании целью является изучение и развитие теоретических основ экономической безопасности, для чего требуется, прежде всего, раскрыть сущность такого понятия как «безопасность».

Результаты и их обсуждение. Самое общее значение слова «безопасность» в русском языке отражено в толковых словарях В. И. Даля, определявшего безопасность как «отсутствие опасности, сохранность, надежность»¹, и С. И. Ожегова, представившего следующее определение: «безопасность – положение, при котором не угрожает опасность кому-чему-нибудь»². Несмотря на простоту и широкое распространение приведенных определений, стоит отметить, что они не отражают экономическую сущность категории «безопасность», которая является, несомненно, более сложной по содержанию. Так, П. С. Лемещенко справедливо отмечает по этому поводу: «безопасность – от природных угроз, или что более важно, от угроз и действий других людей – это, пожалуй, самая основная человеческая потребность» [15, с. 8]. Приведенная точка зрения подтверждается высказыванием А. И. Страхова: «Потребность в безопасности – исходная социальная потребность человека, которая сформировалась в человеческом обществе на грани инстинктивного и сознательного»³. В данном случае определение безопасности происходит через потребность, трактовать которую с экономической точки зрения наиболее целесообразно в рамках нашего исследования в «позитивистском» понимании данной категории.

Л. Николов разработал следующий подход к определению рассматриваемой категории: «потребность есть положительное отношение между нормальным функционированием организма или субъекта и условиями этого нормального функционирования» [16, с. 72]. По этому поводу С. Ю. Солодовников правомерно отмечает следующее: «При этом подходе (Л. Николова – Е. Б.) состояние неудовлетворенной потребности представляется отклонением от нормы, а удовлетворение ее – возвращение в состояние нормы» [17, с. 169]. Следует согласиться с данным высказыванием поскольку, описывая потребность как надобность чего-либо, наступит момент удовлетворения этой надобности и исчезнет сама потребность. В том случае, если потребность присутствует не постоянно, то и интерес не будет являться постоянным стремлением субъекта, что повлечет возникновение ситуации, при которой исчезают потребности и интересы при мотивации поведения субъектов. В том случае, когда потребность рассматривается как норма функционирования системы, потребность является основой, поскольку любая система стремится к тому, чтобы обеспечить себе нормальное функционирование, постоянное воспроизводство. Отсюда вытекает главный экономический интерес субъекта – обеспечение материальной основы жизнеспособности субъекта, усиление его жизнеспособности. Жизнеспособность любой системы «можно определить, – писал Н. В. Герасимов, – как ее атрибутивное свойство, состоящее во внутренней направленности на самосоуществование, способности к нему и осуществлении его во всех возможных отношениях» [18, с. 294]. С учетом вышеизложенного, предлагаем понимать безопасность как норму функционирования, возникающую при использовании актуальных и потенциальных возможностей, ориентированных на усиление своей жизнеспособности в условиях внутренних и внешних угроз.

В современной экономической науке существует четыре основных подхода к определению экономической безопасности как экономической категории, формирование которых обусловлено развитием теоретических взглядов на экономическую безопасность: абалкинский, статичный, динамичный и интересодетерминированный. В рамках первого (абалкинского) подхода, представителями которого являются Л. И. Абалкин [1], А. А. Вишневецкий [2], М. А. Булгакова [3], экономическая безопасность рассматривается как условия и факторы, которые в совокупности способны обеспечить сохранение суверенитета, устойчивость, стабильный рост и независимость национальной экономики, а также ее способность к постоянному самосовершенствованию. Основоположник данного подхода Л. И. Абалкин определял экономическую безопасность как «совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию» [1, с. 5]. Анализ реальных процессов и осмысление зарубежного и отечественного опыта привели Леонида Ивановича к тому, что он один из первых выделил способность к саморазвитию и прогрессу в структуре экономической безопасно-

¹ Даль, В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия / В. И. Даль. – М.: Эксмо, 2009. – 736 с. – С. 44.

² Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 27-е изд., исправленное. – Москва : АСТ : Мир и образование, 2013. – 1357 с. – С. 73.

³ Экономическая безопасность России: общий курс : учебник / Под ред. В. К. Сенчагова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2017. – 815 с. – С. 13.

сти полагая, что постоянная модернизация производства, а также повышение образовательного уровня работников стали необходимостью для формирования устойчивости и самосохранения национальной экономики.

А. А. Вишнеvский, придерживаясь подхода к определению экономической безопасности Л. И. Абалкина, приводит следующее определение: «экономическая безопасность – это совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и совершенствованию» [2, с. 106]. Схожая по осмыслению трактовка рассматриваемого понятия представлена в статье М. А. Булгаковой, в которой экономическая безопасность определена как «совокупность условий и факторов, обеспечивающих сохранение суверенитета, устойчивость и стабильный рост национальной экономики, а также ее способность к непрерывному апгрейду» [3, с. 85]. По существу, А. А. Вишнеvский и М. А. Булгакова повторяют позицию Л. И. Абалкина. В рамках данного подхода представителям удалось обратить внимание на сохранение суверенитета, а также на необходимость постоянного совершенствования, что особенно важно в современном динамично меняющемся мире.

Актуальность проблем Российской Федерации во время становления абалкинского подхода привела его представителя к выделению независимости экономики как желаемого результата, но вместе с тем экономика не может быть независимой по определению, так как участвует в международном разделении труда, следовательно зависит от других участников этой цепочки. При существующих условиях на современном этапе развития есть возможность повысить свою устойчивость к внешним вызовам и угрозам за счет диверсификации экспорта и импорта, что в свою очередь должно снизить зависимость от внешнего влияния. Следует отметить, что одним из важнейших компонентов экономической безопасности является развитие, т. к. если экономика будет развиваться в недостаточной степени, будет падать уровень ее выживаемости, то есть ее жизнестойкости. Несмотря на это при обеспечении экономической безопасности самосовершенствование и внедрение инноваций не должны быть главной целью, а должны служить главному – обеспечению выживаемости экономики, обеспечивать внутреннюю и внешнюю безопасность.

Второй (статичный) подход к определению экономической безопасности стал развитием первого (абалкинского) подхода, возникший как необходимость реакции на новые или актуализированные в это время внутренние и внешние угрозы. Представителями данного подхода являются М. В. Савина [4], А. Р. Шафиева [5], Е. В. Прудюс [6], Е. А. Григорьева [7]. Они рассматривают экономическую безопасность в рамках невосприимчивости экономической системы к различного рода угрозам, термин употреблялся в значении близком по содержанию к понятиям «статичность, не изменчивость». М. В. Савина пишет, что стратегия национальной экономической безопасности направлена на «обеспечение состояния защищенности, невосприимчивости экономики к внешним и внутренним угрозам, ее способности противодействовать кризисным явлениям» [4, с. 29]. Схожий подход высказывает А. Р. Шафиева, по мнению которой, «экономическая безопасность как состояние невосприимчива к угрозам. Под угрозой понимается все, что подрывает основы независимого существования нации и наносит ущерб хозяйственным интересам отдельных лиц, общества, государства, создает угрозу национальным ценностям и дестабилизирует социально-экономическое положение в обществе» [5, с. 325]. Вместе с тем, названный автор выделил экономические угрозы и представил расширительную трактовку данной категории.

В публикации Е. В. Прудюса «О понятии и системе экономической безопасности» [6] со ссылкой на работу А. Е. Городецкого, трактующего экономическую безопасность как «надежную и обеспеченную всеми необходимыми средствами и институтами государства (включая силовые структуры и спецслужбы) защищенность национально-государственных интересов в сфере экономики от внутренних и внешних угроз» [19, с. 46], указано, что А. Е. Городецкий придерживается статичного подхода. Е. В. Прудюс описывает это следующим образом: «Определение безопасности как специфического состояния защищенности или как собственно защищенность отражает лишь статику системы» [6, с. 67]. Е. А. Григорьева в монографии «Институциональное обеспечение модернизации экономики как условие экономической безопасности» [7, с. 15] высказывает абсолютно идентичную позицию по трактовке экономической безопасности, представленной А. Е. Городецким. Следует не согласиться с позицией Е. В. Прудюса и Е. А. Григорьевой, так как защищенность и невосприимчивость не являются

синонимами. Необходимо отметить, что состояние защищенности является универсальной функцией любой безопасности. Безопасное означает, что системе удалось обеспечить защиту.

Выделение экономической безопасности как состояния невосприимчивости к угрозам позволяет говорить о статичном подходе, при котором для «невосприимчивости» характерно, что нормой является стабильность. Игнорируется, что в результате изменения системы будут возникать такие вызовы и угрозы, которые заранее невозможно было предугадать, соответственно система становится не способной к своевременному реагированию на внешние угрозы. Почему так происходит? Любая система «постоянно находится под воздействием двух противоположно направленных тенденций – к разрушению (энтропийный процесс) и к эволюции (антиэнтропийный процесс) и может сохранять (или увеличивать) свою жизненность только при их одновременном сочетании» [20, с. 20]. Е. А. Седов при исследовании стадий перехода системы от состояния максимальной энтропии до состояния нулевой энтропии пришел к выводу, что существует некое оптимальное соотношение энтропии (хаос) и детерминации, обеспечивающей целостность структуры (порядок). Названный автор утверждает, что «если система, преодолев точку оптимального соотношения, продолжает двигаться к конечному состоянию, она начинает терять свои адаптивные свойства вследствие чрезмерного уменьшения энтропии» [21, с. 95]. Как справедливо отмечает по этому поводу С. Ю. Солодовников, «достигнув высочайшей степени упорядоченности (иными словами, жесткой детерминированности), социальная система может продолжать существовать лишь в неизменно стабильных условиях, при изменении которых обречена на неминуемую гибель» [22, с. 14]. Таким образом, как только нарушается норма, система становится слишком статична и идет к застою, когда появляется много свободы, она идет к развалу.

Заслуга представителей статичного подхода в том, что они непосредственно увязывают понятие экономической безопасности с угрозами, однако, вместе с тем не отражено, что понятие «угрозы» является динамичным. При данном подходе преувеличивается значение «невосприимчивости» (статичности), система не реагирует на информацию, полученную извне, то есть она замыкается в себе. На практике такая ситуация может обернуться социальной катастрофой и отбрасыванием страны вспять. Определение экономической безопасности как статичной системы не может быть удовлетворительным, так как безопасность должна постоянно воспроизводиться и обеспечиваться в результате реагирования системы на внутренние и внешние угрозы, предотвращая их.

Указанный методологический пробел был восполнен представителями динамичного (третьего) подхода, которыми являются В. И. Орехов [8], О. В. Карагодина [8], Т. Р. Орехова [8], В. П. Оболенский [9], В. А. Поспелов [9], В. В. Моргунов [10], А. В. Орлова [11], О. П. Чечин [12]. Они рассматривают экономическую безопасность как систему, способную обеспечить защиту, заблокировать и нейтрализовать возможные внутренние и внешние угрозы. В. И. Орехов описывает экономическую безопасность как «совокупность внутренних и внешних условий, благоприятствующих эффективному динамическому росту национальной экономики, ее способности удовлетворять потребности общества, государства, индивида, обеспечивать конкурентоспособность на внешних и внутренних рынках, страхующую от различного рода угроз и потерь» [8, с. 3]. В данном определении лучше всего наблюдается переходное состояние от второго подхода к третьему, так как присутствует и рост национальной экономики, и в то же время выделяется способность предотвращать и принимать какие-то меры для воспрепятствования наступлению внутренних и внешних угроз.

В. П. Оболенский, рассматривая экономическую безопасность, установил, что последняя «заключается в таком состоянии внешнеэкономических связей, включая их организационно-управленческие структуры, при котором влияние внешних факторов не приводит к необратимым последствиям в экономике и социальной обстановке в стране, в первую очередь к падению до критического уровня подушевых доходов, производства, потребления и занятости» [9, с. 86]. Названный автор концентрирует внимание на существующих внешних угрозах, полагая, что это будет способствовать достижению собственных целей, отчасти это верная стратегия обеспечения экономической безопасности, поскольку пока в мире существуют субъекты с противоположными и несовпадающими интересами, будет существовать и потребность в постоянном механизме защиты и урегулирования между ними. Но при данном подходе не учитываются внутренние актуализированные и возможные угрозы.

По мнению В. В. Моргунова, экономическая безопасность должна «обеспечивать защиту всех систем жизнеобеспечения государства от внешних и внутренних угроз, противостоять им и приспосабливаться к новым вызовам развития в различных сферах экономической деятельности» [10, с. 53]. При данной трактовке теряется видение развития экономики, что восполняет в своем определении А. В. Орлова, которая считает, что под экономической безопасностью целесообразно понимать «защищенность общественных отношений, готовность и способность институциональных единиц общества разрабатывать мероприятия по блокированию или нейтрализации возможных или появившихся угроз, реализация этих мероприятий с целью развития отечественной экономики и поддержания социально-политической стабильности общества» [11, с. 97]. Трактовать экономическую безопасность с позиции защищенности не желательно, так как она весьма неоднозначна, помимо этого нет понимания, как возможно оценить эффективность данного состояния. По мнению О. П. Чечина: «Экономическая безопасность – это набор экономических, политических, правовых инструментов, которые способствуют защите жизненно важных интересов общества, государства, предприятия и личности» [12, с. 92]. В данной трактовке обеспечение экономической безопасности сводят к защите жизненно важных интересов от различного рода угроз, при этом не уделяется внимание развитию и возможности реализации социально-экономических интересов. Таким образом, в рамках динамичного подхода меняется представление об экономической безопасности как статичной системе в сторону динамичной, способной быстро и комплексно реагировать на всевозможные вызовы и угрозы. Заслуженой представителей данного подхода является выдвижение на передний план задач по обеспечению адаптивности экономической системы, а также способности быстро реагировать на внутренние и внешние угрозы. При данном подходе считается, что обеспечение экономической безопасности зависит от эффективного противодействия возможным угрозам, а также устранения последствий от них. Вместе с тем представители динамичного подхода не обратили внимания на такую важную особенность экономической безопасности как реализация экономических интересов.

Возникновение интересодетерминированного (четвертый) подхода обусловлено методологическим недостатком динамичного подхода. Представителями четвертого подхода являются В. К. Сенчагов, М. И. Кротов [13], В. И. Мунтиян [13], В. В. Пузиков [14], А. И. Громович [14] и др. Они рассматривают экономическую безопасность как состояние, способное обеспечить защищенность жизненно важных экономических интересов. В. К. Сенчагов определяет экономическую безопасность как «такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов»¹. Рассматривая данную трактовку, внимание концентрируется именно на защите национальных интересов, при этом не учитывается их реализация. Развивая вышеприведенное определение, М. И. Кротов и В. И. Мунтиян представляют следующее: «экономическая безопасность – это не только защищенность национальных интересов, но и готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества» [13, с. 97]. Названные авторы отмечают необходимость создания механизмов, позволяющих не только защитить национальные интересы, но и реализовать их в полной мере.

В. В. Пузиков и А. И. Громович представляют следующую трактовку: «Экономическая безопасность – это состояние системы экономических отношений между субъектами хозяйствования (производителями и потребителями), индивидами, государственными институтами как в рамках национальной экономики, так и в сфере внешнеэкономической деятельности, обеспечивающее возможность полной реализации и защищенность жизненно важных экономических интересов от внешних и внутренних угроз через достижение сбалансированности интересов каждого из участников отношений в оптимальном соотношении с интересами других субъектов хозяйствования» [14, с. 43]. Названные авторы считают, что обеспечение экономической безопасности достигается путем сбалансированности интересов субъектов отноше-

¹ Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2017. – 815 с. – С. 48.

ний. В основе данной трактовки лежат определенные экономические отношения между интересами личности, общества и государства.

Заслугой представителей интересодетерминированного подхода является выделение необходимости защиты и реализации жизненно важных интересов. При выстраивании стратегии обеспечения экономической безопасности через реализацию экономических интересов следует убедиться, что они не противоречат национальным интересам и способы их достижения не являются противоправными. Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь к национальным интересам относится «совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь»¹. В данном случае стоит учитывать, что потребности динамичны и изменчивы, они меняются в зависимости от поведения субъекта. То есть изменения, происходящие в системе направленные на реализацию потребностей, влияют на изменение условий функционирования самого субъекта, что в свою очередь способствует формированию у него новых потребностей, соответствующих главной цели – упрочению жизнеспособности в изменившихся условиях. При рассмотрении жизнеспособности в контексте обеспечения экономической безопасности внимание концентрируется на неуничтожимости и самосохранении, но при описании экономической безопасности как категории, следует также увязать его с понятием «сила». Сила в данном контексте может выступать совокупностью потенциальных и актуальных способностей, то есть может выполнять различные действия, направленные не только на сам субъект, но и на внешнее окружение. Данные действия могут быть не только в позитивном ключе, но и носить деструктивный характер, подчеркивая разрушительный характер, необходимый для выполнения защитной функции.

А. И. Страхов прямо указывает, что основным свойством, определяющим безопасность системы является «сбалансированность внутренних и внешних условий ее существования, позволяющая системе реализовывать интересы текущего и будущего ее развития»². Из этого вытекает, что основной задачей обеспечения экономической безопасности является обеспечение полной реализации и защищенности жизненно важных экономических интересов. Как писал Н. В. Герасимов, экономические интересы представляют собой «социальную направленность жизненной активности субъектов на создание благоприятных общественных условий, необходимых для удовлетворения их материальных потребностей и нужд, обеспечения максимально возможной физической и социальной жизнеспособности» [18, с. 23]. Подчеркивая роль реализации экономических интересов при описании экономической безопасности системы, следует отметить, что главным из них является оптимизация своей жизнеспособности.

В рассмотренных трактовках, по нашему мнению, недостаточно внимания было уделено взаимосвязи таких понятий как «экономическая безопасность» и «риск». Прежде чем перейти к установлению данной взаимосвязи, необходимо сделать ряд замечаний о самой категории «риск». В научной литературе в настоящее время существует большое количество работ, описывающих риски, при этом нет единого понимания их сущности. Это обусловлено тем, что в русском языке существует двойственное значение данной категории. Так, например, в толковом словаре В. И. Даля: «риск – это отвага, смелость, решимость, предприимчивость, действие на-авось, наудачу»³, а в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, представлено два варианта определения данного термина: «риск – 1. возможная опасность. <...> 2. Действие наудачу, в надежде на счастливый исход»⁴. Согласно вышеперечисленным определениям, можно сделать вывод о том, что действие происходит в условиях неопределенности с надеждой на благоприятный исход.

¹ Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575>. – Дата доступа: 13.05.2021.

² Экономическая безопасность России: общий курс : учебник / Под ред. В. К. Сенчагова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2017. – 815 с. – С. 19.

³ Даль, В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия / В. И. Даль. – М.: Эксмо, 2009. – 736 с. – С. 564.

⁴ Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 27-е изд., исправленное. – Москва : АСТ : Мир и образование, 2013. – 1357 с. – С. 73.

Рассмотренные в исследовании работы отечественных и зарубежных авторов позволяют констатировать, что определение «риска» как экономической категории сводится к тому, что данный термин используется только в том случае, «когда существует возможность негативного последствия»¹. Так, например, О. А. Грунин приводит следующее определение: «риск – это возможная опасность, действие наудачу, в надежде на благоприятный исход, с пониманием того, что могут произойти неприятности, наносящие ущерб» [23, с. 86]. В данном определении определяющей характеристикой является возможность наступления какого-либо события, помимо этого приведены варианты наступления события. Е. А. Олейников трактует категорию «риск» как «вероятность (возможность) возникновения неблагоприятных и нежелательных последствий»², что представляется в виде неполучения ожидаемого результата. Таким образом, под риском будем понимать неблагоприятное событие, приводящее к нежелательным последствиям. В данном случае под нежелательными последствиями понимается угроза. Под угрозой понимают «совокупность факторов и условий, создающих опасность для нормального функционирования объектов экономики в соответствии с их целями и задачами» [24, с. 26]. Угрозы экономической безопасности, как правило, предполагают случайные новые явления или вызовы, то есть это случайные не регулярные еще не повторяющиеся связи и отношения.

Обобщая рассмотренные формулировки понятия «экономическая безопасность» и используя методологию Н. В. Герасимова при определении экономической системы общества, предлагаем следующую интерпретацию экономической безопасности в общем плане: **Экономическая безопасность** – это поддержание нормы функционирования субъекта, обеспечивающееся путем создания единого, устойчивого, организационно оформленного, относительно самостоятельного комплекса механизмов, ориентированного на реализацию социально-экономических интересов и намеченных стратегических целей в условиях актуализированных и потенциальных угроз. Иными словами, экономическая безопасность это способность экономики функционировать при потенциальных и реально существующих угрозах таким образом, чтобы обеспечить конкурентоспособность производимой продукции и оказываемых услуг не только на внутреннем рынке, но и на внешнем; а также удовлетворить потребности общества и государства в целом. Из этого можно сделать вывод о том, что экономическая безопасность государства должна обеспечиваться не одной государственной структурой, а должна поддерживаться всей государственной системой. На современном этапе развития экономики Республики Беларусь невозможно провести разграничение между экономической безопасностью государства и экономической безопасностью промышленного предприятия. Как отмечает по этому поводу С. Ю. Солодовников: «Эти два процесса не только переплетены и взаимообусловлены, что само по себе делает любое разграничение того, где заканчивается экономическая безопасность промышленного предприятия и начинается экономическая безопасность страны, исключительно теоретической, поскольку на практике это невозможно. Напротив, экономическая безопасность промышленных предприятий выступает важнейшей компонентой экономической безопасности страны» [25, с. 192]. Считаем необходимым согласиться с названным автором, поскольку дестабилизация экономики государства происходит зачастую через международные санкции, направленные на конкретные предприятия.

Выводы. Подходя к основной задаче исследования, в данной статье была предложена трактовка понятия «безопасность» сквозь призму экономических интересов субъекта: норма функционирования, возникающая при использовании актуальных и потенциальных возможностей, ориентированных на усиление своей жизненности в условиях внутренних и внешних угроз. Проведенные исследования позволили выделить в современной экономической науке четыре основных подхода к определению экономической безопасности как экономической категории, формирование которых обусловлено развитием теоретических взглядов на экономическую безопасность: абалкинский, статичный, динамичный, интересодетерминированный. Обобщая рассмотренные формулировки понятия «экономическая безопасность» и учитывая положительные и отрицательные стороны сформировавшихся подходов, была предложена следующая интерпретация: экономическая безопасность – это поддержание нормы функционирования, обеспечивающееся путем создания единого, устойчивого, организационно оформленно-

¹ Менеджмент риска. Термины и определения: СТБ ИСО / МЭК Руководство 73-2005. – Введ. 01.01.06. – Минск : Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2005. – 26 с.

² Экономическая и национальная безопасность : учебник / Е. А. Олейников [и др.]; под ред. Е. А. Олейникова. – М. : Экзамен, 2005. – 786 с.

го, относительно самостоятельного комплекса механизмов, ориентированного на реализацию социально-экономических интересов и намеченных стратегических целей в условиях актуализированных и потенциальных угроз.

Список использованных источников

1. Абалкин, Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л. И. Абалкин // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 4–13.
2. Вишневский, А. А. Экономическая безопасность и ее обеспечение в классификационных моделях функций государства / А. А. Вишневский // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – Мінск : БІП – Інстытут правазнаўства. – 2012. – № 2. – С. 101–122.
3. Булгакова, М. А. Генезис и современные тенденции определения сущности научной категории «экономическая безопасность» / М. А. Булгакова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – Том 16. – № 5. – С. 79–86.
4. Савина, М. В. Трансформация классовой структуры в постиндустриальном обществе и потенциальные угрозы национальной экономической безопасности / М. В. Савина // Российское предпринимательство. – 2009. – № 6 (1). – С. 29–34.
5. Шафиева, А. Р. Экономическая безопасность. Факторы, предоставляющие угрозу экономической безопасности РФ / А. Р. Шафиева // Вестник современных исследований. – 2019. – № 1.5 (28). – С. 325–328.
6. Прудюс, Е. В. О понятии и системе экономической безопасности / Е. В. Прудюс // Бизнес в законе. – 2008. – № 1. – С. 66–70.
7. Григорьева, Е. А. Институциональное обеспечение модернизации экономики как условие экономической безопасности / Е. А. Григорьева. – Москва : Инфра-М, 2017. – 153 с.
8. Орехов, В. И. Экономическая безопасность современной России в условиях кризиса / В. И. Орехов, Т. Р. Орехова, О. В. Карагодина ; под науч. ред. Т. Р. Ореховой. – М. : ИНФА-М, 2017. – 105 с.
9. Оболенский, В. П. Глобализация мировой науки экономики: проблемы и риски российского предпринимательства / В. П. Оболенский, В. А. Поспелов. – М. : Наука, 2001. – 215 с.
10. Моргунов, В. В. Экономическая безопасность России как экономическая категория / В. В. Моргунов // Экономические науки. – 2011. – № 10 (83). – С. 53–55.
11. Орлова, А. В. Эволюция понятия «экономическая безопасность» / А. В. Орлова // Научные ведомости. – 2012. – № 19 (138). – С. 93–97.
12. Чечин, О. П. Цифровая трансформация в концепции экономической безопасности / О. П. Чечин // Экономические науки. – 2019. – № 176. – С. 92–97. – DOI: 10.14451/1.176.92.
13. Кротов, М. И. Экономическая безопасность России: системный подход / М. И. Кротов, В. И. Мунтян. – СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2016. – 336 с.
14. Пузиков, В. В. Экономическая безопасность и экономическая преступность / В. В. Пузиков, А. И. Громович. – Мн. : ЗАО «Армита-Маркетинг, Менеджмент, 2001. – 360 с.
15. Лемещенко, П. С. Глобальная политэкономия как наука / П. С. Лемещенко, И. А. Лаврухина // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2020. – Вып. 12. – С. 5–18. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2020-12-5-18>
16. Николов, Л. Структуры человеческой деятельности / Л. Николов. – М. : Прогресс, 1984. – 176 с.
17. Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск : БНТУ, 2014. – 378 с.
18. Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов. – Мн. : Навука і тэхніка, 1991. – 350 с.
19. Городецкий, А. Е. Вопросы безопасности экономики России / А. Е. Городецкий // Экономист. – 1995. – № 10. – С. 44–50.
20. Модернизация белорусской промышленности в новых технологических и геоэкономических условиях / В. Л. Гурский [и др.] ; науч. ред. С. Ю. Солодовников ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 728 с.
21. Седов, Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. А. Седов // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 92 – 101.

22. Солодовников, С. Ю. Понятие хаоса и его место в развитии сложных систем / С. Ю. Солодовников // *Экономическая наука сегодня* : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 5–18. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-7-5-18>
23. Грунин, О. А. Экономическая безопасность организации / О. А. Грунин, С. О. Грунин. – СПб. : Питер, 2002. – 160 с.
24. Экономическая безопасность предприятия (фирмы) / В. Б. Зубик [и др.]; под общ. ред. Р. С. Седогова, М. И. Плотницкого, А. С. Головачева. – Минск : Выш. шк., 1998. – 391 с.
25. Солодовников, С. Ю. Парадигмальный кризис белорусской экономической науки, цифровизация и проблемы подготовки кадров в сфере обеспечения национальной безопасности / С. Ю. Солодовников // *Экономическая наука сегодня* : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 10. – С. 182–194. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2019-10-182-194>

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2021 года

THEORETICAL ASPECTS OF DEFINING ECONOMIC SECURITY AS AN ECONOMIC CATEGORY

E. A. Bidziura

bidziura@bntu.by

Postgraduate student, Senior Lecturer of the Department “Economics and Law”
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

This article is devoted to the theoretical foundations of the study of economic security, as a result of which security is defined as a norm of functioning that arises when using actual and potential opportunities focused on enhancing one's vitality in the face of internal and external threats. The author's interpretation of the concept of «economic security» is proposed on the basis of the selected approaches and methodology of N.V. Gerasimov in defining the «economic system of society»: economic security is the maintenance of the norm of functioning of the subject, which is ensured by creating a single, stable, organizationally formalized, relatively independent set of mechanisms focused on the implementation of socio-economic interests and outlined strategic goals in the context of actualized and potential threats. Revealed the interdependence of economic security and the needs of the subjects.

Keywords: security, economic security, needs, vitality, threats, risks, challenges, resources, interests, sustainable development.

References

1. Abalkin, L. I. (1994) Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i ikh otrazhenie [Economic security of Russia: threats and their reflection]. *Voprosy ekonomiki*. 12, 4–13. (In Russian).
2. Vishnevskii, A. A. (2012) Ekonomicheskaya bezopasnost' i ee obespechenie v klassifikatsionnykh modelyakh funktsii gosudarstva [Economic security and its provision in classification models of state functions]. *Satsyyal'na-ekonomichnyya i pravavyya dasledavanni*. (2), 101–122. (In Russian).
3. Bulgakova, M. A. (2020) Genezis i sovremennye tendentsii opredeleniya sushchnosti nauchnoi kategorii «ekonomicheskaya bezopasnost'» [Genesis and current trends in determining the essence of the scientific category "economic security"] *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*. 16 (5), 79–86. (In Russian).
4. Savina, M. V. (2009) Transformatsiya klassovoi struktury v postindustrial'nom obshchestve i potentsial'nye ugrozy natsional'noi ekonomicheskoi bezopasnosti [Transformation of class structure in post-industrial society and potential threats to national economic security] *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*. 6 (1), 29–34. (In Russian).
5. Shafieva, A. R. (2019) Ekonomicheskaya bezopasnost'. Faktory, predostavlyayushchie ugrozu ekonomicheskoi bezopasnosti RF [Economic security. Factors providing threat to the economic security of the Russian Federation] *Vestnik sovremennykh issledovaniy*. 1.5 (28), 325–328. (In Russian).
6. Prudius, E. V. (2008) O ponyatii i sisteme ekonomicheskoi bezopasnosti [About the concept and system of economic security] *Biznes v zakone*. (1), 66–70. (In Russian).

7. Grigor'eva, E. A. (2017) *Institutsional'noe obespechenie modernizatsii ehkonomiki kak uslovie ekonomicheskoi bezopasnosti* [Institutional support for the modernization of the economy as a condition for economic security], Moscow, Infra-M publ. (In Russian).
8. Orekhov, V. I., Orekhova, T. R., Karagodina, O. V. (2017) *Ekonomicheskaya bezopasnost' sovremennoi Rossii v usloviyakh krizisa* [Economic security of modern Russia in crisis], Orekhova, T. R. (ed) Moscow, Infra-M publ. (In Russian).
9. Obolenskii, V. P., Pospelov, V. A. (2001) *Globalizatsiya mirovoi nauki ekono-miki: problemy i riski rossiiskogo predprinimatel'stva* [Globalization of world science economy: problems and risks of Russian entrepreneurship], Moscow, Nauka publ. (In Russian).
10. Morgunov, V. V. (2011) Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii kak ekonomicheskaya kategoriya [Economic security of Russia as an economic category] *Ehkonomicheskie nauki*. 10 (83), 53–55. (In Russian).
11. Orlova, A. V. (2012) Ehvolutsiya ponyatiya «ekonomicheskaya bezopasnost'» [Evolution of the concept of «Economic Security»] *Nauchnye vedomosti*. 19 (138), 93–97. (In Russian).
12. Chechin, O. P. (2019) Tsifrovaya transformatsiya v kontseptsii ekonomicheskoi bezopasnosti [Digital transformation in economic security concept] *Ekonomicheskie nauki*. 7 (176), 92–97. Available from: doi:10.14451/1.176.92. (In Russian).
13. Krotov, M. I., Muntiyani, V. I. (2016) *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: sistemyi podkhod* [Economic security of Russia: a systematic approach], Saint Petersburg, NPK «ROST» publ. (In Russian).
14. Puzikov, V. V., Gromovich, A. I. (2001) *Ekonomicheskaya bezopasnost' i ehkonomicheskaya prestupnost'* [Economic security and economic crime], Minsk, ZAO «Armita-Marketing, Menedzhment» publ. (In Russian).
15. Lemeshenko, P. S., Lavruhina, I. A. (2020) Global'naya politekonomiya kak nauka [Global political economy as a science] *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (12), 5–18. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2020-12-5-18>. (In Russian).
16. Nikolov, L. (1984) *Struktury chelovecheskoi deyatel'nosti* [Structures of human action] Moscow, Progress publ. (In Russian).
17. Solodovnikov, S. Yu. (2014) *Klassy i klassovaya bor'ba v postindustrial'nom obshchestve: metodologicheskie osnovy politiko-ekonomicheskogo issledovaniya* [Classes and class struggle in postindustrial society: methodological foundations of political and economic research]. Minsk, BNTU publ. (In Russian).
18. Gerasimov, N. V. (1991) *Ekonomicheskaya sistema: genezis, struktura, razvitie* [Economic system: genesis, structure, development]. Minsk, Navuka i tehknika publ. (In Russian).
19. Gorodetskii, A. E. (1995) Voprosy bezopasnosti ehkonomiki Rossii [Security issues of the Russian economy] *Ehkonomist*, (10), 44–50. (In Russian).
20. Gursky, V. L., Solodovnikov, S. Yu., Serhiyevich, T. V., Meleshko, Yu. V. (2021) Modernizatsiya belorusskoi promyshlennosti v novykh tekhnologicheskikh i geoekonomicheskikh usloviyakh [Modernization of the Belarusian industry in the new technological and geoeconomic conditions], Solodovnikov, S. Yu. (ed.) Minsk, Belaruskaya navuka publ. (In Russian).
21. Sedov, E. A. (1993) Informatsionno-ehntropiinye svoistva sotsial'nykh sistem [Information and entropy properties of social systems] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (5), 92 – 101. (In Russian).
22. Solodovnikov, S. Yu. (2018) Ponyatie khaosa i ego mesto v razvitii slozhnykh system [Chaos definition and its role in complicated systems' development]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (7), 5–18. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2018-7-5-18>. (In Russian).
23. Grunin, O. A., Grunin, S. O. (2002) *Ekonomicheskaya bezopasnost' organizatsii* [Economic security of the organization]. Saint Petersburg, Piter publ. (In Russian).
24. Zubik, V. B. et al. (1998) *Ekonomicheskaya bezopasnost' predpriyatiya (firmy)* [Economic security of the enterprise (firm)], R. S. Sedegova, M. I. Plotnitskogo, A. S. Golovacheva (ed.) Minsk, Vysh. shk. publ. (In Russian).
25. Solodovnikov, S. Yu. (2019) Paradigmal'nyi krizis belorusskoi ekonomicheskoi nauki, tsifrovizatsiya i problemy podgotovki kadrov v sfere obespecheniya natsional'noi bezopasnosti [Paradigm crisis of belarusian economic science, digitalization and problems of higher education in the field of national security]. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (10), 182–194. Available from: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2019-10-182-194> (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ

НАУКА ЭКОНОМИКА: МЕЖДУ ИСТИНОЙ И УТОПИЕЙ

Рецензия на книгу: Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М.: КУРС, 2021. – 296 с.

П. С. Лемещенко

liamp@bsu.by

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой международной политической экономии
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

Книг, в которых излагаются результаты глубокого анализа такого сложного и ускользающего феномена как наука, крайне мало. Хотя, как, казалось бы, любой берущийся что-то излагать по экономике просто обязан даже для себя сделать некоторую «ревизию», а точнее оценку того методолого-инструментального аппарата, к которому ты будешь обращаться, исследуя избранный для себя объект. К сожалению, это делается крайне редко. Обычно актуальность экономических, редко – политэкономических проблем, грань между которыми улавливается сегодня далеко не каждым, как показывают личные наблюдения за несколько десятков лет, определяется частотой повторения той или иной категории в официальной риторике или в соответствующих публикациях. Для «сцепления» с научной корпорацией в лучшем случае могут обратиться и процитировать со знаком «плюс» или «минус» несколько авторов по направлению исследования. Собственно, анализируя и излагая разные по актуальности и величине проблемы, такой прием вполне уместен. Вопрос в другом. Далеко не все авторы, и, к сожалению, их большинство, даже уже в «авторитетном» возрасте и с титулами не понимают роли и значения методологического «фокуса» и необходимой работы с соответствующими экономическими категориями. Так или иначе, но надо понимать, что наука экономика имеет особый социально-культурный и политико-экономический «срезы» отношений, которые зависят от интересов, мотивов, целей и пр. Объект обладает эластичностью и изменчивостью, а субъект исследования также зависит от мировоззрения, уровня освоения той или иной экономической школы, онтологических факторов, свойств и способностей личности к риторике, искусству письма и пр. Вот что писал Дж. К. Гэлбрейт, характеризуя специфику деятельности экономиста: «Одна из редких, но хорошо вознаграждаемых профессий в свободном обществе состоит в том, чтобы снабжать всех, кто в состоянии платить, нужными им выводами и умозаключениями, должным образом подкрепленными статистическими данными и моральным негодованием»¹. И несколько далее: «Экономистам в целом свойственно иметь весьма высокое мнение о том, что они делают сами, и гораздо менее высокое мнение о том, что делают их коллеги по профессии. Если ученый глубоко погрузился в изучение узкого раздела той или иной темы, то он почти наверняка склонен относиться с недоверием к человеку, избравшему более широкий объект исследования, подозревая его в поверхностности. Последний в свою очередь будет считать специалиста человеком, лишенным широты взглядов, или того, что принято называть кругозором. Похоже на то, что, познавая все больше о меньшем, специалист рискует стать круглым невеждой»².

Научная монография В. М. Ефимова «Деньги, социальные порядки и экономическая наука», а именно такой статус имеет эта книга, в чем нет никаких сомнений, выделяется из многих подобных публикаций тем, что, во-первых, она представляет не только широкий охват проблем самой экономической науки, но и их глубокое, тонкое понимание, о чем дополнительно можно узнать из предыдущих работ автора, на которые есть более 300 ссылок. Во-вторых, монография содержит хотя и обобщенный, но качественный анализ реальной хозяйственной жизни в соотношении с экономическими идеями и их эволюцией. В-третьих, методологическая широта автора проявляется в весьма оригинальном обращении к давно забытому понятию «экономических порядков». Это своего рода проявление желания более или менее достичь це-

¹ Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М. : Прогресс, 1969. – С. 313.

² Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М. : Прогресс, 1969. – С. 464–465.

лостного или системного отражения хозяйственной реальности. Напомним, что хозяйственная деятельность основывается не только на формировании или достижении порядков экономических. Человеческая деятельность (ее изучает или, по крайней мере, должна изучать экономика, но к ней по разным причинам почти не обращаются) включает себя, прежде всего, порядок в мышлении – политэкономическая наука, порядок политический, правовой, нравственно-этический, социальный и даже экологический. Комплементарность или, можно сказать, симметрия этих порядков дает теоретическую и практическую основу понимания и достижения на практике устойчивого развития, которого так сегодня не хватает почти всем странам. Правда, В. М. Ефимов прямо об этом не говорит, но такой вывод можно сделать из прочтения книги. Об односторонности одномерного подхода и его последствиях вот как говорил Д. Норт: «Даже если правители захотят принимать законы, руководствуясь соображениями эффективности, интересы самосохранения будут диктовать им иной образ действий, поскольку эффективные нормы будут диктовать им иной образ действий, поскольку эффективные нормы могут ущемить интересы сильных политических группировок»¹. В-четвертых, очень важная и отличительная особенность, которая принципиально отличает данный трактат от остальных, это изменение роли и значения денег как в общей теории экономики, так и в локальной денежной теории, исходя из чего по-своему трактуется влияние денег на ту или иную реальную хозяйственную модель. Надо отметить, что для современного этапа финансирования данному тезису даже трудно возразить. В более ранние исторические периоды представители различных школ и исследовательских программ априори принимают различные тезисы о происхождении денег и их функциях: они есть продукт развития товарного обмена или продукт государства, и насколько они нейтральны или активны в динамике воспроизводства. Думается, для этого периода такое понимание происхождения денег и их влияния на социально-экономический порядок соответствует реальности: деньги и соответствующие институты были вторичны по отношению к промышленному капиталу. В-пятых, в книге читатель найдет для себя может и не совсем новое, но все же хорошо интерпретированное понимание науки экономики как социально-политического феномена. Здесь проводится достаточно редкое понимание экономической науки в ракурсе исходной философски-идеологической установки, не только выполняющей аналитико-теоретическую функцию, но, в первую очередь, формирующей необходимый для доминирующей власти тип массового мышления, а, следовательно, и поведения, что имеет важное значение для хозяйственной практики. Напомним, в годы замены политической экономики на «экономику» объясняющим контекстом было утверждение, что эта «новая» теория находится за пределами как идеологии, так и политики. Реальность оказывается далеко не такой. Надо отметить, что такое прозрение о феномене и роли науки экономики, если принять такой термин, пришло примерно в 70-е годы, когда идея об ограниченной рациональности, предложенная Г. Саймоном и поддержанная другими исследователями в области междисциплинарного анализа, получила более широкую поддержку и более значимые результаты.

Монография В. М. Ефимова содержит семь глав. Логика ее авторская, и в целом она разрешает те проблемы, которые он формулирует. Первая глава называется «Критика одной социальной философии». Поскольку текст этой главы насыщен ссылками на собственные работы автора, другие работы, полагая, что читатель с ними знаком так же, как и сам В. М. Ефимов, то исходя из «чистого текста» мы не обнаружили здесь действительной критики. С нашей точки зрения и сам автор, и неоднократно цитируемый А. А. Аузан не очень расходятся в понимании роли и значения экономической науки. Тем более, что в книге начало первой главы предваряется эпиграфом из книги А. А. Аузана о мечте институциональной экономики превратить последнюю в социальную философию. А на стр. 30 автор монографии пишет, что «экономическая мысль существует в четырех лицах: наука, философия, идеология и утопия»². Поэтому, представляется, разночтений здесь мы особо не обнаружили. Автор, и это чувствуется по всему тексту, как-то не очень доволен тем, что и А. А. Аузан и другие представители экономической науки, права и философии не заметили теоретико-прагматических начал Дж. Коммонса. Да, в литературе за последние сто лет действительно мало писали об этом американском исследователе. Ну, такова жизнь: так бывает часто во всех сферах человеческой деятельности. Однако

¹ Норт, Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. – М. : Начала-Пресс, 1993. – Том 1. – Вып. 2. – С. 73.

² Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 30.

если учесть социально-классовую направленность Дж. Коммонса, то не думается, что институциональная мысль пошла в каком-то другом более плодотворном направлении. Тем более, что его «прагматическая философия» имеет историко-правовой контекст своей страны – США, а не, например, России. А «эффект колеи», который используется деканом экономфака МГУ им. М. В. Ломоносова, как представляется, ориентирует не просто на некую идеальную либерально-неолиберальную модель, а на поиск историко-гуманитарного «кода» стран и России в том числе. И надо отдать должное профессору, что поиск этого кода он делает крайне рассудительно, давая читателю возможность самому включиться в дополнительный поиск аргументов, объясняющий «логику этой колеи».

Глава 2 «Прошлое и будущее экономической науки с точки зрения прагматической философии Джона Дьюи» популяризирует идеи этого не совсем известного, но все-таки даже имеющего практику и опыт в молодой Советской России, куда он приезжал в 1928 году и встречался с Н. К. Крупской. Да, это был период поиска не только новых форм хозяйствования, на путь который стала Россия, но и поиск новых идейно-методических и педагогических инструментов воспитания и обучения «нового» человека будущего общества. И хотя философ и педагог правильно говорил о том, что эстетические ценности должны формироваться в процессе сенсорного обмена между живым существом (человеком) и окружающей средой и быть постоянно проверяемые опытом, другие важные и тоже правильные тезисы, все-таки заметим, что от идей до правильности житейской реальности – очень длинный путь. Поэтому актуализация идей и Дж. Коммонса, и Дж. Дьюи будоражит мысль, напоминает и указывает читателю на менее известные фигуры, но вряд ли стоит возводить их в ранг новых кумиров и обольщаться перспективой непротиворечивого развития. Надо считаться с историческим фактом, если уж быть прагматиком, что практика не приняла полностью идей этих авторов. И, наверное, не по злему умыслу. С нашей точки зрения, тому же Дж. Коммонсу для отражения всего спектра общественно-экономических отношений не хватало восприятия идей того же Т. Б. Веблена. А Дж. Дьюи, желая как-то посоперничать с идеями К. Маркса относительно его взглядов на частную собственность, предложил развивать отношения собственности через использование акций соответствующих предприятий. Но доход на акции – это тот же нетрудовой доход, против которого для гармонизации развития общества выступал Дж. Дьюи. А К. Маркс в развитии капитала, его форм видел естественное отрицание капитала и той же частной собственности, что сегодня подтверждается статистикой. Для акционерных же предприятий он нашел мало кем замечаемое и понимаемое понятие «переходных форм».

Главу 3 «О монетарном социальном порядке» В. М. Ефимов предлагает «рассматривать как центральную этой книги»¹. Это вполне логично, поскольку категория «деньги» вынесена в название. Логично и потому, что именно данный феномен является не только самым обсуждаемым, но и самым нервным. Современная эпоха отличается рядом устойчивых мифов, которые заменили научные выводы. Мифы о деньгах, пожалуй, – самые распространенные, самые вредные и самые культивируемые мифы. Весь мир стал пленником собственной риторики и сложного мифа о деньгах, что создает удивительно выгодные предпосылки для извлечения рентных доходов. Цифровая составляющая вносит свои интерпретации в понимание финансово-денежных отношений. Здесь наши оценки понимания природы денег с уважаемым автором книги удивительно совпадают. Совпадает и их характеристика, что деньги – это институт². Честно, читая оригинальные рассуждения В. М. Ефимова, не совсем понимаешь, почему именно такое определение денег ему больше импонирует: «Итак, деньги, выражающие ценность, являются жетонами (для их монетарной формы) талонами (для их бумажной формы) и записями на счетах (для их безналичной формы), которые дают право на получение товаров и услуг, имеющих эту ценность. Право это проистекает не от того, что деньги, в том числе и монеты, изготовленные из драгоценных металлов, обладают какой-то своей субстанцией, имеющей внутреннюю ценность, а от того, что оно, это право, зафиксировано в правилах функционирования денежной системы как социального института. Эти правила поддерживаются авторите-

¹ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 80.

² Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 81–84; Лемещенко, П. С. Деньги как институт: современные проблемы // П. С. Лемещенко // Казанский (Приволжский) федеральный университет: Региональный экономический журнал. – 2020. – № 2. – С. 47–56.

том (в том числе способностью применить силу) государства, на территории которого выпускаются деньги определенной денежной системы, и доверием пользователей этой денежной системы данному государству. Правила эти закрепляются привычкой и вероубеждением в покупательную и платежную силу денег этой денежной системы»¹. С этим определением денег можно было бы согласиться полностью, если бы оно начиналось с последнего предложения. А в нем есть очень сильная мысль о вероубеждении и даже привычке доверять покупательной силе денег денежной системы. Эта привычка и доверие возникают далеко не сразу, когда некое государство своими формальными декретами устанавливает правила и наделяет деньги «ценностью». История денег показывает, что, узнав о готовящихся новых денежных единицах, население законно и незаконно скупает то, против чего возражает автор – монеты, имеющие статус естественного «денежного материала». Вот этот опыт и показывает, и определяет доверие к выпускающим новым денежным единицам, к системе в целом. Тридцатилетний опыт существования денежных систем, например, России и Беларуси показывает, что жестких правил и даже жестких наказаний мало, чтобы доверять полностью национальным денежным системам. С чем можно полностью согласиться, так это с тезисом автора книги о том, что как родина «начинается с картинки в твоём букваре», так и реальная социально-экономическая система явно или неявно, но имеет денежное начало. И, кстати, как эффективность, так и справедливость этих систем зависят от построения и функционирования денежных систем. Последние абсолютно незаметны и непонятны (!), но абсолютно законны, потому что такие законы приняты, которые осуществляют распределение и перераспределение не только добавленной стоимости, но и необходимого продукта. Этот феномен К. Маркс бы назвал эксплуатацией государством через кредитно-денежную систему. Термин «товарно-денежный фетишизм» – термин К. Маркса, который еще в то время прозорливо видел следствие этого фетишизма. Поэтому частично из-за этого теория марксизма очень неудобная для политической и экономической власти в современном мире, а неоклассическая теория «объясняет», что каждый фактор получает свой вид и размер дохода.

К тому же, если раньше власть политическая еще как-то боролась с властью денежной, то, пожалуй, сегодня они находятся в органическом единстве. В одиночку стало трудно «работать» на современном политико-экономическом поле. Биткоин же и другие подобного рода валюты – попытка выйти из-под этого влияния. Но цель тоже меркантильная: быть властью для извлечения рентных доходов, пользуясь спецификой валюты и соответствующих отношений. Но, как верно зафиксировал в своей книге управляющий Банком Англии Мервинг Кинг «Конец алхимии: деньги, банковское дело и будущее глобальной экономики», такая стратегия ведет в конечном итоге к финансовым кризисам. И законодательные органы, как верно далее отмечает В. М. Ефимов, институционализируют такое положение вещей, равно как и утверждают основной государственный план – госбюджет², имеющий доминирующие цели, которые не всегда понимает основная масса населения. И далее весьма смелая мысль автора: «Что касается «демократии», то даже при всеобщем избирательном праве существующая система дает власть богатым, оставляя бесправными всех тех, у кого нет большого количества денег»³.

Глава 4 «Два современных социолога и пять экономистов прошлого о социальном институте денег и его реформировании» делают существенный прирост к интерпретации денег в прошлом и настоящем. Автор очень хорошо владеет философией, историей науки и экономической историей, политэкономией и неоклассической теорией, основаниями социологии. К тому же в книге демонстрируется уважительная и очень профессиональная способность вести диалог даже в том случае, когда автор с чем-то явно не согласен. Но эта глава настолько насыщена разного рода идеями, трактовками и пр., что требуется написать книгу с не меньшим объемом, чтобы как-то выразить свое отношение по каждому возможному вопросу. Мы только подчеркнем, что В. М. Ефимов совсем не зря выбрал в качестве своих оппонентов в лице социологов Дж. Ингема и Й. Хубера, а также таких экономистов, действительно известных и повлиявших на умы, как Дж. Кейнс, Й. Шумпетер, Г. Саймонс, И. Фишер и М. Алле. Автор

¹ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 82.

² Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 104–105.

³ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 106.

не повторяется и воспроизводит из их интеллектуального базиса не совсем известные, но важные философско-экономические позиции. Но как-то в этом содержательном диалоге мы так и не нашли отличий теории 100 % денег от концепции денег суверенных. И, тем не менее, кое-что представляя для себя в этом направлении проблемы, отметим, что для достижения этой цели потребовалась бы еще одна книга.

Глава 5 посвящена России и называется «О пути России к ее современному социальному порядку». Откровенно, глава звучит где-то вызывающе, но и многообещающе. Идут разные диалоги относительно определения сути современного социального порядка и чего – России..., а тут еще автор обещает раскрыть и ее путь к этому порядку и «порядку».

В качестве предварительного размышления по этой и другим главам почему-то возник вопрос, а почему, например, решая проблему определения современного социального порядка России, уважаемый В. М. Ефимов обращается к влиятельным, но все же не российским философам, экономистам и другим специалистам? И, кстати, автор в таком методологическом выборе далеко не одинок: познать Россию или из-за ее пространства, или же используя идеи, скажем мягко и без обид, людей другой ментальности и культуры – Дьюи, Норта, Уоллиса, Вайнгаста. Но В. М. Ефимов абсолютно прав, когда говорит, что «для того, чтобы понять современный российский социальный порядок, его ни в коем случае нельзя рассматривать изолированно от мирового порядка, который, в свою очередь, в значительной степени определяется социальными порядками, существующими в западных странах, и прежде всего в США»¹. Мы сегодня являемся очевидцами жесткой попытки интервенции в российскую действительность институтов, которые американские лидеры (скорее всего это так) предполагают внедрить в страну безо всякой оглядки и адаптации.

Современный российский социальный порядок в монографии называется «патрональным социальным порядком»², который, как считает автор, есть следствие навязывания России такого политико-экономического порядка, который лишил ее, по существу, суверенитета, но что не поддержал народ даже ростом благосостояния. Тезис о социальных сетях в виде сети «чекистов» нельзя ни доказать, ни опровергнуть, которая якобы повлияла на нынешний социально-политический порядок. Эта же «сеть», по нашему мнению, мощно повлияла и на то, чтобы «советский порядок» стал историей... Но заслуживает внимания вывод о том³, что потенциал института денег в современном патрональном социальном порядке, действительно, используется очень неэффективно. Опять-таки выскажем свою точку зрения: неэффективно для национальной системы, но очень эффективно для основных «игроков» российского политэкономического поля. Как представляется, эти «игроки» не совсем знакомы с политэкономией и не очень понимают краткосрочные и долгосрочные приоритеты. Но они хорошо понимают личные интересы и другие, которые их не затрагивают непосредственно, как им представляется вначале. Но потом плохие дороги, преступность, коррупция и пр. поставят перед такими игроками много вопросов. Думается, скоро факты истории заставят понять прежнее мое утверждение, может и не совсем корректное, но не лишнее смысла.

Диапазон рассуждений в главе 6 «О политическом завещании Сталина» весьма широк. Автор в целом не лишен оригинальности суждений и не только в этой работе, но и в других произведениях, например, «Экономические проблемы социализма в СССР». Автор уважительно, по-моему, относится к работам К. Маркса, в частности, к «Капиталу». Правда, как человек высокообразованный, В. М. Ефимов в своем повествовании использует разные парадигмы, дискретные исторические экскурсы, логические и эмоциональные суждения, что привлекает к тексту, но не позволяет более или менее признать, чему и кому отдает предпочтения автор. Понятно, что он выдвигает тезис о деньгах как институте, с чем мы ни грамма не спорим, поскольку наши позиции в этом совпадают. Но такой порядок возникает не сразу: требуется исторический опыт, который бы привел к некоторому единству населения и власти в понимании пропорций, норм, правил обмена. Т. е. мы тоже утверждаем, что товарная природа денег, о которой говорил и К. Маркс, и другие, – это реальное явление. Можно вспомнить и бартер, кото-

¹ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 145.

² Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 146.

³ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 146–147.

рый совсем недавно, всего лишь лет тридцать тому назад, заменил, пожалуй, самую крепкую денежную систему – советские денежные знаки. За этот короткий период история повторилась, возродив и векселя, и долговые расписки и пр. Население, предприятия, желая сохранить свою собственность, приобретало более или менее ликвидные товары. С развитием фидуциарных денег товарная основа денег уходит как бы в общий знаменатель товарно-денежных отношений.

Есть у нас различие с автором книги и в понимании того, что «беда существующего на Западе социального порядка состоит в том, что важнейшим, если не основным источником власти являются деньги»¹. Пожалуй, это так, но деньги имеют смысл таков, каким его наделяют люди. А их множество – от простого населения различных стран до политиков, банкиров и пр. Деньги – сильная власть, где-то безжалостная и пр., если она опирается на правовые и политические институты, формируя и соответствующее мировоззрение: время – деньги. Кстати, если бы было иное, то не возникло бы и капиталистическое общество, которое с помощью силы права обеспечивало отношение найма между трудом и капиталом, между банками и субъектами хозяйствования и пр. Но, как мы когда-то сказали, время – не деньги, время – это жизнь; деньги приходят и уходят, а жизнь только уходит. Но человек это понимает чуть позже... К. Маркс это понял значительно раньше, указывая на необходимость ограничения товарно-денежных отношений. Эти ограничения приводили не только к дефициту в социалистической экономике, но и указывали на непосредственных «виновников» такого явления. В результате эта система не получила развития, хотя исходные посылки ее были и исторически, и цивилизационно, на наш взгляд, вполне оправданны – почему бы не хотеть лучшего общества? Конечно, материально-технические и ментально-культурные предпосылки для более, скажем так, комфортного и справедливого общества вряд ли были созданы.

В наших условиях доминирования денег все списывают на инфляцию и рынок, хотя 1 % инфляции в мире при текущем объеме ВВП позволит перераспределить (!) совсем немалую сумму материального богатства субъектам власти денег: тихо, незаметно и успешно. И мы согласны с замечательным утверждением В. М. Ефимова, который пишет: «Власть денег тоже предполагает возможность использования насилия против тех, кто нарушает правила, установленные в институте денег... Правила эти, будучи опривыченными теми, кто им следует, становятся институтами. Совокупность институтов, действующих в стране, образуют социальный порядок этой страны»².

Автор, как нам показалось, иронизирует над понятием «экономических законов», называя это метафорой. Не будем вдаваться в дискуссии по этому чрезвычайно важному вопросу. Просто отметим, что наука и призвана раскрывать разные законы экономики и общества. Парадокс в том, что отойдя от классической политэкономии, современная неоклассика и другие исследовательские программы вообще прямо или косвенно уходят от этой проблемы. В нашем представлении закон стоимости является все-таки экономическим законом определенного уровня. И даже в этой книге автор пишет: «Власть государства в советской экономической системе (*и не только – П. Л.*) как единственного продавца была большой, но ... не безграничной»³. Вот как раз-таки экономические законы и ограничивают власть государства. Мы сейчас из-за отказа от экономических законов, из-за того, что утеряны по вине, кстати, экономистов ориентиры в общественном регулировании, испытываем жесточайший произвол, или как ранее говорили, волюнтаризм, политики и права.

Далее в главе 6 автором по-своему интерпретируется основной экономической закон социализма, воспроизводятся факты теории и его хозяйственной практики, личное участие в некоторых мероприятиях социалистического строительства. Это интересно. Но вот что пишет далее автор: «Основа советской экономической системы, созданной Сталиным, а именно система планирования объемов производства и выделяемых под эти объемы материальных ресурсов (фондов), не была изменена практически до самого конца существования Советского Союза... Созданная Сталиным система проникла и в этот проект (*речь идет о Проекте закона*

¹ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 186.

² Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 195.

³ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 204.

СССР о государственном предприятии (объединении) – П. Л.)»¹. Конечно, преемственность истории и идей, теорий существует. Но хотелось бы спросить: а Сталин тут причем, ведь прошло столько лет и изменений?

Думается, проблема в другом. И она как-то выражена в неявном виде так: «Нужно двигаться к совершенно новому социальному порядку, которого еще не было в истории стран мира и к которому Россия может прокладывать путь»². Вот эта финишная, не только желаемая, но и возможная точка, т. е. предполагаемый порядок, мало кому известен, аргументированно описан, а еще менее всего признан большинством населения с допущениями и ограничениями. Задача понять современный мир, даже страну, как-то доступно отразить основные хозяйственные формы и этапы развития – представляется, главная задача. Но не менее сложной и важной задачей является задача диалога существующей власти, и, скажем, будущей. Защищаться, как говорил Ленин, нынешние власти научились и пользуются своим аппаратом насилия. А вместе с тем «современные социальные порядки на Западе и в России обладают глубокими пороками и требуют радикальных институциональных изменений»³.

Глава 7 «Колея профессии академического экономиста в постсоветской России», где автор излагает, по его мнению, ловушку неоклассики и марксизма. Анализируются работы авторитетных авторов, излагается это весьма интересно и не без любопытства. Сказать, что пишущий эту рецензию полностью разделяет высказанные взгляды и выводы, – нельзя. Но это не главное. Проблема в том, что некоторые идеи, суждения, выводы нельзя ни доказать, ни опровергнуть. И это центральная проблема в целом для истории, гуманитарных наук, человеческого поведения. Произошел «сбой» в «порядках», что сместило точку отсчета правды и вымысла, добра и зла, эффективности и расточительства и пр. Уважаемый В. М. Ефимов обладает большой информацией и умением излагать материал не только интересно, но и остро. Но работа не лишена переключения с одних авторитетов на другие. И, тем не менее, вывод, который делает автор в конце книги, заслуживает внимания, и мы его приведем полностью: «Близорукость экономической политики последних десятилетий в некоторых странах, в том числе и в России, происходит не потому, что копируются инструменты экономической политики и институциональные структуры ведущих стран мира без учета своего места на шкале времени, а потому, что эти инструменты и структуры не соответствуют привычным способом взаимодействия акторов в этих странах. Изменения в этих способах взаимодействия не могут произойти только вследствие изменения законодательства, а требуют достаточно долгого процесса обучения, причем полный разрыв со старыми способами взаимодействия, как правило, просто невозможен. Социальные («производственные») отношения, вопреки марксистской точке зрения не полностью определяются «производительными силами», а являются результатом исторического культурного развития народа»⁴. Общий вывод верен за исключением нашего прочтения марксизма, чтобы все-таки внести ясность (а, может, и нет), согласно которому производственные отношения тоже могут развиваться дискретно под влиянием и других факторов.

Таким образом, книга В. М. Ефимова «Деньги, социальные порядки и экономическая наука» является оригинальной работой, написанной «живым» и интересным языком, что не всегда свойственно для экономистов. Практичность монографии заключается в том, что действительно, раскрытие природы денег через институт, институции дает понимание не только возможностей, но и ограничений социально-экономического развития. Автор обладает большим массивом информации, исторических фактов, терпимостью к чужому мнению хорошим литературным стилем убедительно отстаивать высказанную позицию. Но это порождает и «теоретический грех», когда даже не большая, а огромная и текстовая, а еще больше затекстовая информационность сбивает и автора с логики, и, конечно, затрудняет понимание основной идеи книги. С нашей точки зрения, есть еще один «грех»: конечный пункт теоретически у автора не

¹ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 219.

² Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 221.

³ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 238.

⁴ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 250.

совсем просматривается. Понимаем, что это тяжелый процесс. Поэтому иногда возникает мысль, что, как у Р. Гильфердинга, – движение все, конечная цель – ничто.

Не кажется уместными и некоторые частные дискуссии, которых довольно много во всей книге. Они, как нам представляется, кажутся не по теме, хотя иногда бывают и интересные.

Но в целом книга полезная и будет интересная для читателей разных сфер и областей деятельности – от преподавателей до руководителей предприятий. Кроме всего прочего, ее отражает хороший грамотный стиль, которым владеет автор, острота изложения и деликатность при критике каких-то иных взглядов, позиций.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию сборника научных статей
«Экономическая наука сегодня»

Статьи принимаются в формате в виде файла **MSWord** по e-mail: ek.nauka.today@mail.ru.

При оформлении статьи необходимо **строго следовать нижеуказанным правилам и рекомендациям**, в ином случае редакционный совет оставляет за собой право не включать в сборник присылаемые материалы.

Редколлегия сборника может не разделять точку зрения авторов публикации. Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями, а также ответственность за несоблюдение авторских прав.

РЕГИСТРАЦИОННАЯ ФОРМА АВТОРА СТАТЬИ

1	Фамилия, имя, отчество (полностью)	
2	Место работы, должность	
3	Ученая степень, ученое звание	
4	Идентификатор ORCID	
5	Почтовый адрес (с почтовым индексом)	
6	Контактный телефон, e-mail	
7	Название статьи	
8	Дата предоставления статьи в редакцию	

Технические требования к оформлению статей

Автор, желающий опубликовать статью в сборнике, должен представить в редакцию статью: объемом до 40 000 знаков (с пробелами) для доктора наук и объемом от 15 500 до 20 000 знаков (с пробелами) для кандидата наук и соискателя, а также регистрационную форму автора статьи.

Шрифт Times New Roman размером 11 пт. для всех элементов статьи (в таблицах допускается уменьшение шрифта до 10 пт.)

Абзац – 1 см:

Отступ: первая строка – 1 см.

Междустрочный интервал – одинарный.

Автоматическая расстановка переносов (заголовки, наименование должности, названия таблиц и рисунков не переносятся).

УДК указывается слева в верхнем углу обычным шрифтом.

JEL указывается здесь же на следующей строке.

Заголовок, аннотация, ключевые слова и информация об авторах указывается на двух языках – английском и русском. Слева с отступом 1 см жирным шрифтом прописными буквами печатается название статьи. Ниже справа жирным шрифтом строчными буквами – инициалы и фамилия автора, ниже обычным шрифтом – его e-mail, статус, занимаемая должность для каждого автора, полное наименование организации учебы или работы автора, город, страна. Через интервал ниже наклонным шрифтом обычными буквами (выравнивание по ширине) печатается аннотация – до 10 строк. На следующей строке наклонным шрифтом (выравнивание по ширине) печатаются ключевые слова – до 10.

Далее через интервал следует текст статьи, разделенный на структурные части (введение, результаты и их обсуждение, выводы, список использованных источников), название которых печатается жирным шрифтом.

В разделе «Введение» должен быть дан краткий обзор литературы по данной проблеме, указаны не решенные ранее вопросы, сформулирована и обоснована цель работы и, если необходимо, указана ее связь с важными научными и практическими направлениями. Во введении следует избегать специфических понятий и терминов. Анализ источников, использованных при подготовке научной статьи, должен свидетельствовать о знании автором (авторами) статьи научных достижений в соответствующей области. В этой связи обязательными являются ссылки на работы других авторов. При этом должны присутствовать ссылки на публикации последних лет, включая зарубежные публикации в данной области.

Основная часть статьи «Результаты и их обсуждение» должна содержать описание методологии, объектов исследования и подробно освещать содержание исследований, проведенных автором (авторами). Полученные результаты должны быть обсуждены с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Основная часть статьи может делиться на подразделы (с разъяснительными заголовками) и содержать анализ последних публикаций, посвященных решению вопросов, относящихся к данным подразделам.

В разделе «Выводы» должны быть в сжатом виде сформулированы основные полученные результаты с указанием их новизны, преимуществ и возможностей применения. При необходимости должны быть также указаны границы применимости полученных результатов.

Далее через интервал приводится список использованных источников. Ниже указываются данные (наименование статьи, информация об авторе, аннотация, ключевые слова) на английском языке.

Обращаем внимание на оформление кавычек, тире и дефиса:

- при использовании в тексте кавычек используются так называемые типографские кавычки («»);
- тире обозначается символом « — » (длинное тире);
- дефис « - » (минус).

Иллюстрации, таблицы, формулы, уравнения и сноски, встречающиеся в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. **Иллюстрации и таблицы** отражаются только после их упоминания в тексте.

Таблица 1 – Название таблицы (Times New Roman, размер шрифта 11, строчные буквы, выравнивание по ширине, одинарный интервал, обычный шрифт)

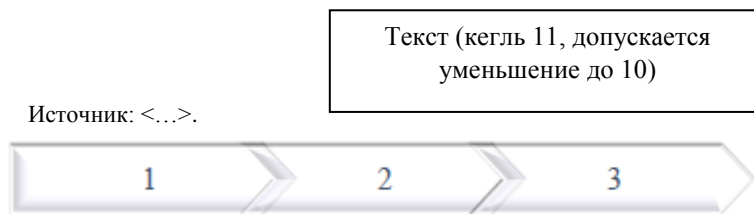

Рисунок 1 – Название рисунка (Times New Roman, размер шрифта 11, строчные буквы, выравнивание по центру, одинарный интервал, обычное начертание, рисунок выполняется в черно-белом формате, рисунки, выполненные в MS Excel, должны быть продублированы исходным файлом с соблюдением требований по цвету, ссылка на источник информации)

Источник: <...>
(Пробел)

Правила научного цитирования должны быть строго соблюдены. При написании научной статьи автор должен руководствоваться п. 16 Постановления ВАК Республики Беларусь от 28.02.2014 г. № 3 «Об утверждении инструкции о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации», в частности, делать «ссылки на источники <...>, из которых он заимствует материалы или отдельные результаты. **Не допускается пересказ текста других авторов без ссылок на них, а также его цитирование без использования кавычек**» (п. 16 указанного Постановления). В случае нарушений автором правил научного цитирования редакция оставляет за собой право не включать в сборник присылаемые материалы.

Список использованных источников оформляется на языке предоставления статьи в соответствие с документом «Образцы оформления библиографического описания в списке источников, приводимых в диссертации и автореферате», утвержденным Приказом ВАК Республики Беларусь от 25.07.2014 г. № 159 (в редакции Приказа ВАК Республики Беларусь от 08.09.2016 г. № 206).

Список располагается в конце текста, ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например: [1], [2, с. 36], [3; 4]).

При наличии для использованного источника в конце указывается DOI-ссылка: после слова «DOI» и двоеточия (DOI:). Точка в конце DOI-ссылки не ставится.

Обращаем внимание авторов, что следующие виды документов не включаются в список литературы, а оформляются как внутритекстовые сноски, размещаемые постранично, внизу страницы, нумерация – с № 1 на каждой странице:

- анонимные источники и нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.);
- труднодоступные, неопубликованные, малотиражные, а также локальные, популярные и образовательные источники: авторефераты диссертаций и диссертации, газеты, неопубликованные отчеты, учебные пособия и учебники, энциклопедии, хрестоматии, словари;
- электронные материалы и ресурсы сети Internet.

References. References оформляется отдельным списком после списка использованных источников. В References источники указываются в порядке, указанном в списке использованных источников.

Выходные данные. Библиографические описания следует составлять в стиле Harvard в версии Imperial College London (<http://www.imperial.ac.uk/admin-services/library/learning-support/reference-management/harvard-style/your-reference-list/>). Для описания даты выхода, тома и выпуска периодического издания и страниц, на которых опубликован источник ссылки, следует использовать сокращенный формат записи (примеры см. ниже).

Пунктуация.

– В References не используются знаки предписанной по ГОСТ пунктуации «//», «/», «—», – их надлежит заменить на запятые и точки.

– При указании ФИО авторов инициалы следует помещать после фамилии. После Фамилии автора ставится запятая.

– Инициалы автора необходимо писать через пробел, отделяя их друг от друга точкой.

– Авторы следует отделять друг от друга запятой.

- После инициалов, в скобках указывается год издания, точки не ставятся.
- Название публикации следует отделять от остальной части ссылки точкой.
- Название издания (книги, научного журнала) следует писать курсивом.
- При указании даты публикации, места, издателя, иных выходных данных пунктуация должна соответствовать приведенным ниже примерам.

Перевод и транслитерация. Если цитируемая статья написана на латинице (на английском, немецком, испанском, итальянском, финском, датском и других языках, использующих романский алфавит), ссылку на нее следует привести на оригинальном языке опубликования. Пример (статья в немецком журнале на немецком языке): Janzen, G., & Hawlik, M. (2005) Orientierung im Raum: Befunde zu Entscheidungspunkten. *Zeitschrift für Psychologie*. 213 (4), 179–186. (In German). Если статья написана НЕ на латинице – на кириллице (в том числе, на русском), иероглифами и т. д., нужно привести официальный перевод или выполнить перевод на английский язык самостоятельно (парафраз) – для названий статей. Для книг необходимо в этом случае привести транслитерацию на латиницу и перевод названия на английский язык. В конце описания в скобках указать язык издания.

Стандарт транслитерации. При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute).

ФИО авторов, редакторов. Фамилии и инициалы всех авторов на латинице следует приводить в ссылке так, как они даны в оригинальной публикации. Если в оригинальной публикации уже были приведены на латинице ФИО авторов – в ссылке на статью следует указывать именно этот вариант (независимо от использованной системы транслитерации в первоисточнике). Если в официальных источниках (на сайте журнала, в базах данных, в том числе – в eLibrary) ФИО авторов на латинице не приведены – следует транслитерировать их самостоятельно по стандарту BSI.

Название публикации. Если у цитируемой работы существует официальный перевод на английский язык или англоязычный вариант названия (его следует искать на сайте журнала, в базах данных, в том числе – в eLibrary) – следует указать именно его. Если в официальных источниках название публикации на латинице не приведено – следует выполнить перевод на английский язык самостоятельно (парафраз).

Название издания (журнала). Некоторые не англоязычные научные издания (журналы) имеют кроме названия на родном языке, официальное «параллельное» название на английском. Таким образом, для списка References в ссылке на статью из русскоязычного журнала следует указать либо транслитерированное название журнала, либо переводное. Переводное название журнала можно взять либо с официального сайта журнала (или использовать данные о правильном написании англоязычного названия из цитируемой статьи), либо проверить его наличие в базе данных, например, в CAS Source Index, библиотеке WorldCat или каталоге Web of Science (ISI), каталоге названий базы данных MedLine (NLM Catalog). В случае, когда у журнала нет официального названия на английском языке, в References нужно приводить транслитерацию по системе BSI. Не следует самостоятельно переводить названия журналов.

Место издания. Место издания в ссылках всегда следует указывать на английском языке и полностью – не в транслитерации и без сокращений. То есть Moscow, а не «Moskva» и не «M.», Saint Petersburg, а не «Sankt Peterburg» и не «SPb».

Название издательства/издателя. В отличие от места издания, название издательства для ссылок в References следует только транслитерировать (за исключением крайне редких случаев наличия у издателя параллельного официального англоязычного названия).

DOI. При наличии для использованного источника в конце указывается DOI-ссылка: после слов «Available from: <https://doi.org/>». Точка в конце DOI-ссылки не ставится.

Идентификатор языка. Если цитируемая в References публикация исходно не англоязычная (делался перевод названия публикации и перевод/транслитерация названия источника, чтобы сделать ссылку в References) – в самом конце ссылки после указания диапазона страниц в круглых скобках следует указать идентификатор языка, на котором написан первоисточник. Для ссылок на русскоязычные источники, например, следует использовать фразу «(In Russian)».

Исключения возможны по решению редакционного совета. Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей. Рецензии по присылаемым статьям авторам не предоставляются.

Научное издание

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА СЕГОДНЯ

Сборник научных статей

Выпуск 14

Ответственный за выпуск *Т. В. Сергеевич*
Компьютерная верстка *М. П. Сташевская*

Подписано в печать 10.12.2021. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 6,54. Тираж 100. Заказ 734.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/173 от 12.02.2014. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.